270.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 10 ОКТЯБРЬ и № 11. НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ПОДСНѢЖНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И ЮНОШЕСКАГО ВОЗРАСТОВЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ В. Н. МАЙКОВЫМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№№ 10 и 11. ОКТЯБРЬ и НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, декабря 17 дня 1860 года.

Цензоръ *С. Лебедевъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ И ОДИНАДЦАТОЙ КНИЖЕКЪ.

Тайна быть любимымъ (*съ англійскаго*)..... 1

Юношеская любовь, Д. Д..... 19

Крещеніе литвы и присоединеніе ея къ Польшѣ. 54

Альгамбра (*разсказъ американскаго писателя Вашингтона Ирвинга*):

I. *Путешествіе.* — II. *Владѣтели Альгамбры.* — III. *Внутренность Альгамбры.* — IV. *Комарова башня.* — V. *Мысли о владычествѣ мусульманъ въ Испаніи.* — VI. *Домашнее хозяйство.* — VII. *Комната Автора.* — VIII. *Альгамбра при лунномъ свѣтѣ.* — IX. *Жители Альгамбры.* — XI. *Львиный Дворъ.* — XI. *Боабдилъ* — XII. *Балконъ.* — XIII. *Преданіе о каменьщикѣ.* — XIV. *Прогулка по холмамъ....* 86

Финикіяне (*по Максу-Дункеру, Веберу и др.*)

В. Милеанта:

1. *Общій характеръ Сиріи и ея обитатели.* — 2. *Финикійскіе города.* — 3. *Колоніи.* — 4. *Потеря независимости и упадокъ финикійскихъ городовъ* 149

Квентинъ Дорвардъ *(историческій романъ Вальтера Скотта, въ сокращеніи), окончаніе:*

XXXII. *Герольдъ.* — XXXIII. *Казнь.* — XXXIV. *Почетная награда.* — XXXV. *Вылазка.* — XXXVI. *Вылазка*.....503—580

ТАЙНА БЫТЬ ЛЮБИМЫМЪ.

«Тетя Мэри, какъ это грустно, что меня никто не любитъ!» сказалъ Вили Арденъ.

— Ахъ, Вили! возразила мистриссъ Арденъ.

«Это сущая правда, тетя. Въ школѣ всѣ товарищи дразнятъ меня, а дома... я увѣренъ, что мама любитъ Фреда вдвое больше, чѣмъ меня, — не знаю, какъ папа, но думаю, что и онъ врядъ ли меня очень любитъ.»

— Если это правда, Вили, то неужели тебѣ никогда не приходила въ голову мысль, что ты самъ въ этомъ виноватъ?

«Ахъ, нѣтъ, тетя, — я знаю, что не я виноватъ. Я стараюсь, сколько могу, угождать всѣмъ, — но что бы я не сдѣлалъ, все не впопадъ; меня всегда бранятъ и никто не любитъ.»

— Знаешь ты, Вили, старую, но очень справедливую пословицу: «одинъ человѣкъ можетъ ошибаться, но весь свѣтъ никогда»?

— Нѣтъ, тетя Мэри, это не правда. Я увѣренъ,

что всѣ виноваты предо мною; не хорошо и очень несправедливо меня не любить.»

— Прежде чѣмъ согласиться съ тобою, я должна въ этомъ убѣдиться сама, возразила мистриссъ Арденъ: — Можетъ быть, прежде, чѣмъ ты уѣдешь отъ насъ, я помогу тебѣ разгадать эту грустную тайну.

Вили, казалось, не совсѣмъ удовлетворился такимъ заключеніемъ, но тетку позвали въ эту минуту и онъ не нашелъ другого случая продолжать свой разговоръ съ нею.

— Умѣешь ли ты играть въ крикетъ, Вили, спросилъ его въ тотъ же день за обѣдомъ его двоюродный братъ Гербертъ.

«Умѣю, да еще какъ! отвѣчалъ Вили: — мы очень часто играемъ въ крикетъ въ школѣ, и такъ наловчились, что побѣждаемъ всѣ сосѣднія школы!»

— Такъ ты можешь поучить насъ, сказалъ Гербертъ: — мы попробуемъ немного сегодня послѣ обѣда, и постараемся устроить настоящую партію на дняхъ. Мама, можно мнѣ пригласить въ четвергъ Давенотовъ и Фрамптоновъ?

«Можешь, если хочешь, мой милый,» отвѣчала мать.

— А можетъ Джонъ играть съ нами послѣ обѣда, мама?

«Если кучеръ можетъ управиться безъ него.»

— Онъ охотно обойдется безъ него, я увѣренъ, воскликнулъ Гербертъ: — а если онъ въ духѣ, такъ, можетъ быть, и самъ придетъ поиграть съ нами; вотъ насъ и довольно будетъ для перваго раза, — а

ужь лучшіе твои удары ты побереги до четверга, Вили.

Вили не слыхалъ, что ему говорили: такъ погрузился онъ въ созерцаніе блюда съ плодами, которые подавалъ ему слуга въ эту минуту; на блюдѣ лежали превосходные персики, но одинъ казался лучше всѣхъ, и его-то Вили поспѣшилъ переложить на свою тарелку.

Когда слуга подалъ блюдо мистриссъ Арденъ, она выбрала одинъ изъ самыхъ плохихъ персиковъ.

Вили очистилъ свой персикъ и принялся ѣсть его; взглянувъ случайно на тарелку своей тетки, онъ сказалъ:

— Тетя Мэри, кажется, твой персикъ не такъ хорошъ, какъ мой?

«И мнѣ тоже кажется, Вили,» сказала мистриссъ Арденъ съ улыбкой, которая вовсе не понравилась нашему Вили.

«Мнѣ жаль, что ты не взяла моего», тетя Мэри, пробормоталъ мальчикъ.

— Зачѣмъ же ты не оставилъ его для меня? замѣтила тетка.

Вили покраснѣлъ до ушей, а Гербертъ громко расхохотался.

Разговора этого не продолжали, однако Вили очень обрадовался, когда сняли скатерть и дѣтямъ позволили итти играть въ крикетъ.

— Мама, сказалъ Гербертъ, оставшись вечеромъ одинъ съ матерью: — какой странный мальчикъ этотъ Вили! онъ мнѣ вовсе не нравится.

«Другъ мой, — сказала мать: — помни, что онъ твой гость, и ты обязанъ не показывать своего нерасположенія къ нему, еслибъ даже ты и чувствовалъ его.»

— Право, это невозможно, мама; посуди сама: ты слышала, что говорилъ онъ за обѣдомъ про игру въ крикетъ? а пока мы шли въ поле, такъ онъ еще вдвое больше хвастался! послушать его, такъ, право, остается только повѣрить, что онъ лучшій игрокъ въ школѣ, и никто изъ товарищей не можетъ сравняться съ нимъ!.. А какъ начали играть, то, повѣришь ли, мама? онъ едва умѣетъ палку держать, когда же дѣло дошло до шаровъ, такъ тѣ, которые онъ бросалъ, на нѣсколько сажень не доходили до рѣшетки. Джонъ пустилъ шаръ преловко, но Вили не умѣлъ его подхватить, и шаръ ударился прямо въ него: можно было подумать, что у него, покрайней мѣрѣ, оторвало ногу, — онъ ревѣлъ съ полчаса, право!

«Но, можетъ быть, его больно ушибло?» спросила испуганная мистриссъ Арденъ.

«Разумѣется, немного и ушибло, мама, но это все равно, что ничего, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ я иногда разобьюсь; вѣдь у меня ноги часто всѣ въ синякахъ, а я не говорю ни слова. Онъ не хотѣлъ показать намъ ушиба, — такъ я думаю, врядъ ли онъ опасенъ. Но какъ же мы смѣялись!»

— Стало быть, ты такой же дрянной мальчикъ, какъ и твой двоюродный братъ.

«Мама, я, право, не могъ удержаться отъ смѣха.»

— А пробовалъ удержаться?

«Ну, этого я не могу сказать.»

— И ты забылъ, что онъ моложе тебя, и гость твой?

«А зачѣмъ онъ хвастался?»

— Конечно, хвастаться не слѣдовало, но и тебѣ не слѣдовало забывать обязанностей хозяина дома.

«Послушай, милая мама, мнѣ очень жаль, что я дурно поступилъ, но все-таки нельзя же не пожелать, чтобъ лучше онъ совсѣмъ не пріѣзжалъ, или скорѣе бы уѣхалъ, а то онъ испортитъ намъ всѣ каникулы.»

— Гербертъ, помнишь ли, что ты мнѣ обѣщалъ? спросила строгимъ голосомъ мистриссъ Арденъ.

«Помню, мама,» отвѣчалъ мальчикъ, слегка покраснѣвъ.

— И ты называешь это жертвовать собою для другихъ? Покуда Вили гость нашъ, дружокъ, съ нимъ не должно обращаться грубо и неласково. Мы посредствомъ кротости и вниманія должны стараться исправить его.

«Хорошо, я попробую, мама, но ты не знаешь, какую тяжелую задачу ты мнѣ задала.»

Въ этотъ день обѣдалъ въ Грэнжѣ (такъ звали помѣстье мистера Ардена) одинъ господинъ, путешествовавшій по Палестинѣ и привезшій оттуда много интересныхъ рисунковъ; послѣ обѣда онъ съ любезностью предложилъ показать ихъ дѣтямъ. Вили, по обыкновенію, заботился только о себѣ. Онъ подошелъ къ столу, занялъ лучшее мѣсто и не думалъ уступить его никому. Ему и въ голову не приходила мысль,

что и кромѣ его кому нибудь хочется видѣть рисунки, и совершенно былъ доволенъ тѣмъ, что удовлетворялъ свое собственное любопытство.

Гербертъ взглянулъ на мать. Онъ видѣлъ, по выраженію ея лица, что она хорошо замѣчаетъ все, происходящее, но ничего ни говоритъ: Гербертъ помнилъ свое обѣщаніе, и тоже молчалъ.

На другое утро, мистриссъ Арденъ осталась случайно одна съ своимъ маленькимъ племянникомъ.

«Вили, — сказала она: я нашла ключъ къ тайнѣ, которая такъ затрудняла тебя вчера утромъ, и если ты хочешь, я тебѣ дамъ этотъ ключъ.»

Вили испугался словъ тетки: онъ не забылъ ея улыбки и побаивался, что ключъ отопретъ нѣкоторыя непріятныя истины, и потому не отвѣчалъ ей ничего.

«Можетъ быть, ты и самъ открылъ?» сказала мистриссъ Арденъ.

— Что открылъ, тетя?

«А то, отчего всѣ такъ не справедливы къ тебѣ.»

— Ахъ! тетя, вотъ ты ужь опять смѣешься!

«Увѣряю тебя, Вили, я не смѣюсь, а говорю совершенно серьезно. Мнѣ было бы очень грустно, еслибъ меня никто не любилъ, — и еслибъ это со мной случилось, то, конечно, я бы постаралась отъискать причину тому.»

— Да какая же можетъ быть причина, тетя?

«Хочешь ли ты выслушать меня?»

— Хочу, отвѣчалъ Вили нѣсколько раздраженнымъ тономъ.

«Слыхалъ ли ты старую поговорку, что тотъ, кто хочетъ имѣть друзей, долженъ и самъ показывать дружбу?»

— Да я и то обращаюсь дружески со всѣми.

«Что ты называешь: дружески?»

— То... то... то... ну, ужь дружески, — ты ужь знаешь, тетя Мэри.

— «Я–то знаю, но спрашивается, знаешь ли ты? Развѣ дружбу доказываютъ, заботясь только о себѣ, о своемъ удовольствіи и спокойствіи, и присвоивая себѣ все, что получше?»

— Тетя, ты намекаешь о вчерашнемъ персикѣ?.. вѣдь я сказалъ, что мнѣ очень жаль, что твой былъ не такъ хорошъ...

«И подумалъ, что выраженное тобой сожалѣніе сдѣлаетъ мой персикъ такимъ же сочнымъ и вкуснымъ, какъ твой?»

— Нѣтъ, тетя, я этого не подумалъ.

«Такъ къ чему же безполезное извиненіе? Нѣтъ, Вили, тебѣ просто хотѣлось скушать что было получше, а потомъ показать видъ, что это случилось нечаянно. Мнѣ все равно, какой бы персикъ я не взяла: дѣло не въ персикѣ, а въ побужденіи.»

— Но я всегда стараюсь быть добрымъ и услужливымъ къ другимъ, возразилъ Вили, твердо рѣшившійся никакъ не признаваться, что онъ неправъ.

«Да, когда представляется случай быть пріятнымъ другимъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, — сказала Мистриссъ Арденъ: — но, дружекъ, прибавила она:

— ты или не замѣчаешь, или не хочешь замѣтить, какъ мало ты привыкъ заботиться о другихъ. Вчера, напримѣръ, ты, не обращая ни малѣйшаго вниманія на остальное общество, завладѣлъ мистеромъ Элліотомъ, и занялъ лучшее мѣсто на цѣлый вечеръ, нисколько не думая, что и двоюроднымъ твоимъ братьямъ также хотѣлось участвовать въ удовольствіи разсматривать картинки.»

— Они могли смотрѣть чрезъ мое плечо.

«Вили, Вили! сказала мистриссъ Арденъ такимъ строгимъ тономъ, что Вили вздрогнулъ: — Не удивительно, что тебя никто не любитъ. Какъ можно любить кого нибудь, кто любитъ одного себя и такъ слабъ къ своимъ недостаткамъ?» Послѣ минутнаго молчанія, мистриссъ Арденъ прибавила: «Ты у меня пробудешь только нѣсколько дней, — я не хочу, чтобы въ это короткое время ты былъ несчастливъ, но только помни, мой другъ, что жалобы, которыя ты будешь приносить на твоихъ двоюродныхъ братьевъ и школьныхъ товарищей, будутъ безполезны, потому что я не сомнѣваюсь въ томъ, что они правы.»

Вмѣсто того, чтобы раскаяться, Вили только разсердился: стало быть, тетка была также несправедлива, какъ и всѣ остальные. Онъ преисполнился негодованіемъ на весь свѣтъ и отправился въ садъ, гдѣ далъ полную волю своему гнѣву, обивая головки цвѣтовъ маленькой палкой, которая была у него въ рукахъ.

Къ счастію безвинныхъ розановъ и геранiй, забава эта скоро ему надоѣла; усѣвшись въ хорошенькой, маленькой, бесѣдкѣ, находившейся на концѣ одной аллеи, онъ началъ обдумывать все, что ему сказала тетка.

Тщетно старался онъ увѣрить себя, что она была недобра и несправедлива, и что самъ онъ несчастный, притѣсненный мальчикъ; вѣдь онъ не зналъ, что беретъ лучшiй персикъ, и другiе могли также хорошо, если не лучше, видѣть рисунки мистера Эллiота; а что касается игры въ крикетъ, то, право, онъ игралъ очень хорошо, покрайней мѣрѣ порядочно, и совсѣмъ не много плакалъ, когда шаръ ушибъ его такъ больно! а двоюродные братья были очень неласковы и грубы съ нимъ...

Все это онъ повторялъ себѣ, а между тѣмъ совѣсть шептала ему, что это не правда: если братья и были неучтивы съ нимъ, то что же сдѣлалъ онъ самъ, чтобъ заслужить ихъ ласки или вниманiе? При этой мысли Вили невольно залился слезами. Въ такомъ положенiи нашла его маленькая кузина Мэри, которая, подбѣжавъ, ласково поцѣловала его.

«Милый Вили, сказала она: въ этой бесѣдкѣ скучно, — пойдемъ со мной, я покажу тебѣ гинейскихъ поросятъ? мы нарвемъ листьевъ и ты поможешь мнѣ накормить ихъ, не правда ли? На солнцѣ такъ весело, свѣтло и тепло, — пойдемъ Вили.»

Вили пошелъ за Мэри. Отчего Вили такъ любилъ Мэри? Отчего все такъ любили этого добраго, счаст-

ливаго ребенка? Не оттого ли, что Мэри всегда забывала самою себя, думая объ удовольствіи другихъ? Совѣсть шептала Вили: «если ты хочешь быть такъ же любимымъ, послѣдуй ея примѣру.»

Но хотя Вили и слышалъ этотъ голосъ, и даже сердечно желалъ послушаться его, ему это было ужь не легко.

Въ дѣтствѣ еще труднѣе, нежели въ зрѣломъ возрастѣ, возвратить разъ потерянное преимущество. — У взрослыхъ общественныя формы, требованія приличія иногда вынуждаютъ скрывать свое нерасположеніе къ кому нибудь, между дѣтьми нѣтъ такого притворства. Попробуй мальчикъ заважничаться и принять надутыя, неестественныя манеры — его какъ разъ осмѣютъ за претензію.

Если онъ хвастливъ, чванство его не встрѣтитъ поддержки. Если онъ думаетъ только о себѣ и своихъ удовольствіяхъ, — товарищи оставятъ его одного — и онъ поневолѣ долженъ испытывать всю тяжесть послѣдствій своего эгоизма.

Такъ случилось и съ Вили въ настоящемъ случаѣ.

Онъ, дѣйствительно, раскаявался въ своихъ прежнихъ поступкахъ, и пошелъ къ двоюроднымъ братьямъ съ намѣреніемъ быть, сколько возможно, любезнымъ и пріятнымъ.

Но онъ засталъ одного изъ нихъ погруженнымъ въ очень интересное чтеніе, а другой чинилъ свои удочки.

Ни тотъ, ни другой не были расположены оста-

вить пріятное занятіе для удовлетворенія его желанія, которое они называли пустой причудой.

Вили былъ глубоко огорченъ и обиженъ. Ему стоило большого усилія побѣдить на столько гордость, чтобы подойти къ двоюроднымъ братьямъ и сказать, что онъ готовъ играть съ ними; онъ думалъ, что они обязаны, покрайней мѣрѣ, понять, какъ ему труденъ такой шагъ и встрѣтить его на полъ-дорогѣ. Тутъ онъ опять спросилъ себя: къ чему привело его желаніе исправиться? Никто не хотѣлъ понять его, никто не хотѣлъ быть снисходительнымъ, и неудовольствіе его начало быстро возростать; въ эту минуту взошелъ въ комнату его дядя.

«Дѣти, сказалъ онъ: — хотите ли вы ѣхать верхомъ со мною? Умѣешь ли ты ѣздить верхомъ, Вили?»

— Ѣздить верхомъ? Конечно, умѣю, милый дядя, воскликнулъ Вили.

«Также хорошо, вѣроятно, какъ умѣешь играть въ крикетъ?» замѣтилъ Френсисъ.

Вили покраснѣлъ. Дядя не понялъ намека; Гербертъ, хотя и понялъ, но, вспомнивъ просьбу матери, воздержался отъ дальнѣйшихъ замѣчаній и сказалъ только отцу:

«Можетъ Вили ѣхать на моемъ пони, папа? а я останусь сегодня дома.»

— Зачѣмъ же? возразилъ мистеръ Арденъ: — я велѣлъ Джону осѣдлать стараго Джека, думая, что это вѣрнѣе; вѣдь я еще не знаю, каковъ ѣздокъ мистеръ Вили.

«О, вамъ нечего бояться за меня, дядя!» подхватилъ Вили: неодолимое желаніе показаться смѣлымъ въ глазахъ двоюродныхъ братьевъ пересилило всѣ его хорошія намѣренія.

Нѣсколькихъ пони подвели къ крыльцу и все общество пошло садиться на нихъ.

Гербертъ и Френсисъ въ одну минуту были въ сѣдлѣ; но Вили, который едва ли разъ садился на лошадь во всю свою жизнь, не могъ послѣдовать ихъ примѣру; послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ, онъ долженъ былъ принять помощь конюха, которую сначала отвергнулъ съ негодованіемъ.

Но когда наконецъ онъ былъ посаженъ въ сѣдло, то представилось не малое сомнѣніе: долго ли онъ удержится въ немъ? Онъ качался взадъ и впередъ и убережся отъ паденія только крѣпко схватившись за сѣдельную луку.

«Вили, ты, кажется, не очень привыкъ къ верховой ѣздѣ? сказалъ дядя: — не поучить ли мнѣ тебя?»

— Покорно благодарю, дядя, это не нужно, я увѣренъ въ себѣ.

«Да, мнѣ кажется, ты расположенъ слетѣть съ лошади!» воскликнулъ со смѣхомъ Френсисъ; въ эту самую минуту старый Джекъ нечаянно повернулъ въ сторону, и Вили стремглавъ упалъ чрезъ его голову, растянувшись во всю длину — къ счастью, на мягкой травѣ.

— Вставай скорѣй, дружокъ, сказалъ ему дядя: — ты вовсе не ушибся, а только испугался.

Въ самомъ дѣлѣ, Вили испугался больше, чѣмъ онъ хотѣлъ въ томъ признаться. Охотно бы онъ возвратился домой, но боязнь насмѣшекъ со стороны Френсиса удержала его; дрожа отъ страха, ѣхалъ онъ около дяди, всѣмъ сердцемъ благодаря его за помощь, отъ которой нѣсколько минутъ назадъ такъ надменно отказался.

Къ счастью, Джекъ былъ самый добрый и смирный пони на свѣтѣ, и еслибы Вили падалъ съ него безпрестанно, то онъ, повѣрьте, продолжалъ бы стоять смирно и неподвижно, пока нашъ ѣздокъ опять не вскорабкался бы въ сѣдло. Когда Вили, въ испугѣ, держался за его гриву, или дергалъ то правый, то лѣвый поводъ, Джекъ только потряхивалъ головою, какъ будто отъ докучливой мухи, или важно оглядывался, точно спрашивая: что это за удивительное маленькое созданіе сидитъ у него на спинѣ!

Благодаря помощи дяди и отмѣнно добронравному Джеку, общество возвратилось домой безъ дальнѣйшихъ приключеній; но едва Вили успѣлъ сойти съ лошади и бросить поводья конюху, какъ принялъ преважный видъ, какъ будто совершилъ какой нибудь замѣчательный подвигъ, — и ударилъ бѣднаго пони хлыстикомъ.

«Если ты поѣдешь завтра на моемъ пони, сказалъ Френсисъ, значительно подмигнувъ своими свѣтлыми голубыми глазами: — то совѣтую тебѣ не повторять того, что ты сдѣлалъ сейчасъ съ Джекомъ, — а не то ты увидишь, что его копыта очутятся такъ близко

къ твоему лицу, какъ, можетъ быть, ты бы и не желалъ этого!»

— У! какой злой и невѣжливый этотъ Френсисъ! подумалъ Вили, забывая, что совершенно заслужилъ насмѣшки двоюроднаго брата.

Впрочемъ, надо сказать правду: Френсисъ дѣйствительно грубо обращался съ Вили. Въ присутствіи отца или матери, и даже при Гербертѣ, онъ старался казаться вѣжливымъ, но какъ скоро оставался одинъ съ Вили, то давалъ волю давно скрываемой досадѣ, или, по словамъ его: невинно забавлялся, выставляя въ настоящемъ видѣ маленькаго хвастунишку.

Бѣдный Вили! какъ оскорбительно казалось ему такое подтруниваніе, да еще въ какое время? когда въ немъ было прекрасное намѣреніе исправиться и когда онъ сердечно желалъ привести его въ исполненіе! Разъ, послѣ одной изъ такихъ сценъ, мистриссъ Арденъ застала Вили одного въ кабинетѣ; мальчикъ обливался горячими слезами.

«Что съ тобой, мой другъ?» спросила она съ участіемъ.

— Ахъ, тетя Мэри! на этотъ разъ я не виноватъ, право, не виноватъ! Ужъ какъ я старался быть и добрымъ и услужливымъ, а Френсисъ все надо мной смѣется и дурачитъ меня...

И, прерываемый рыданіями, онъ разсказалъ теткѣ всѣ свои стрданія и обиды.

«Милое дитя, — сказала мистриссъ Арденъ: — мнѣ очень жаль, что Френсисъ былъ такъ неучтивъ,

но, увѣряю тебя, — слезами ты дѣлу не поможешь, а только доставишь ему случай еще болѣе посмѣяться надъ тобой. »

— Но, тетя, это, право, горько; я такъ старался угодить ему...

«Очень горько, милый Вили, но чѣмъ веселѣе ты будешь переносить его насмѣшки, тѣмъ скорѣе можешь надѣяться остановить ихъ. Ты не хотѣлъ употребить моего ключа: иначе, быть можетъ, давно уже открылъ бы ящикъ, въ которомъ хранится лекарство. »

— Теперь я непремѣнно употреблю его, — проговорилъ живо Вили: видно было, что недѣльное пребываніе въ Грэнжѣ оставило въ немъ слѣды.

Усѣвшись рядомъ съ маленькимъ мальчикомъ и ласково наклонившись къ нему, мистриссъ Арденъ старалась убѣдить его, что онъ самъ причиной настоящихъ огорченій. Она напомнила ему много маленькихъ случаевъ, совершенно забытыхъ Вили, и доказывала ему, что его эгоизмъ и тщеславіе безпрестанно ставили его въ непріязненныя отношенія ко всѣмъ окружающимъ.

«Я знаю, что тебѣ очень непріятно это слышать, милый Вили, говорила она: — но, что бы ты по думалъ о докторѣ, котораго бы ты позвалъ лечить трудную болѣзнь, а онъ ушелъ бы, сказавъ, что у тебя ничего не болитъ? Подумалъ ли бы ты, что онъ въ состояніи вылечить тебя?»

— Нѣтъ, тетя.

«Какая же была бы польза, если бы я сказала тебѣ, что твои огорченія происходятъ не отъ твоей

собственной вины? Пока ты не убѣдишься, что зло существуетъ, ты не будешь стараться излечить его.»

— Тетя, теперь я этому вѣрю и, право, стараюсь исправиться, а надо мной всѣ смѣются: это вѣдь тяжело!

«Но у большей части цѣлебныхъ лекарствъ горькій вкусъ, возразила мистриссъ Арденъ: — И повѣрь мнѣ, милый, если ты только употребишь всѣ свои силы, то день ото дня положеніе твое будетъ улучшаться, несмотря на то, что теперь ты такъ упалъ духомъ. Тебѣ предстоитъ трудная задача, голубчикъ Вили, но чѣмъ труднѣе работа, тѣмъ болѣе чести и выше награда тому, кто его совершитъ. Начинай же, и проси у Бога помощи: ты побѣдишь, не бойся... Но довольно объ этомъ, поѣдемъ со мной прокатиться: свѣжій воздухъ будетъ тебѣ полезенъ; я ѣду въ такое красивое мѣсто, въ какомъ ты еще не бывалъ.»

Одобренный словами тетки, Вили весело побѣжалъ одѣваться. Когда онъ пришелъ въ залу, то увидѣлъ, что оба его кузена ѣхали вмѣстѣ съ ними.

«Не мѣшкай, Вили, вспрыгни скорѣе въ каляску» сказала ему мистриссъ Арденъ, которая уже сидѣла въ экипажѣ.

Вили только что хотѣлъ было занять лучшее мѣсто, по своему обыкновенію, какъ вдругъ остановился и сѣлъ спиною къ лошадямъ. Мистриссъ Арденъ замѣтила это движеніе, и пріятно улыбнулась. Вили почувствовалъ, что она замѣтила и былъ такъ счастливъ, гораздо счастливѣе, чѣмъ еслибъ занялъ первое мѣсто, возлѣ тетки!

Всякій изъ насъ ищетъ по своему счастья; но зачѣмъ не ищемъ мы его тамъ, гдѣ его всего легче найти: отказать себѣ въ какомъ нибудь удовольствіи, чтобъ доставить его другимъ. Вотъ простой, но вѣрный рецептъ быть любимымъ и счастливымъ.

Вили былъ такъ доволенъ своимъ первымъ опытомъ, что съ радостью искалъ случая повторить его: удивительно, какъ несравненно спокойнѣе и тише потекла съ тѣхъ поръ жизнь въ Грэнжѣ!

Когда Френсисъ убѣдился, что Вили могъ быть любезнымъ и пріятнымъ, онъ оставилъ свои ежеминутныя поддразниванія, приписывая однако себѣ самому честь исправленія Вили, но не упоминая о длинной и строгой проповѣди, полученной имъ отъ матери за дурное поведеніе, и вѣроятно не мало способствовавшей перемѣнѣ его обращенія съ двоюроднымъ братомъ.

Такимъ образомъ настала послѣдняя недѣля пребыванія Вили въ Грэнжѣ и, къ сожалѣнію обѣихъ сторонъ, она приближалась къ концу. Что касалось Вили, то онъ безпрестанно повторялъ, что никогда въ жизни не былъ такъ счастливъ.

«Тетя Мэри» сказалъ онъ: «я никогда не забуду всего, что ты мнѣ сказала, и не думаю, чтобы когда нибудь началъ вести себя по старому.»

Мистриссъ Арденъ улыбалась при такихъ пылкихъ надеждахъ.

«Только не отчаявайся, прибавила она: — если увидишь, что не такъ легко, какъ кажется, приводить въ исполненіе хорошія намѣренія; будь только посто-

яненъ, и пуще всего, не вздумай говорить мнѣ впередъ, что тебя никто не любитъ. Нашъ добрый, маленькій Вили всегда найдетъ въ Грэнжѣ любящихъ его друзей.»

(Съ англійскаго).

ЮНОШЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Если сравнить всѣ возрасты жизни человѣка и внимательно вникнуть въ его душевное состояніе въ различные возрасты, то ни одинъ изъ нихъ не представитъ такой живой воспріимчивости, такой способности къ самой нѣжной привязанности, какъ дѣтскій и юношескій возрастъ. За то и воспоминаніе навсегда удерживаетъ въ душѣ свѣтлые образы молодости на утѣшеніе и отраду человѣку на всю жизнь. Исторія молодости, молодости мыслей, чувствованій, желаній юной души, дѣтскихъ игръ и увеселеній, юношескихъ трудовъ и отдохновеній — для каждаго изъ насъ, при правильномъ, разумномъ воспитаніи, могла бы быть поучительною школою исправленія жизни и возврата къ добру и правдѣ, если бы кто имѣлъ несчастіе сойти съ прямого пути долга и добродѣтели...

Вотъ что разсказалъ мнѣ одинъ мой знакомой, отставной капитанъ, вспоминая, какъ видно было, съ особеннымъ удовольствіемъ о дѣтствѣ и первой юности своего племянника.

Какъ-то у насъ зашелъ разговоръ о значеніи учителя. «Учитель!.. учитель — великій человѣкъ въ обществѣ!» говорилъ мой знаконый: «въ рукахъ его все счастіе будущаго поколѣнія, если не мѣшаютъ ему родители... Если бы ты былъ и не такихъ мыслей о учителѣ, то убѣдишься въ правдѣ моихъ словъ, когда разскажу тебѣ о моемъ племянникѣ, Петрушѣ, и его учителѣ, Павлѣ Петровичѣ» — и началъ разсказывать:

«Петруша — сынъ моего брата, небогатаго дворянина. Родители наши, не знаю по чему, какъ-то не любили брата. Съ дѣтства онъ былъ отданъ въ городъ на воспитаніе, одному родственнику, человѣку достойному и благонамѣренному. Родственникъ этотъ съумѣлъ замѣнить для него родителей, расположилъ его къ труду — и когда братъ достигъ совершеннолѣтія, то отказался отъ права на свою часть родительскаго имѣнія въ пользу сестеръ, а самъ рѣшился собственнымъ трудомъ проложить себѣ путь къ мирному счастію. Онъ служилъ, женился на доброй и скромной дѣвушкѣ — и наслаждался полнымъ семейнымъ счастіемъ. Честность, трудолюбіе, семейное согласіе, простодушіе, внимательная обходительность со всѣми и скромная жизнь были постоянными добродѣтелями его семейства. Въ такой средѣ протекло первое дѣтство моего племянника.

Такъ какъ родители не имѣли средствъ воспитывать его дома, то и должны были, когда ему исполнилось 10 лѣтъ, отдать его въ губернскую гимназію. Отецъ вмѣстѣ со мною отвезъ его въ губернскій го-

родъ и оставилъ на квартирѣ у одного учителя гимназіи, о которомъ отъ знакомыхъ слышалъ много хорошаго. Со слезами разстался Петруша съ нами. Оставляя сына на чужой сторонѣ, у чужихъ людей, отецъ при прощаньи, между прочимъ, напомнилъ ему, что онъ читалъ въ христоматіи объ Іосифѣ: «хорошимъ людямъ вездѣ бываетъ хорошо; и на чужой сторонѣ они найдутъ себѣ друзей и покровителей.» «Оставляю я тебя, милый Петруша!» говорилъ онъ: «но съ тобою наша любовь родительская, хранитель твой — молитва моя и матери — и твоя. «Молись и трудись,» говоритъ пословица. Будь вѣренъ ей и, надѣюсь на Бога, ты утѣшишь насъ.»

Учитель, у котораго поселился Петруша, былъ примѣрный человѣкъ. Съ какою нѣжною, отеческою заботливостію принялся онъ за воспитаніе своего ученика! какимъ желаніемъ добра, какою любовію было проникнуто каждое слово его съ Петрушею! Сидя въ темный вечеръ на крылечкѣ дома и разговаривая съ нимъ о звѣздахъ, о безконечности вселенной, о царствѣ гармоніи и порядка, какое вездѣ замѣтно въ природѣ; работая съ нимъ въ саду въ часы отдохновенія, или гуляя за городомъ, или въ полѣ; катаясь ли по рѣкѣ и любуясь на убѣгающій берегъ и наклонившуюся къ водѣ береговую вербу; занимаясь ли въ классѣ изложеніемъ своего предмета; отправляясь ли въ праздникъ въ церковь — вездѣ, въ школѣ и дома, и на прогулкахъ — вездѣ и всегда этотъ достойный человѣкъ старался вызвать Петрушу на размышленіе и внимательное вниканіе въ жизнь

окружающей его природы, старался своими умными бесѣдами указать его уму и сердцу въ этой богатой, разнообразной, стройной и чудной жизни животворящій духъ Творца. Руководя свѣтлый умъ дитяти къ познанію Его въ трудѣ, онъ въ тоже время и словомъ, и примѣромъ своимъ старался возбудить въ сердцѣ своего питомца сыновнее благоговѣніе и любовь къ Отцу жизни, любовь и къ этой жизни, надъ которою носится вѣятіе Божественной любви, — и умный мальчикъ со вниманіемъ слушалъ своего учителя и своимъ духовнымъ развитіемъ отвѣчалъ на заботливость Павла Петровича.

Но не одна жизнь природы, не одно это стройное царство вѣчнаго закона и гармоніи, занимало мысли и чувства учителя и ученика. «Любить Бога нельзя, не любя человѣка; любить жизнь въ природѣ тоже нельзя, не питая въ сердцѣ любви къ человѣку,» говаривалъ Павелъ Петровичъ, и какъ своимъ словомъ, проникнутымъ этою любовью, такъ еще болѣе примѣромъ училъ Петрушу дѣятельно любить ближняго. Онъ не только не пропускалъ, но искалъ случая оказать кому бы то ни было свою любовь. Останавливался ли на квартирѣ въ одномъ съ нимъ домѣ какой нибудь молодой человѣкъ, онъ старался познакомиться съ нимъ и предлагалъ ему для чтенія книги изъ своей библіотеки. Слышалъ ли онъ разговоръ какой нибудь бѣдной вдовы, которая жаловалась на корыстолюбіе писца, онъ самъ вызывался написать ей прошеніе въ судъ. Видѣлъ ли онъ бѣднаго мальчика, который просилъ подаянія, онъ его не отгонялъ отъ

себя, а старался убѣдить бросить нищенскую сумку и лохмотья и пойти къ хозяину честнымъ трудомъ заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Кроткій, снисходительный, онъ и слугу своего боялся оскорбить, а тѣмъ болѣе, отяготить лишнею работою, чтобы не отвлечь его отъ книги и прописи, охоту къ которымъ успѣлъ онъ возбудить въ немъ своими увѣщаніями. Самыя справедливыя требованія или заслуженный выговоръ онъ выражалъ такимъ спокойнымъ и сдержаннымъ тономъ, что невольно приводилъ слугу къ признанію вины или къ немедленному выполненію своей воли. Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ его къ другимъ видна была братская любовь и осторожность, чтобы не оскорбить кого бы то ни было. Но никто не былъ такимъ милымъ, такимъ дорогимъ предметомъ его сердечной любви, какъ его ученики, его «дѣточки — голубчики,» какъ онъ любилъ ихъ называть самъ себѣ. Не въ одни урочные часы говорилъ онъ съ ними, — онъ жилъ для нихъ. Часто, въ свободное время, приходилъ онъ въ ихъ общія квартиры посмотрѣть, чѣмъ они занимаются, передать кому нибидь изъ нихъ наединѣ, что замѣтилъ за нимъ въ классѣ; заболѣетъ ли кто изъ нихъ, онъ навѣститъ его, утѣшитъ, ободритъ; для нихъ собиралъ коробочки, чтобы потомъ при случаѣ подарить, дарилъ имъ картинки. Но особенно съ любовью служилъ онъ ихъ духовному развитію: для нихъ покупалъ онъ книги, отказывалъ себѣ въ излишнемъ, къ нимъ писалъ письма, въ которыхъ старался объяснить имъ цѣль ученія, старался расположить ихъ къ добру и жизни не для себя лишь, а и для дру-

гихъ; приглашалъ къ перепискѣ съ собою всѣхъ, кто ни пожелаетъ. Какимъ нѣжнымъ участіемъ въ судьбѣ ихъ всегда была согрѣта бесѣда его съ учениками! — и, къ сожалѣнію, какъ онъ самъ говорилъ мнѣ, онъ часто трудился почти понапрасну: не всѣ изъ его учениковъ жили тою любовью, какой хотѣло для нихъ его доброе сердце; многіе оскорбляли его нерадѣніемъ о своей собственной пользѣ, невниманіемъ къ себѣ и своей жизни. Любящій наставникъ о всѣхъ ихъ скорбѣлъ душею, въ сердцѣ оплакивалъ ихъ неразуміе и равнодушіе къ своему же счастію, жалѣлъ, что всѣми своими усиліями во многихъ не вызывалъ онъ не только что любви и стремленія къ добру, но даже и мысли о немъ.

Такъ говорилъ, такъ училъ, такъ жилъ Павелъ Петровичъ. Петруша все это слышалъ, все видѣлъ, — и въ глубинѣ его души составился свѣтлый ликъ добродѣтели, живой образъ которой онъ видѣлъ въ Павлѣ Петровичѣ. Самая нѣжная привязанность, глубокое уваженіе и любовь къ наставнику, желаніе подражать ему въ любви къ Богу и ближнему, истинное образованіе — вотъ тѣ богатства, которыя собралъ онъ себѣ въ теченіе семилѣтняго жительства у Павла Петровича, и бѣдность родителей нисколько не смущала юношу. Онъ уже былъ въ VII кл., когда я вышелъ въ отставку и послѣ тревогъ военной службы поселился въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи. Тогда-то случилось мнѣ быть у его отца, моего брата; я узналъ, что онъ рѣдко бралъ къ себѣ Петрушу домой, и вызвался взять его къ себѣ на каникулы, послѣ оконча-

нія курса въ гимназіи. Хотя и пріятно было Петрушѣ побывать у меня, пожить въ деревнѣ, которую онъ такъ любилъ, и повидаться съ отцомъ (мать его умерла за два года до окончанія имъ курса), который обѣщалъ пріѣхать ко мнѣ; однако мысль о разлукѣ съ наставникомъ, мысль о томъ, что не будетъ помогать ему въ его домашнихъ трудахъ, что некому будетъ такъ утѣшить, одобрить добраго труженика, какъ это дѣлалъ онъ, — мысль эта омрачила въ душѣ его свѣтлый образъ родственнаго счастія и радостей, его ожидавшихъ, и со слезами онъ простился съ Павломъ Петровичемъ, своимъ вторымъ отцемъ, который, по его собственному сознанію, далъ ему истинно человѣческую жизнь, воспиталъ въ немъ чувство наслажденія жизнію, указалъ ему счастіе — въ любви къ свѣту, истинѣ, добру... Много хотѣлось Петрушѣ сказать на прощаньи съ своимъ любимымъ наставникомъ, — и не сказалъ онъ ничего. «Благодарю васъ, мой добрый Павелъ Петровичъ, благодарю за все... что вы... сдѣлали для меня!» вотъ только что и слышалъ я отъ Петруши, когда онъ въ послѣдній разъ поцѣловался съ учителемъ. До глубины души тронуло меня это прощаніе двухъ друзей, этотъ разрывъ, или, лучше сказать, соединеніе навсегда, на вѣки, этихъ двухъ сердецъ, понявшихъ другъ друга, жившихъ другъ для друга.

Пріѣхали мы въ деревню. Какою радостью забилось сердце моего Петруши, когда онъ вошелъ на дворъ нашего дома, усаженный по сторонамъ деревьями. Первый выходъ его изъ дому былъ въ церковь,

которую онъ попросилъ нарочно отворить для себя. Оттуда онъ попросилъ меня пойти съ нимъ по деревнѣ. Шли мы большею частью молча, а если и говорили кое-что, то отрывисто, и никакъ не завязывался разговоръ. И не удивительно: у него, какъ видно было, шла самая живая, самая громкая бесѣда съ самимъ собою. Съ какимъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ на жилища поселянъ! глаза его перебѣгали съ плетня на крышу, отъ одной хижины къ другой; иногда останавливался онъ и впивался своимъ быстрымъ, проницательнымъ взоромъ въ какую нибудь поношенную, заплатанную свитку, висѣвшую на плетнѣ, и мнѣ казалось, что жизнь, любовь такъ и бились, такъ и лились въ его глазахъ. Съ какимъ свѣтлымъ, торжествующимъ видомъ, съ какою радостною улыбкою смотрѣлъ онъ на встрѣчавшихся поселянъ, и я понялъ, что за чудную рѣчь любви говорило ему его юношеское сердце. «Братья и отцы!» — можно ли было не прочесть этихъ словъ любви въ его лицѣ, въ его сладкой улыбкѣ? покрайней мѣрѣ, такъ я объяснилъ себѣ этотъ огонь въ очахъ его — «для васъ, мои дорогіе, я собираю тѣ богатства знанія, какія даетъ мнѣ образованіе, и перенесу ихъ къ вамъ, въ ваши бѣдныя хижины, въ ваши души, можетъ быть, также бѣдныя, какъ и хижины, тѣмъ путемъ любви и участія, какой указалъ мнѣ мой незабвенный наставникъ!»

Когда мы подходили уже къ нашему дому, на встрѣчу попались намъ два мальчика, лѣтъ семи, которые беззаботно шли — одинъ съ кнутомъ, а другой — съ веревкой въ рукѣ, — вѣроятно, ходили съ отцемъ

выпускать лошадей въ лѣсъ. Петруша подошелъ къ нимъ. «Здравствуйте, милые, откуда вы? что несете?» спрашивалъ онъ и между тѣмъ гладилъ ихъ по головѣ. «Ахъ, если бы Павлу Петровичу» — тутъ онъ вдругъ сказалъ мнѣ — «если бы ему этихъ дѣтей! онъ далъ бы имъ жизнь, жизнь человѣческую, далъ бы имъ счастіе знать Бога и знать душу свою!..» Дѣти между тѣмъ отошли отъ насъ. Смотрю я на Петрушу, а у него лицо такое чудное, улыбающееся... и молчу, и думаю: о, юношеское сердце! кто можетъ оцѣнить всю любовь, къ какой ты способно не зараженное еще порчею зла и порока, когда ты впервые раскрылось для жизни добра и любви!» Помолчавъ немного, Петруша сказалъ мнѣ: «дяденька! позвольте этимъ мальчикамъ ежедневно приходить ко мнѣ, я буду ихъ учить, буду учить такъ, какъ меня училъ мой добрый Павелъ Петровичъ, — и этимъ исполню его завѣтъ мнѣ, который для меня такъ дорогъ, какъ завѣтъ отца. Бывало, на каникулахъ, мы съ нимъ отлучались изъ города въ деревню на недѣлю, на двѣ, а иногда и болѣе. Тутъ мы жили ближе къ нашему народу, ближе видѣли его нужды, за-одно съ нимъ чувствовали его печальное положеніе. Я помню тѣ слова отеческой заботливости объ участи несчастныхъ, какими онъ открывалъ мою душу для братской любви. «Другъ мой, Петруша!» говорилъ мнѣ Павелъ Петровичъ, видя дѣтей, бродившихъ по деревнѣ, или мужиковъ, въ праздникъ цѣлый день валявшихся на солнцѣ — «живи для народа! видишь, они, какъ овцы, оставленныя безъ пастыря! Наставитъ ли ихъ кто нибудь истинной жизни?

соберетъ ли въ одно разумное стадо, живущее духомъ?... Кто это сдѣлаетъ? не помѣщикъ ли долженъ подумать объ этихъ дорогихъ предъ Богомъ существахъ? не священникъ ли долженъ быть отцемъ-просвѣтителемъ этихъ темныхъ людей?.. И ты, другъ мой, и ты живи для народа; теперь болѣе, чѣмъ когда въ другое время, ему нужна рука скорой помощи. Теперь, съ измѣненіемъ его положенія, народу нужно объяснить, какъ онъ долженъ жить и что такое разумная свобода? Ты своимъ словомъ, своею жизнію скажи народу: «Вотъ въ чемъ, друзья, свобода: думайте такъ, чтобы злая, темная мысль не овладѣла вашею душею; живите такъ, чтобы порокъ и всякое зло не связали ее, какъ раба, своими путами — и тогда вы свободны.» Они поймутъ тебя, полюбятъ... Да, другъ мой, благословляю тебя жить святою любовію къ человѣку; любя его, ты непремѣнно будешь любить и Бога — и достигнешь и цѣли человѣческой жизни!» Такъ говорилъ мнѣ П. П., и я хочу при первомъ представившемся случаѣ употребить на дѣло тѣ запасы, которые онъ сложилъ въ душу, приготовляя меня къ жизни. Позволите ли дяденька?...»

Признаться, давно уже не слыхалъ я въ своемъ деревенскомъ уединеніи такой оживленной рѣчи. Тутъто я понялъ, что за человѣкъ былъ учитель моего Петруши, къ какой горячо-любящей душѣ прикоснулась добрая его душа, и сама обратилась въ чистый жертвенный пламень любви къ ближнему. И еще полнѣе, еще свѣтлѣе обрисовался предо мною образъ этого

благодѣтеля-наставника, когда поближе узналъ я племянника: вся жизнь его, — его дѣйствія, его мысли, его намѣренія, были просвѣтлены для него примѣромъ его учителя. Этотъ свѣтлый образъ наставника былъ, такъ сказать, постоянно предъ глазами его, и на него-то онъ съ такою дѣтскою любовью указывалъ всѣмъ, когда, высказавши свои мысли объ извѣстномъ предметѣ, извѣстномъ жизненномъ явленіи, онъ искалъ сильнѣйшаго утвержденія для своихъ убѣжденій въ образѣ мыслей, въ дѣйствіяхъ своего учителя. Имя Павла Петровича услышалъ бы я всегда отъ Петруши, когда пожелалъ бы узнать всѣ побужденія, руководившія поступками и отношеніями его. И, что для меня было всего утѣшительнѣе, онъ такъ самоувѣренно опирался на авторитетъ Павла Петровича не изъ слѣпого подражанія, не изъ безотчетнаго послѣдованія образу мыслей и примѣру другихъ, которое часто обнаруживаетъ внутреннее бездѣйствіе ума и воли и желаніе поскорѣе найти опору для себя въ готовомъ примѣрѣ, въ готовой мысли другихъ... Нѣтъ, въ его отзывахъ о Павлѣ Петровичѣ, въ его указаніяхъ на Павла Петровича, скрыто было глубокое убѣжденіе въ истинѣ мыслей, въ правдѣ жизни этого истиннаго человѣка.

Я предоставилъ желанію племянника избрать себѣ комнату и просить, чего бы онъ не захотѣлъ. Онъ просилъ дать ему комнату, что выходила окнами съ двухъ сторонъ въ садъ; еще пожелалъ, кромѣ обыкновенной мебели, имѣть у себя стѣнные часы, письменный столъ, этажерку. Причины онъ не сказалъ

мнѣ самъ, а мнѣ не хотѣлось спрашивать; но послѣ, какъ-то зашелъ у насъ съ нимъ разговоръ о размѣщеніи и украшеніи комнатъ. Его мнѣніе было такое, что устройство жилища, какъ и все внѣшнее, много дѣйствуетъ на душу: — просторныя, высокія, свѣтлыя комнаты производятъ въ душѣ какое-то открытое, свободное, ясное расположеніе, для выраженія котораго онъ не нашелъ на русскомъ языкѣ болѣе вѣрнаго слова, какъ французское *sérénité*; напротивъ, жилища темныя, тѣсныя, неопрятныя, въ какихъ приходится большею частью тѣсниться бѣдному человѣку, иногда съ цѣлою семьею, въ одной, двухъ такихъ комнаткахъ, неблагопріятно дѣйствуютъ на развитіе духа, забитаго, загнаннаго горемъ и нуждою, повсюду его окружающими, вызывающими его лишь на житейскія попеченія о дневномъ существованіи. Вотъ что такъ сильно влечетъ горемыку-бѣдняка въ свѣтлый храмъ Божій, чтобы здѣсь на время забыть въ молитвѣ тѣ нужды, какія напоминаетъ ему его жилище, вотъ что влечетъ его на площадь, на улицу, словомъ, внѣ хижины: душная, темная, она держитъ взаперти душу, свободную душу, любящую свѣтъ. Вотъ отчего и Петруша просилъ комнаты въ садъ: зелень, ярко освѣщаемая первымъ сіяніемъ солнца, и послѣдніе лучи его, пробивающіеся сквозь густыхъ листьевъ, спокойная осанка деревъ, и вдругъ шумное движеніе, даже наклоненіе въ ту, другую сторону отъ вѣтра, и опять прежняя неподвижность, когда наступитъ тишина, ихъ роскошная красота и въ то же время молчаливое, кроткое величіе, и тѣни ихъ, все это можетъ дать сердцу

какое нибудь новое, лучшее чувство, уму — богатую пищу, подъ-часъ можетъ и расшевелить его, «а я» говорилъ племянникъ, «не ручаюсь, чтобы пожалуй не вздремнуть, подъ усыпляющимъ наитіемъ тишины деревенской.»

«А часы для чего ты хотѣлъ?» спросилъ я.

— А для того же! Они такъ способны боемъ своимъ будить дремлющія силы души; съ ними не забудешься въ выполненіи своихъ дневныхъ обязанностей, да и заводить ихъ — ужь одно это заставитъ человѣка быть аккуратнымъ, любить порядокъ». Тутъ онъ разсказалъ, какъ онъ съ Павломъ Петровичемъ обыкновенно чередовались обязанностію заводить часы — недѣлю Павелъ Петровичъ, недѣлю — онъ, и ужь ни онъ, ни Петруша ни разу не пропустили опредѣленнаго времени. «Помолившись, прочтешь изъ Евангелія, а тутъ вспомнишь о часахъ; заведешь часы, вспомнишь, что нужно переставить число висячаго календаря: такъ воля и не задремлетъ... а на такихъ, повидимому, мелочахъ, какъ перестановка календаря, она окрѣпнетъ, привыкнетъ къ труду; человѣку же нужна воля добрая, воля, крѣпкая въ трудѣ»: такъ говорилъ Павелъ Петровичъ, когда однажды, въ самомъ началѣ, Петруша принялся заводить часы не во время. Такъ и сталъ онъ съ того времени уже исправно заводить,—и привыкъ, и теперь хотѣлось ему повторять то, что дѣлали они съ Павломъ Петровичемъ. Съ этою цѣлію, между прочимъ, онъ просилъ и комнаты въ садъ: комнаты Павла Петровича были въ садъ, а ему, какъ онъ говорилъ, пріятно все, что

напоминаетъ ему добраго наставника! Такъ имя учителя, его мысль, его духъ — вершили у моего Петруши все, что онъ ни предпринималъ. У моего Петруши все время было такъ хорошо распредѣлено, что онъ и занимался чтеніемъ, и обучалъ мальчиковъ, и работалъ въ саду, и гулялъ въ лѣсу или на полѣ, и катался по пруду, и иногда ѣздилъ съ нами къ знакомымъ — и все было ему пріятно, все покоило его тихую, юношескую душу, не усыпляя ее среди общей торжественной тишины деревенской природы — отъ Павла Петровича онъ узналъ тайну духовной радости и мира!..

Меня особенно удивляла та разсудительность, съ какою дѣлалъ онъ выборъ въ удовольствіяхъ: онъ искалъ въ нихъ и чистыхъ наслажденій для себя, и вмѣстѣ удовольствія и пользы для другихъ.

Какъ-то разъ предлагаю ему ѣхать съ собою на охоту, дня на два. «Веселая компанія!» говорю, «развлечешься, полюбуешься разнообразіемъ мѣстностей, искусствомъ собакъ, этими единственными моментами паденія подстрѣленной птицы, отъ котораго охотникъ приходитъ въ восторгъ!» Онъ поблагодарилъ, сказалъ, что не находитъ особеннаго удовольстяія въ охотѣ, и попросилъ оставить его дома; прибавилъ, что надѣется весело провесть время и такъ. Возвращаюсь домой, и мой Петруша проситъ разсказать ему о моихъ охотничьихъ похожденіяхъ и, выслушавъ мои приключенія, началъ свой разсказъ: какъ онъ въ первый день, послѣ обычныхъ занятій съ мальчиками, своими учениками, и чтенія книги, изъ которой онъ переписалъ

прекрасные стихи, отправился въ кузницу, видѣлъ здѣсь работу кузнеца, узналъ о количествѣ угля, ежедневно потребляемаго, о времени нагрѣванія желѣза до-красна и о многомъ другомъ; какъ потомъ въ теченіе дня и вечеромъ онъ прошелся и по деревнѣ, побывалъ и на полѣ, подлѣ рабочихъ, гдѣ также узналъ кое-что о полевыхъ работахъ, былъ и у старика-пасѣчника, засталъ его за ложечками, которыя онъ очень искусно дѣлаетъ, и остался съ нимъ до поздняго вечера. Пасѣчникъ, говорливый старичекъ, когда стемнѣло и нельзя было уже работать, сталъ ему разсказывать про пасѣку и, окруженный тремя своими помощниками, молодыми, какъ и его гость, незамѣтно перешелъ къ своей молодости и, по его просьбѣ, просто, но живо разсказалъ ему про свои горькіе молодые годы, сколько горя и нужды вытерпѣлъ онъ въ своемъ сиротствѣ отъ жестокаго помѣщика, перегонявшаго его съ бѣдною матерью-вдовою съ мѣста на мѣсто, сколько понесли и плечи, и бока его отъ толчковъ и кулаковъ грубой, развращенной дворни, потомъ, какъ онъ былъ отданъ въ солдаты, несмотря на то, что былъ единственный сынъ у матери, и, по неспособности къ строевой службѣ, назначенъ былъ въ деньщики; какъ попался онъ къ офицеру, — сыну богатаго владѣльца, гулякѣ и забіякѣ, — и тутъ часто не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, — днемъ постоянно бѣгалъ то за тѣмъ, то за другимъ, а ночь проводилъ за пуншами да за трубками. И въ этой душной, грязной средѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, не было чѣмъ отвести ему душу, на чемъ отдох-

нуть сердцемъ. Приказали барину его подать въ отставку, такъ попался онъ къ другому, грубому и сердитому, и у него въ четыре года натерпѣлся-таки довольно. И не разъ вздыхалъ старикъ, вспоминая, какъ безотрадно прошла его молодость, и одни только молитвы старухи-матери, да ея простыя наставленія, которыя глубоко запали въ его душу въ годы страданій дѣтства, говорилъ онъ, спасли его отъ гибели среди гибели и дали ему силу вытерпѣть всю бѣду и горе, хоть иногда и не въ моготу приходилось терпѣть. И теперь онъ, самъ старикъ, какъ бы отдыхая послѣ своего грустнаго разсказа на мысли о силѣ молитвы, спокойнымъ и поучительнымъ тономъ кончилъ его замѣчаніемъ: «такъ-то, молодые, вотъ гдѣ для васъ сила и охрана — въ молитвахъ родныхъ отца-матери!...» «Такъ провелъ я день», продолжалъ Петруша, «уже было поздно, когда я возвратился домой; чай уже отпили, но мнѣ и не хотѣлось пить. Лишь только легъ я въ постель, какъ тотчасъ же и заснулъ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ впечатлѣній прошедшаго дня. Много мнѣ чего снилось; около трехъ часовъ я проснулся, потомъ заснулъ опять — и вотъ что мнѣ видѣлось во снѣ.

«Стою я на чистомъ, чистомъ полѣ, вижу, ко мнѣ подходитъ худощавый старикъ, но такой пріятной наружности; всматриваюсь — это пасѣчникъ, съ вѣнкомъ въ рукѣ. И лишь только я хотѣлъ его привѣтствовать, какъ въ полумракѣ, смутно начали показываться тутъ же, подлѣ меня, то кухня барскаго двора, съ его шумомъ и гамомъ, пѣснями и гиканьемъ, и

вотъ бьютъ, не щадя бьютъ оборваннаго мальчишку; слуги всѣ пьяные, безобразные, и думается мнѣ, видно они празднуютъ отсутствіе господъ; — то вдругъ передняя офицерской комнаты, вся заваленная разбитыми бутылками и раскиданными колодами картъ, а тутъ куча шинелей, и подлѣ окна сидитъ и дремлетъ, качаясь, новобранецъ — деньщикъ; — то опять деревенская изба — умирающая мать — кличетъ сына, и вдругъ театръ, и онъ, этотъ бѣдный сынъ, у подъѣзда, ждетъ барынь... потомъ рынокъ, и ловятъ на немъ молодыхъ воровъ, господскихъ слугъ... крикъ, удары... И вотъ все это смѣшалось, и я вижу, толпа молодыхъ крестьянъ, съ странными лицами, руки связаны, тѣ пьяные, валяются среди толпы... вотъ еще другая толпа, еще... и еще... И все это смутно, неясно — и мнѣ стало страшно, я отворотился; мнѣ было непріятно, что все это темное сборище закрываетъ отъ меня чистое, широкое поле; но тутъ старикъ — пасѣчникъ почтительно тронулъ меня и сказалъ: «Нѣтъ, смотри, смотри, добрый баринъ! вѣдь все это мода, мода, слышишь? — Люби ихъ, этихъ, бѣдныхъ людей! и я погибалъ въ толпѣ ихъ, но спасенъ.» И мнѣ стало стыдно старика, мнѣ стало больно моихъ горемычныхъ собратьевъ. «Ахъ, я люблю, люблю ихъ, старикъ! но чѣмъ я могу помочь имъ, что мнѣ...» я хотѣлъ было продолжать, какъ вдругъ старика не стало, все незамѣтно исчезло, и вмѣсто чистаго поля я очутился въ торжественной залѣ гимназіи среди многочисленнаго собранія посѣтителей... Актъ! читаю свое сочиненіе: «О на-

родности въ поэзіи Кольцова» и, въ примѣръ его грустно задушевной народной лиры, произношу:

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить.

(Я просилъ Петрушу написать эти стихи, и знаю ихъ...)

Кто же держитъ меня?
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась?
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась?

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня.

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ,
И лихой вороной
Ужь осѣданъ стоитъ.

Да на путь по душѣ
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть...»

Я посмотрѣлъ на людей, и мой Павелъ Петровичъ, вижу, весь впился въ меня глазами, и улыбается.

«Люди, люди... вѣдь все это люди!» припомнилъ я снова пасѣчника. Можетъ быть, тутъ сидятъ и тѣ барыни и тотъ господинъ, что заботятся только о своихъ интересахъ? можетъ быть... но, нѣтъ, вдругъ подумалъ я, не быть имъ здѣсь, на торжествѣ духа и любви, имъ мѣсто не здѣсь! и мнѣ стало жаль тѣхъ и другихъ, — жаль людей; мнѣ захотѣлось помочь имъ; но тутъ почувствовалъ я самъ нужду въ помощи и рѣшился добыть себѣ силы — и со всею энергіею души, послѣ неожиданнаго минутнаго перерыва, который, думаю, многихъ удивилъ, возвышеннымъ голосомъ докончилъ стихи:

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать.

Не дамъ! подумалъ я: на что воспитывалъ меня Павелъ Петровичъ?

И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицемъ,
На погибель идти,
Пѣсни пѣть соловьемъ!

И голосъ мой громко раздавался по залѣ. Что было у меня на сердцѣ, то могъ знать развѣ Павелъ Петровичъ: любовь сливала меня въ ту минуту со всѣми, я жилъ не для себя, и не въ себѣ, и не помню, какъ прошло время до раздачи аттестатовъ; я получилъ свой отъ преосвященнаго, заиграла музыка... Въ это время часы пробили пять, и я, по обычаю, про-

снулся. Въ отворенное окно дышало утреннею свѣжестью сада; яркій свѣтъ и щебетанье птичекъ звали меня къ дѣйствительному восторгу, къ которому я былъ приготовленъ необычайнымъ сновидѣніемъ...»

Тутъ Петруша также подробно разсказалъ, какъ провелъ онъ и другой день безъ меня. Послѣ обычныхъ занятій за книгою и съ дѣтьми, онъ сѣлъ за сочиненіе, которое хотѣлъ приготовить для помѣщенія въ журналѣ, издававшемся учениками его гимназіи; писалъ онъ: «Объ отношеніи городскихъ жителей къ сельскимъ», на тему, предложенную ему товарищами, которые всѣ, на память своего гимназическаго образованія, обѣщали оставшимся товарищамъ прислать каждый по статьѣ въ ихъ ученическій журналъ. Уже послѣ обѣда онъ узналъ, что мое семейство — жена и двѣ дочери — ѣдутъ къ одной изъ нашихъ знакомыхъ, г-жѣ Д., почтенной дамѣ, которую особенно уважали мы за скромную жизнь и истинно христіанское сочувствіе къ ближнимъ. И дочь ея, дѣвица Е., подобно матери, была образована не для танцевъ и гостиныхъ, не для разъѣздовъ на показъ, а для жизни въ полномъ смыслѣ этого слова. Петрушѣ давно хотѣлось побывать у г-жи Д., поговорить и съ нею, и съ ея дочерью, а въ этотъ день тѣмъ болѣе: онъ надѣялся тамъ услышать на фортепьяно свой любимый народный гимнъ.

Когда ему предложили ѣхать къ г-жѣ Д., онъ съ удовольствіемъ согласился и это посѣщеніе, какъ онъ разсказывалъ, доставило ему много удовольствія.

Онъ остался чрезвычайно доволенъ разговоромъ съ умною Е. Разговоръ незамѣтно перешелъ къ одеждѣ поселянокъ. Добрая дѣвушка съ радостью отозвалась, что въ своей небольшой деревнѣ она успѣла значительно облагородить вкусъ молодыхъ поселянокъ и сообщить имъ приличную степенность и сдержанность, и, когда Петруша замѣтилъ, что недостаточно одной внѣшней полировки, а нужна внутренняя красота души, какъ для всякаго, такъ особенно для женщины, его собесѣдница отвѣтила, что этого внѣшняго улучшенія она достигла не вдругъ, и именно чрезъ непосредственное дѣйствіе на душу поселянокъ. Тутъ Е. разсказала, какъ она въ теченіе двухъ лѣтъ, (ей было 18 лѣтъ) собирала къ себѣ сельскихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ по праздникамъ, какъ объясняла имъ великое назначеніе человѣка жить не для земли, а для другой, лучшей жизни, какъ говорила, что тотъ, кто живетъ благонравно, счастливъ и въ земной жизни, какъ онѣ должны приготовлять себя, чтобы быть добрыми сотрудницами своимъ будущимъ мужьямъ, добрыми и примѣрными матерями и пр. — и вотъ, вслѣдствіе такого-то долговременнаго труда, теперь она имѣетъ счастіе видѣть, какъ нравственность поселянокъ измѣнилась къ лучшему, какъ самая внѣшность облагородилась. Сказала она ему, что она обучаетъ у себя ежедневно, въ теченіе цѣлаго года, кромѣ лѣтняго времени, болѣе десяти дѣвочекъ, какъ теперь пишетъ для себя небольшую программу, желая дать своему образовательному труду болѣе разумности и основа-

тельности. Петруша такъ былъ доволенъ семействомъ г-жи Д., что, когда всѣ, и хозяйки, и гости, сошли на закатѣ солнца покататься по пруду, онъ, хотя нѣсколько и застѣнчивый, чувствовалъ на душѣ такъ хорошо, что предложилъ всѣмъ пропѣть малороссійскія пѣсни, какія зналъ и пѣлъ съ Павломъ Петровичемъ, и подъ конецъ пропѣлъ имъ и ту пѣсню, что особенно любилъ пѣть Павелъ Петровичъ:

«Ой, у поли да могила
Съ витромъ говорыла:
Повій, витре, буйнесенькій,
Чтобъ я не змарнила.» и т. д.

Можешь себѣ представить, какъ пѣсня его звучно расходилась по широкому пруду и, конечно, терялась въ отдаленіи; но не терялись мысль ея, народный духъ ея, не терялось спокойное, мирное наслажденіе и умиленіе, какими наполняется отъ сладкихъ народныхъ звуковъ всякая истинно-русская душа.

«Вотъ видите, дяденька», сказалъ наконецъ Петруша, «помните, я вамъ сказалъ, что, и оставаясь дома, я весело проведу время. Такъ оно и вышло. А что было бы, если бы я поѣхалъ съ вами? Право, мнѣ скучно было бы, и среди вашей веселой компаніи я былъ бы одинъ. Я побывалъ въ деревнѣ, на полѣ, въ гостяхъ; узналъ кое-что, чего прежде не зналъ; узналъ отъ старика-пасѣчника, какъ страждутъ многіе въ моихъ лѣтахъ. А чѣмъ же они хуже меня? Видите, я былъ не одинъ: не четверо насъ слушало старика, а, казалось, тутъ собралось множество свидѣте-

лей, которыхъ скорбная участь была подобна юношеской судьбѣ старика-пасѣчника, и всѣмъ имъ раскрывалось мое сердце.» Я вѣрилъ ему, я уже слышалъ отъ него, какъ раскрылось его сердце для любви, когда онъ слушалъ этого ангела, эту добрую дѣвушку, которая напомнила ему, какъ онъ говорилъ, его Павла Петровича, тѣмъ, что своею умною бесѣдою утвердила его въ сознаніи обязанности жить для другихъ, какъ завѣщалъ ему онъ. «Да, много радостныхъ часовъ прожилъ я», говорилъ Петруша, «въ эти два дня», и за все это благодарилъ меня, что я не настаивалъ, чтобы онъ ѣхалъ со мною.

Я слушалъ оживленную рѣчь племянника, долго слушалъ, — и мнѣ стало стыдно за себя. Свѣтлая, чистая душа его искала и чистыхъ наслажденій, находила радость въ живомъ общеніи съ ближними, а моя душа, — видно, потеряла вкусъ къ такимъ удовольствіямъ; да впрочемъ я никогда и не имѣлъ этого чистаго вкуса, и не имѣлъ потому, что не образовалъ его въ своемъ сердцѣ въ пору молодости. «Мой Петруша», думалъ я себѣ, «живой урокъ для меня; когда бы хоть это наставленіе приложить мнѣ къ жизни.»

И не для меня одного Петруша былъ учителемъ, не думая быть имъ, а и для всѣхъ, кто говорилъ съ нимъ, кто даже видѣлъ его обращеніе. Вечеромъ того дня жена моя разсказала, какъ онъ прилично велъ себя у г-жи Д. Дочери, которыя слышали разговоръ его съ Е..., не знали, какъ и отозваться о немъ: онъ-то своею живою рѣчью вызвалъ къ откровен-

ности эту добрую дѣвушку, утвердилъ ее въ стремленіяхъ ко благу ближнихъ — и она, какъ онѣ говорили, послѣ разговора съ нимъ, еще рѣшительнѣе опредѣлила для себя путь будущей дѣятельности для счастія семействъ своихъ поселянъ. А онъ, дорогой мой, и не замѣчалъ, что дѣлаетъ; онъ *ее* сердечно благодарилъ за ангельское воззваніе къ его душѣ.

На другой день пошелъ я по деревнѣ, зашелъ въ кузницу, и благодарю кузнеца за то, что онъ кое-что поразсказалъ племяннику о своемъ ремеслѣ. «И, батюшка!» говоритъ кузнецъ, «да мы-то болѣе слушали его, голубчика, и не прогнѣвайся, баринъ, и мѣхи-то на время оставили, да слушали. Онъ заговорилъ съ нами, такъ, просто за-просто, да и сказалъ намъ то, что доселѣ и въ голову намъ, не приходило: какъ видишь, работая молотомъ или раздувая жаръ, можно служить Богу также, какъ Ему служили святые праведники... Да сказалъ намъ и то, какъ, смотря на огонь, мы, если захотимъ, то перестанемъ браниться, что, и самъ я знаю, больно нехорошо. Вишь, онъ, голубчикъ мой, разъ зашелъ къ намъ да и слышитъ, какъ я не щадя браню своихъ парней. Онъ такъ пристально посмотрѣлъ на меня, и ушелъ; вѣстимое дѣло, что въ гнѣвѣ человѣкъ хуже звѣря; къ гнѣвному и доступу нѣтъ. Вотъ онъ и ушелъ. А третьяго дня приходитъ, поздоровался, да видитъ, что все тихо и мирно, мирно знать, и на душѣ — вотъ онъ и сталъ говорить намъ, какъ грѣшно оскорблять человѣка бранью и подобными словами: оскорбляя, говоритъ, человѣка, больно огорчаешь и Бога, что, создалъ его по своему образу,

и не потерпитъ, чтобы этотъ великій божескій образъ былъ поносимъ безумными. Да, не потерпитъ — и въ наказаніе такимъ богопротивникамъ назначилъ муки вѣчныя, огонь геенскій. «Да, дядя, и вы, братцы», говорилъ онъ намъ: «когда вздумается вамъ побраниться, и злой языкъ трудно сдержать, поглядите-ка попристальнѣе на огонь, подумайте о другомъ огнѣ, огнѣ вѣчномъ, еще подумайте, кому онъ готовится — злобнымъ, гнѣвнымъ и другимъ грѣшникамъ, — и у васъ, любезные мои, притихнетъ злой языкъ, и не сойдетъ съ него и бранное слово». Вотъ такъ-то, баринъ! Дай Богъ твоему племяннику талантъ и жизнь долгую! — то-то будетъ человѣкъ! Онъ говорилъ про огонь, а у самого глаза такъ и горятъ, такъ и горятъ. «Эхъ», подумалъ я себѣ: «и ты, сердечный, огонь! Гори же огонь въ твоемъ горячемъ сердечкѣ!...» — Я пошелъ дальше по деревнѣ. «Петруша мой! думалъ я: — Вотъ что значитъ слово твоего учителя: живи для народа!..» Иду мимо дряхленькой избы, сидитъ старуха и чуть слышно кличетъ меня: «Эй, баринъ, а баринъ!» Я подошелъ. «Что нужно тебѣ, старушка?»—Да, вотъ, хочу сказать тебѣ великое *спасибо!*» — «За что?» спрашиваю. — Да за молодого барина, племянника твоего, что ли? Вишь, я занемогла и слегла, да такъ ослабѣла, что и встать было не въ моготу. Вотъ, вижу, третьяго дня входитъ твой молодой баринъ. «Здравствуй, бабушка,» говоритъ. — «Здравствуйте, баринъ!» — «Больна ты чѣмъ, что ли?» — Я ему и разсказала про свою немочь. Онъ посидѣлъ подлѣ меня, пораспросилъ кое о чемъ,

да и говоритъ: «не тужи, бабушка! Вотъ я тебѣ пришлю горяченькаго; ты выпьешь, подкрѣпишься — и дастъ Богъ, встанешь. А теперь, пока что, прощай. Будь здорова!» Всталъ и ушелъ, да, видно, тотчасъ же къ твоей ключницѣ. Она такая добрая, спаси ее, Господи, не жалѣетъ вашего барскаго добра для бѣдной братіи, за вашу же душу. Вотъ, видно, съ нею онъ переговорилъ — смотрю, спустя маленько, приходитъ мальчикъ, приноситъ горячій чай въ чайникѣ, киселю и курочку, — напоилъ меня, посидѣлъ со мною и побалякалъ, пока я поѣла — и ушелъ. И мальчикъ, видно, его; каковъ баринъ, таковъ и слуга! Вотъ я и поднялась, и вчера тоже — мальчикъ принесъ чаю и курятины. Сегодня кое-какъ я вышла уже и на свѣтъ Божій. Спаси и тебя и его, Господи! Дай Богъ, чтобъ твой племянничекъ росъ тебѣ — на радость, людямъ — на счастье. Моя грѣшная молитва о васъ, и о немъ, мои благодѣтели!» Постоявъ еще немного, я ушелъ. Старушка еще болѣе заставила меня думать про Петрушу.

Пришлось мнѣ зайти и на пасѣку. «Спасибо, старичокъ!» говорю я пасѣчнику, «что приласкалъ моего племянничка да занялъ его своею разумною рѣчью.» — «Ну, баринъ», отвѣчалъ онъ мнѣ: «далъ бы Богъ, чтобъ всѣ такіе были бары... Не погнушался моею простою рѣчью!.. Иной баринъ не сталъ бы сидѣть съ старикомъ да слушать про старые годы. Да, удержалъ бы его!... Ему поплясать бы, да покружиться, аль, пожалуй, и пострѣлять... А онъ высидѣлъ со мною, старикомъ, цѣлехонькій вечеръ, и слушаетъ — и все

такъ смотритъ то на меня, то на моихъ ребятъ... а когда я покончилъ, и ему уже итти, онъ всталъ и сказалъ: «Спасибо, дядюшка, за твою добрую рѣчь. Видишь, за терпѣніе тебя Богъ и наградилъ, и еще наградитъ», поцѣловалъ меня въ плечо, и ушелъ. И не погнушался мной, сердечный мой! Да, бариаъ, прожилъ я таки долгонько на Божьемъ свѣтѣ, умѣю разгадывать людей, и говорю тебѣ, батюшка-баринъ, ты счастливъ, что есть въ твоей роднѣ такой человѣкъ!» Рѣчь добраго старика окончательно растрогала меня. «Такъ вотъ о какихъ радостяхъ», думаю себѣ, «говорилъ онъ — «много радостныхъ часовъ, говоритъ, прожилъ онъ въ эти два дня» — и молчалъ, и не сказалъ, что это за радостные часы... Такъ вотъ въ чемъ видитъ онъ радости: въ возможности благотворенія! А я? Тутъ представилась мнѣ вся моя жизнь, отъ беззаботнаго дѣтства и такой же разсѣянной, безпечной юности до времени моего сближенія съ Петрушею, и укорила меня совѣсть. «Нѣтъ, мой дорогой Петруша», говорилъ я себѣ, «хоть ты молодъ, но лучше, умнѣе меня, уже пожилого, понялъ, что такое жизнь? въ чемъ ея конечная цѣль? Спасибо тебѣ, Павелъ Петровичъ: ты далъ ему такую жизнь, ты благословилъ его на подвигъ любви къ ближнему. Спасибо тебѣ!..»

Петруша не переставалъ, какъ онъ выражался, «копаться въ деревенской жизни» и стали до меня доходить слухи съ разныхъ сторонъ: тамъ, говорятъ, помирилъ онъ разсорившихся братьевъ, поступивши также, какъ и въ кузницѣ. Тамъ, слышу, образумилъ

молодого буяна, поднявшаго было руку на отца — и заставилъ его со слезами просить прощенія у ногъ старика. Тамъ еще пристыдилъ молодого повѣсу-парня, который насмѣшками оскорблялъ дѣвушекъ-поселянокъ; мало, что пристыдилъ, да еще и довелъ до сознанья, что мужчина долженъ быть охраною слабой женщинѣ, и т. д.

Такъ копался мой Петруша въ деревенской жизни, и отъискивалъ чистыя радости тамъ, гдѣ я и не подозрѣвалъ, и не думалъ искать, а онѣ такъ близки, такъ недороги и вмѣстѣ такъ безцѣнны.

И слыша такіе слухи о Петрушѣ, поневолѣ вспомнишь про его учителя; вспомнишь его слова: «Петруша, живи для народа! видишь, они, какъ овцы, оставленныя безъ пастыря!»

Уже не много оставалось времени пожить у меня Петрушѣ, какъ пріѣхалъ его отецъ. Давно мы ждали его, и Петруша, который давно не видалъ его, уже потерялъ и надежду на свиданіе. Нечего тебѣ разсказывать объ этомъ свиданіи отца-старика (онъ былъ старше меня) съ такимъ любящимъ сыномъ. Цвѣтущая, полная жизни и здоровья юность, просвѣщенный образованіемъ умъ, доброе сердце — вотъ какія богатства нашелъ отецъ въ сынѣ, которому вмѣстѣ съ своимъ благословеніемъ оставлялъ, при первомъ прощаньи съ нимъ, какъ залогъ полнаго счастія, только *трудъ* и *молитву*...

Братъ не налюбовался сыномъ. Петруша былъ любимымъ предметомъ нашихъ разговоровъ съ нимъ. «Далъ тебѣ Богъ сына,» говорилъ я брату: «далъ же

тебѣ Богъ и наставника сыну. Онъ самъ наставникъ.» И я говорилъ брату истинную правду, не лесть. Да, и тебѣ скажу то же самое. Какъ смотрю, бывало, на Петрушу, какъ слышу о дѣлахъ его, какъ слушаю его самаго, слышу, съ какимъ чувствомъ благодарности всегда вспоминаетъ онъ про своего достойнаго учителя... какимъ упрекомъ тогда становилась для меня жизнь его, любовь его! «Почему и я не таковъ?» спрашивалъ я самъ себя. А могъ бы и я быть такимъ. И у меня былъ добрый наставникъ, который старался открыть своей любви доступъ къ моему сердцу. Я слушалъ его, я понималъ, что онъ желаетъ мнѣ добра, я рѣшался въ тѣ свѣтлыя минуты сознанія слѣдовать его наставленіямъ — и потомъ ничего не дѣлалъ...

Наступила, наконецъ, пора ѣхать намъ въ городъ, для поступленія въ университетъ — мы уже собрались въ путь...

Но въ то время, какъ мы съ братомъ радостно торжествовали свѣтлое начало труженической жизни нашего Петруши, кончалъ уже свое поприще его достойный наставникъ. И сердце Петруши чувствовало это. Постоянно веселый и спокойный, въ послѣдніе дни, онъ иногда, вдругъ, безъ видимой причины, задумается, вздохнетъ, и попроситъ поскорѣе ѣхать въ городъ. За день до отъѣзда, утромъ, раньше обыкновеннаго, приходитъ онъ ко мнѣ съ лицемъ смущеннымъ, печальнымъ, и говоритъ: «Дяденька! я видѣлъ сегодня странный сонъ — не знаю, какъ и назвать его: и пріятный, да и печальный вмѣстѣ! Вижу: будто я иду, одинъ, по довольно узкой и песчаной дорогѣ,—

и вдругъ вижу, является предо мною мой Павелъ Петровичъ, такой веселый, и говоритъ: «Здравствуй, Петруша! ты идешь?... ну, иди же, иди... а я не пойду дальше съ тобою — я уже кончаю свой путь — и теперь зашелъ сюда за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ и куда ты идешь!...» Тутъ далъ онъ мнѣ книгу и, указывая на лежавшую предо мною дорогу въ гору... «вонъ, туда ступай!» сказалъ онъ: «впередъ, все далѣе и далѣе... а тамъ уже самъ найдешь путь къ небу...» Сказалъ и пристально поглядѣлъ на меня, улыбнулся... «помни, и молись обо мнѣ!» сказалъ, и пошелъ себѣ въ сторону. Я было хотѣлъ посмотрѣть, куда онъ пойдетъ, хотѣлъ было пойти за нимъ, грустно мнѣ было, что онъ меня покидаетъ одного; но онъ съ такою силою сказалъ свое: «впередъ!», что я не могъ ослушаться; вспомнилъ я, какъ онъ училъ меня никогда не останавливаться, когда слышу: «впередъ!» — и пошелъ. Иду, иду... вдругъ, на горѣ, вижу — множество дѣтей, и мальчиковъ, и дѣвочекъ, — вижу, и матери между ними... и лишь только дѣти меня замѣтили, какъ веселою толпою бросились ко мнѣ на встрѣчу... «Учитель, учитель идетъ!» раздались звонкіе голоса... «Учитель, учитель!... мы ждемъ тебя... давно ждемъ тебя, учитель!..» И мнѣ такъ стало пріятно... забылъ я и пройденный, трудный путь въ гору, забылъ и то, что я одинъ, безъ моего добраго Павла Петровича... Весело окинулъ я дѣтскую толпу и замѣтилъ — умоляющій взоръ матерей обращенъ на меня... «Люби, люби народъ! они какъ овцы, оставленныя безъ пастыря!..» слышались въ душѣ моей

слова моего незабвеннаго Павла Петровича. Дѣти взяли уже меня за руки, запрыгали, весело закричали вокругъ меня... и я проснулся. Дяденька! говорилъ Петруша, безпокоитъ меня этотъ сонъ; не боленъ ли Павелъ Петровичъ? не умеръ ли?» — и онъ просилъ меня поскорѣе ѣхать. Но въ тотъ день, при всемъ моемъ желаніи, мы никакъ не могли выѣхать. На другой день отецъ Петруши простился съ нами, благословилъ сына на новое поприще труда и молитвы, и уѣхалъ. Мы тоже отправились въ путь.

Сердце не обмануло Петруши. Пріѣхали мы въ городъ, въѣхали на дворъ квартиры Павла Петровича, и на галлереѣ нашли его слугу и трехъ учителей, его товарищей, пришедшихъ навѣстить больного и уже умирающаго Павла Петровича. Всѣ они вышли изъ комнаты, кромѣ одного, чтобы дать заснуть больному, страдавшему безсонницей. Вѣсть о болѣзни друга-наставника поразила Петрушу.

Уже болѣе недѣли, какъ Павелъ Петровичъ былъ опасно болѣнъ, врачи признали его болѣзнь неизлечимою. Въ тотъ день, утромъ, по желанію его, совершено надъ нимъ таинство елеосвященія, потомъ онъ причастился св. таинъ, и во время нашего пріѣзда нѣсколько вздремнулъ. Спокойно, въ полномъ сознаніи, кончалъ онъ свою труженическую жизнь, и съ нетерпѣніемъ ждалъ Петруши. «Часто,» говорилъ слуга, «онъ смотрѣлъ по сторонамъ, и печально говорилъ: «Нѣтъ, нѣтъ моего Петруши! Гдѣ же онъ теперь..?» Иной разъ попроситъ подать книгу, возьметъ, посмотритъ и скажетъ: «Вотъ, нѣтъ Петруши, и мнѣ некому такъ

прочесть мои любимыя проповѣди Филарета, какъ онъ читаетъ... Но что жъ? я утѣшаюсь ужъ и тѣмъ, что, если не читаетъ онъ ихъ мнѣ, то читаетъ ихъ дядѣ, сестрамъ... кажется, есть у него сестры? Вѣдь взялъ онъ Филарета съ собою?»

Петруша просилъ поскорѣе войти къ больному. Тихо подошелъ онъ къ постели. Чрезъ нѣсколько минутъ Павелъ Петровичъ разкрылъ глаза и улыбнулся... «Ахъ, Петруша, Петруша мой! сказалъ онъ, увидѣвши пламенника, который цѣловалъ его руку, слабой рукой притянулъ голову Петруши и поцѣловалъ его въ лобъ. «Садись, садись!» но Петруша какъ бы не слышалъ словъ своего любимаго наставника и стоялъ. «А я ждалъ тебя, долго... Я чувствую... я уже скоро, скоро умру... но я слезно просилъ Спасителя моего дать мнѣ еще разъ увидѣть тебя, Петруша, — и онъ услышалъ меня...! Ты плачешь...? не плачь! Тебѣ бы надобно веселиться: — я совершаю свой путь. Не плачь... ждалъ я тебя не съ тѣмъ, чтобы разстаться съ тобою, но чтобы вмѣстѣ съ тобой пойти въ твой жизненный путь духомъ моимъ, благословеніемъ моимъ...» Тутъ онъ указалъ на столъ и попросилъ подать ему образъ и книгу. «Это я для тебя приготовилъ,» сказалъ онъ, взявши въ руки образъ молящагося въ саду Геѳсиманскомъ Спасителя... «Другъ мой! да будетъ Онъ, Спаситель нашъ, твоею силою въ скорбяхъ жизни. Когда будешь изнемогать и упадать духомъ, посмотри съ любовью на страждущій ликъ его и вспомни: — если Онъ, всесильный, изнемогалъ подъ тяжестью скорбей, поднятыхъ за насъ

съ тобою; то онъ знаетъ, какъ и намъ трудно итти къ нему чрезъ крестъ и смерть на крестѣ. Вспомни, и помолись, и ободрись — и терпѣливо жди помощи отъ Него» и отдалъ образъ Петрушѣ. «Вотъ тебѣ еще и Его Божественное Слово,» сказалъ онъ, отдавая ему Евангеліе, «другъ мой! Онъ учитъ насъ... ты знаешь, чему...? При свѣтѣ его иди... путемъ жизни... Азъ есмь свѣтъ,» помни это, — «Азъ есмь путь!» говоритъ Спаситель.» Онъ замолчалъ и быстро взглянулъ на Петрушу... «Отецъ твой,» началъ онъ и посмотрѣлъ на окружающихъ — «его нѣтъ здѣсь...? оставляя тебя мнѣ, завѣщалъ тебѣ трудъ и молитву... Съ этимъ завѣтомъ... и я тебя оставлю: трудись и молись!» Видно было, что ему трудно было говорить, но ему хотѣлось говорить... «Да... мой Петруша! будь такимъ, — какимъ ты былъ... до сихъ поръ... Нѣтъ, нѣтъ, что я сказалъ? нѣтъ, зрѣй, расти все выше и выше,» — онъ поднялъ взоръ вверхъ — «силою духа» онъ замолчалъ и опустилъ глаза. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Наступила торжественная минута смерти, мы всѣ плакали. Одинъ Петруша не плакалъ, онъ устремилъ свой проницательный взоръ на умирающаго, и, казалось, духъ его сливался съ духомъ наставника. Лицо умирающаго стало слегка поводить. Павелъ Петровичъ еще раскрылъ глаза, смутно посмотрѣлъ на Петрушу и нашелъ еще въ себѣ силы сказать, чуть слышно — «живи для народа!» и закрылъ глаза. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вздохнулъ разъ, два и тихо заснулъ смертнымъ сномъ.

Отпѣваніе тѣла усопшаго совершено было въ гимназической церкви, въ присутствіи попечителя и другихъ начальниковъ. Учениковъ было мало, и учителей не много — еще не съѣхались съ каникулъ. На лицахъ всѣхъ видно было сожалѣніе о смерти любимаго наставника и товарища. Я и Петруша стояли у самаго гроба. Мнѣ хотѣлось всмотрѣться въ лицо этого добраго подвижника истинной жизни. Петруша былъ спокойнѣе, чѣмъ я ожидалъ; только отъ времени до времени лицо его морщилось, и рѣдкія слезы катились одна за другою по щекамъ. Когда запѣли: «Со святыми упокой,» онъ положилъ земной поклонъ и при словахъ пѣсни: «но жизнь безконечна!» поднялъ глаза вверхъ, и я чувствовалъ, въ нихъ сіяла безконечная любовь, онъ торжествовалъ мирный переходъ друга изъ страны скорби, труда и борьбы въ страну свѣта, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе.

Мы проводили гробъ до могилы, и когда хоръ пѣвчихъ запѣлъ надъ могилою: «Вѣчная память!» и я запѣлъ вмѣстѣ съ ними изъ глубины разтроганной души, и вѣчная память о другѣ благодѣтелѣ людей осталась въ душѣ моей.

Петруша поступилъ въ университетъ и теперь бодро и терпѣливо идетъ въ гору трудною дорогою, которую указалъ ему Павелъ Петровичъ, — идетъ впередъ, все далѣе и далѣе, туда, куда влечетъ его горячая любовь къ блажнимъ, гдѣ найдетъ онъ дѣтей, которыя ждутъ его наставническаго служенія. На каникулахъ онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и еще усерднѣе прежняго, и уже вмѣстѣ со мною, «вкапывается» въ глубь народ-

ной жизни, ища тамъ чистыхъ, свѣтлыхъ радостей благотворенія. И въ трудахъ для ближнихъ онъ какъ бы забываетъ, что онъ одинъ, что нѣтъ съ нимъ его незабвеннаго Павла Петровича. Но вѣрный памяти достойнаго наставника, онъ всегда привозитъ съ собою портретъ его, который онъ просилъ снять съ него, уже послѣ его смерти.

Да, Павелъ Петровичъ умеръ; но онъ живъ для Петруши: его просвѣщенный взглядъ на жизнь, его правый духъ невидимо хранятъ добраго юношу среди опасныхъ путей, которыми идетъ теперь наше молодое поколѣніе.

Такъ-то бы и всѣмъ намъ можно жить для блага ближнихъ, для блага нашего бѣднаго народа!» — Такъ заключилъ свой разсказъ мой добрый знакомый. «И я думаю, продолжалъ онъ: — когда возмужаетъ мой Петруша и, идя все впередъ по жизненному пути, оглянется назадъ, къ своему дѣтству, къ своей юности, — то всякій разъ радостно забьется его сердце, какъ въ ту свѣтлую пору, когда любовь друга — наставника дала ему почувствовать все благо истинно-человѣческой жизни, все благо любви и все величіе подвига во имя этой любви...!»

Д. Д.

КРЕЩЕНІЕ ЛИТВЫ

И

ПРИСОЕДИНЕНІЕ ЕЯ КЪ ПОЛЬШѢ.

По смерти великаго князя литовскаго Ольгерда Гедиминовича, въ 1377 году, на литовскій престолъ вступилъ Ягелло, старшій сынъ его отъ второй жены, тверской княжны Юліяны (*). По волѣ отца, Ягелло воспитывался въ язычествѣ, но уже съ дѣтства видѣлъ, что мать его и сестры строго исполняли обряды Христіанской вѣры; по смерти отца, мать неоднократно увѣщевала его креститься, поэтому онъ уже не былъ твердъ въ язычествѣ. Напротивъ, ясно видя, что рано

(*) Ольгердъ былъ дважды женатъ на русскихъ княжнахъ православнаго исповѣданія. Отъ первой жены княжны Маріи онъ имѣлъ шесть сыновей; изъ нихъ жили: Андрей Вингольтъ, пребывавшій въ Москвѣ, Константинъ Корыгелло у нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи, и Борисъ или Бутавъ у римскихъ императоровъ въ Вѣнѣ. Отъ второй жены, княжны Юліянны, онъ имѣлъ: Ягелла, Скиргелла, Свидрыгайла, Дмитрія Корыбута, Дмитрія князя Корецкаго, Василія Александра Вигулда и пять дочерей.

или поздно Литовцы должны будутъ принять крещеніе, онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы извлечь изъ него возможныя выгоды.

Еще въ царствованіе Ольгерда, римскій императоръ и нѣмецкій король Карлъ IV присылалъ въ Литву посольство, предлагая великому князю и народу креститься по обрядамъ римско-католическаго исповѣданія, и назначалъ мѣстомъ крещенія Ольгерда городъ Бреславль (въ нынѣшней прусской Силезіи). Ольгердъ объявилъ посламъ, что готовъ креститься, если жившіе въ сосѣдней съ Литвою Пруссіи рыцари нѣмецкаго ордена возвратятъ ему литовскія земли, отнятыя во время разныхъ войнъ. Но рыцари на это не согласились, тогда Ольгердъ отвѣчалъ посламъ: «Теперь я вижу ясно, что вамъ нужна не вѣра моя, а деньги, и потому останусь вѣрнымъ язычеству». Но въ это время языческая религія уже значительно поколебалась въ Литвѣ. Съ одной стороны, нѣмецкіе рыцари, огнемъ и мечемъ приносившіе христіанскую вѣру въ Литву, дѣлали на нее безпрестанные набѣги, опустошали ее, сожгли неприступный дотолѣ г. Ковно, взятыхъ въ плѣнъ насильно крестили въ Пруссіи. Такія дѣйствія нѣмецкихъ рыцарей лишили многихъ Литовцевъ увѣренности — отстоять свою вѣру. Съ другой стороны, многіе литовскіе удѣльные князья, потомки Гедимина, имѣя матерей христіанокъ, были крещены съ дѣтства, а иные, воспитавшись въ язычествѣ, крестились взрослыми, по причинѣ браковъ съ христіанками. Не одинъ изъ этихъ князей, лишенный за что либо своего удѣла, принужденъ былъ искать убѣжища у великихъ кня-

зей московскихъ или у нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи, или же у римскихъ императоровъ и королей нѣмецкихъ. По примѣру князей, многіе изъ подданныхъ ихъ женились на христіанкахъ большею частію православнаго исповѣданія, и если сами и оставались въ язычествѣ, то дѣти ихъ часто принимали вѣру матерей. Нерѣдко случалось, что даже литовскіе жрецы, не довѣряя болѣе могуществу своихъ боговъ, переселялись въ Пруссію и дѣлались христіанами. Даже литовское преданіе предсказывало уже скорый упадокъ язычества. За долго предъ этимъ временемъ, одинъ изъ литовскихъ князей, строя языческій храмъ, спрашивалъ главное жмудское прорицалище, долго ли будетъ существовать этотъ храмъ. Прорицалище, отвѣтивъ, что онъ будетъ существовать до конца язычества въ Литвѣ, дало князю большое количество кирпичей съ непонятными на нихъ знаками, съ тѣмъ, чтобы ежегодно онъ вкладывалъ одинъ изъ нихъ въ стѣну храма. Въ годъ вступленія на престолъ Ягелло оставалось только десять кирпичей и на послѣднемъ изъ нихъ былъ изображенъ двойной крестъ. Это, по литовскому преданію, означало, что въ 1387 году введена будетъ у нихъ христіанская вѣра. Несмотря на это, всѣ жители Жмуди и большая часть собственной Литвы крѣпко еще отстаивали язычество и скорѣе соглашались оставить отечество и переселиться въ удаленныя отъ нѣмецкихъ рыцарей страны, чѣмъ измѣнить своей вѣрѣ. Престарѣлый трокскій князь Кейстутъ, дядя Ягелло, употреблялъ всѣ усилія, чтобы спасти вѣчный огонь Жничъ и любимыхъ имъ идоловъ отъ истребленія. Но Кейс-

тутъ, во время войны съ нѣмецкими рыцарями и Ягелломъ, который былъ съ ними въ союзѣ, въ 1382 году взятъ былъ въ плѣнъ и умеръ въ темницѣ въ городѣ Кревѣ, а Ягелло въ этомъ же году заключилъ съ орденомъ договоръ, на основаніи котораго онъ уступалъ ордену самую закоренѣлую въ язычествѣ Жмудь по рѣкѣ Дубиссу, обѣщалъ именемъ своихъ родныхъ и всего народа, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, принять христіанскую вѣру и наконецъ со всѣмъ своимъ родомъ и государствомъ отдаться подъ покровительство ордена.

Между тѣмъ, въ сосѣдственной съ Литвою Польшѣ, съ участью которой начинаетъ съ этого времени тѣсно связываться участь Литвы, по смерти польскаго и венгерскаго короля Людовика, въ 1382 году, Поляки возвели на престолъ младшую дочь его, двѣнадцатилѣтнюю Ядвигу; она была съ пяти лѣтъ помолвлена за пятилѣтняго австрійскаго принца Вильгельма, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они были обвѣнчаны, по достиженіи двѣнадцати лѣтъ. Но этотъ срокъ прошелъ, и обрядъ брака не состоялся; между тѣмъ, мать Ядвиги, королева Елисавета, не очень расположенная къ Вильгельму, дала Полякамъ согласіе выбрать другого мужа для Ядвиги, по своему усмотрѣнію. Великополяне (*) хо-

(*) Тогдашняя Польша дѣлилась на великую и малую. Первая сѣверная, населенная многочисленною бѣдною шляхтою (дворянами), была вполнѣ народная и имѣла главнымъ городомъ Гнѣзно. Послѣдняя южная, населенная многими нѣмецкими выходцами, переняла много отъ нихъ иностранныхъ обы-

тѣли, чтобы Ядвига вышла замужъ за мазовецкаго князя Земовита, потомка прежней Пястовской династіи; а Малополяне, не находя для себя выгодъ въ возведеніи на престолъ Земовита, желали, чтобы мужемъ Ядвиги и польскимъ королемъ сдѣлался великій князь литовскій Ягелло. Поэтому, хотя Ядвига, проведя большую часть своего дѣтства вмѣстѣ съ Вильгельмомъ, привыкла видѣть въ немъ своего, будущаго мужа, но когда явились къ ней въ Краковъ сваты отъ Ягелло и объявили, что, въ случаѣ согласія Ядвиги на бракъ, онъ обязуется вмѣстѣ съ своими подданными принять римско-католическую вѣру и навсегда соединитъ Литву съ Польшею, то духовенство и малопольскіе вельможи такъ повели это дѣло, что успѣли склонить Ядвигу и Великополянъ въ пользу предложенія Ягеллы.

Литовскіе послы пріѣхали назадъ въ Литву вмѣстѣ съ польскими вельможами, представителями польскаго народа, и предъ ними Ягелло, въ 1385 году подтвердилъ письменнымъ актомъ, изданнымъ въ городѣ Кревѣ, объявленныя чрезъ своихъ пословъ обязательства и отправился, въ сопровожденіи своихъ братьевъ, родственниковъ и многихъ литовскихъ бояръ, въ Краковъ. Послѣ торжественнаго въѣзда въ этотъ городъ и представленія Ядвигѣ, въ продолженіи трехъ дней, Ягелло, братья его и бывшіе съ ними бояре изучали догматы

чаевъ. Малопольскіе вельможи жили на подобіе нѣмецкихъ князей въ замкахъ. Краковъ былъ столицею малой Польши; что же касается Варшавы, она была тогда обыкновеннымъ городомъ въ земляхъ Мазовецкихъ князей, потомковъ Пяста.

католической вѣры; за тѣмъ 15 февраля 1386 года совершенъ былъ надъ ними обрядъ крещенія, на которомъ Ягеллу дано имя Владислава; тѣ изъ литовскихъ князей и бояръ, которые прежде уже были крещены по обряду восточной церкви, остались при своей вѣрѣ. 18 февраля совершено было бракосочетаніе Ягеллы съ Ядвигою и въ тотъ же день объявлены польской шляхтѣ слѣдующія права и преимущества: 1-е. Всѣ достоинства и должности впредь будутъ даваться единственно шляхтѣ, живущей тамъ, гдѣ откроется вакансія, и не иначе, какъ съ согласія мѣстной шляхты. 2-е. Всѣ замки и укрѣпленныя мѣста, а также староства (*) будутъ поручаемы управленію одной польской шляхты (**); 3-е. За военную службу внѣ королевства, шляхта будетъ вознаграждаема вполнѣ королемъ, а за службу внутри королевства, только за болѣе значительныя потери; при томъ выкупъ плѣнныхъ, въ обоихъ случаяхъ, король принимаетъ на себя; и наконецъ 4-е, даже уголовныя дѣла, подлежавшія до сего времени рѣшенію королевскихъ судей, предоставляются владѣтелямъ тѣхъ земель, гдѣ случатся таковыя преступленія. Черезъ двѣ недѣли послѣ бракосочетанія, 4 марта, совершенъ былъ обрядъ

(*) Польскія государственныя имѣнія раздѣлялись на староства, состоявшія изъ одного или нѣсколькихъ городовъ и многихъ деревень.

(**) Прежде случалось, что такія мѣста поручались управленію иностранцевъ или недавно поселившихся въ Польшѣ выходцевъ изъ другихъ земель.

коронованія Ягелла или Владислава II польскимъ королемъ, при чемъ цѣлованіемъ св. мощей онъ присягнулъ исполнить всѣ обязательства, данныя въ Кревѣ. Теперь начались свадебные пиры, продолжавшіеся нѣсколько дней. О количествѣ гостей можно судить уже потому, что, во время обыкновенныхъ королевскихъ обѣдовъ, садилось за столъ до пятисотъ однѣхъ дѣвицъ. Отличительною чертою тогдашнихъ пировъ была многочисленность яствъ и питій; обыкновенный обѣдъ Ягелла состоялъ не менѣе, какъ изъ шестидесяти разныхъ блюдъ; каждое изъ нихъ разносилось при звукахъ трубъ. Въ промежуткахъ между кушаньями пѣвцы и пѣвицы, танцовщики и танцовщицы увеселяли гостей пѣніемъ и пляской. Иногда въ залы въѣзжали на лошадяхъ фокусники, паяцы и давали представленія; въ другое время вступали въ бой рыцари. По окончаніи стола, начинались пляски, смѣнявшіяся турнирами на дворѣ замка. Послѣ такихъ пировъ, примиривъ бывшія еще въ Польшѣ разныя партіи, Ягелло вмѣстѣ съ Ядвигой, многими польскими и литовскими князьями и вельможами и многочисленнымъ католическимъ духовенствомъ отправился въ Литву. По случаю зимняго времени, она представляла тогда весьма печальный и пасмурный видъ. Дороги были занесены снѣгомъ и иногда путешественники должны были руководствоваться теченіемъ звѣздъ или извѣстными примѣтами (*). Только изрѣдка встрѣчались жилища людей; за то по-

(*) Дикіе и кочующіе народы, какъ американскіе Индѣйцы, наши Киргизы, Аравитяне и проч. опредѣляютъ путь по

чти каждое изъ нихъ считалось любимымъ мѣстопребываніемъ какого либо языческаго божества. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ вся околица была посвящена богу Перкуну; въ другомъ водянымъ нимфамъ и т. д. Литовцы въ это время отдыхали послѣ продолжительныхъ осеннихъ празднествъ, и при видѣ сопровождавшихъ Ягелла польскихъ вельможъ и духовенства, не показали никакого неудовольствія; напротивъ того, многочисленность свиты, множество возовъ съ разными товарами и особенно съ польскимъ сукномъ и бѣлыми суконными одеждами, въ подарокъ тѣмъ, которые крестятся, возбудили въ нихъ сильное любопытство и дѣтское удивленіе. Въ началѣ 1387 года Ягелло сталъ въ Вильнѣ, раздѣлявшемся тогда на малое или княжеское и христіанское. Первое состояло изъ двухъ замковъ: верхняго, на такъ называемой Турьей горѣ, и нижняго, расположеннаго у ея подножія. Здѣсь находились княжескія палаты, большая статуя Перкуна, башня, изъ которой жрецы говорили къ народу, главный храмъ Жнича, въ которомъ горѣлъ вѣчный огонь (**), и другіе языческіе храмы. Въ сторонѣ отъ этихъ зданій, стояли безъ всякаго порядка и плана жилища языческихъ Литовцевъ. Другая часть Вильна, несравненно больше первой, построенная тоже

теченію звѣздъ или по примѣтамъ. Замѣчательно, что они рѣдко блуждаютъ.

(**) Литовскіе жрецы поочередно наблюдали днемъ и ночью, чтобы этотъ огонь горѣлъ ровно. Самъ первосвященникъ ихъ Кривекривейто строго смотрѣлъ за точнымъ исполненіемъ этого обряда.

безъ всякаго плана и безъ улицъ, была мѣстопребываніемъ христіанъ разныхъ націй и исповѣданій. Здѣсь жили Русскіе, имѣвшіе для отправленія своего богослуженія церковь и монастырь; Нѣмцы и Поляки съ своими двумя храмами: тоже церковью и монастыремъ, Жиды, Татары и проч.

На совѣщаніи, гдѣ присутствовали и литовскіе князья, и польскіе вельможи, и прибывшее съ Ягелломъ духовенство, положено было крестить только языческихъ Литовцевъ и тѣхъ изъ христіанъ, которые, по причинѣ своего невѣжества, подобно язычникамъ, признавали въ Божествѣ доброе и злое начало (*). Относительно русскихъ христіанъ, составлявшихъ населеніе большихъ земель, отнятыхъ литовцами у русскихъ князей, положено было оставить ихъ при ихъ вѣрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили при крещеніи употребить убѣжденіе и поощреніе, а если они окажутся недостаточными, то принуждать непокорныхъ силою. Вслѣдствіе этого, Ягелло обнародовалъ, что всякій крестившійся получитъ слѣдующія права: 1-е. Онъ будетъ имѣть полное право распоряжаться своимъ имѣніемъ, на томъ же самомъ основаніи, какъ польская шляхта. 2-е. Будетъ получать скорый судъ; 3-е, по своему усмотрѣнію, можетъ выдавать замужъ своихъ дочерей, племянницъ и родственницъ; при томъ, по смерти такого

(*) Эта ересь въ то время сильно была распространена въ юго-западныхъ земляхъ нынѣшней европейской Россіи и проникла въ собственную Литву. Въ обрядахъ и вѣрованіи послѣдователей этой секты много было заимствованнаго изъ язычества.

мужа, его имѣніе будетъ оставаться вдовѣ и только въ случаѣ вторичнаго ея брака, оно перейдетъ къ дѣтямъ, или родственникамъ покойнаго. 4-е, Крестившійся бояринъ будетъ свободенъ отъ всякихъ работъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда вся Литва будетъ призвана къ постройкѣ замковъ. Въ заключеніе, въ объявленіи сказано, что если кто отступитъ отъ христіанства, то потеряетъ эти права. Въ слѣдъ за тѣмъ было обнародовано, что противъ нежелающихъ принять крещеніе приняты будутъ мѣры принужденія, именно тѣлесное наказаніе, которое нерѣдко оканчивалось въ Литвѣ смертью. За тѣмъ, установивъ виленскую епархію и нѣсколько приходовъ, положено было построить каѳедральный соборъ на мѣстѣ главнаго языческаго храма бога Перкуна. Когда нужные для постройки матеріалы были уже готовы, созваны были жившіе въ окрестности Вильна язычники и объявлено имъ, что они должны отказаться отъ своего ложнаго вѣрованія въ идоловъ. Пораженные изумленіемъ и страхомъ, они не знали, что думать и какъ отвѣчать. Отказаться отъ боговъ казалось имъ неблагодарностію и грѣхомъ; при томъ они боялись мщенія боговъ. Поэтому, чтобы доказать имъ безсиліе языческихъ божествъ, христіане при нихъ же опрокидывали и уничтожали священные для язычниковъ предметы: залили вѣчный огонь Жница, срубили священные дубы, убивали ужей и ящерицъ. Присутствовавшіе при этомъ язычники рыдали, особенно женщины, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ приговаривали: «Кто намъ пошлетъ дождь, кто пошлетъ ведро, когда не будетъ божествъ, которыя завѣдывали бы

этимъ (*)?» Но, когда они увидѣли, что ни одинъ изъ боговъ не вступился за себя, тогда, убѣдясь въ ихъ безсиліи, они изъявили согласіе креститься. Священники стали объяснять имъ догматы новой религіи, язычники особенно удивлялись ученію объ одномъ Богѣ. Они не могли понять, какимъ образомъ Онъ можетъ быть всемогущъ, когда ихъ многіе боги оказались безсильны. По изученіи язычниками нужныхъ догматовъ вѣры, священники, отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ и раздѣливъ тѣхъ и другихъ на толпы, крестили цѣлыми толпами, давая имъ общее имя. Такимъ образомъ сотни язычниковъ превращались въ одинъ разъ въ Ивановъ, Петровъ и т. п. Одни только болѣе знатные Литовцы были крещены по одиначкѣ. Всякому крестившемуся тотчасъ давали въ подарокъ бѣлое суконное платье и это было лучшимъ поощреніемъ для бѣдныхъ Литовцевъ. Неоднократно случалось, что иной, для полученія подарка, снова повторялъ крещеніе. Уничтоживъ въ Вильнѣ язычество, Ягелло и священники въ половинѣ марта отправились, съ тою же цѣлію, по всей Литвѣ. Повсюду опрокидываемы были идолы и храмы, а на ихъ мѣстахъ ставились кресты, часовни или католическія церкви; — все это и самое крещеніе Литовцевъ совершилось безъ всякаго со стороны ихъ сопротивленія.

Съ перемѣною религіи все измѣнилось въ этомъ краѣ. Вмѣсто священныхъ рощъ и лѣсовъ, появились

(*) У Языческихъ Литовцевъ на каждый отдѣльный предметъ было свое божество.

плодоносныя поля, среди которыхъ польскій языкъ сталъ замѣнять туземный литовскій. Бояре получили новыя права, близкія къ правамъ польской шляхты. Одинъ только простой народъ оставался почти въ томъ же рабствѣ, какъ и прежде. Впрочемъ во всемъ этомъ въ началѣ была видна смѣсь стараго съ новымъ. Въ самой христіанской вѣрѣ Литовцевъ много оставалось языческихъ обрядовъ и суевѣрій; новокрещенные еще долгое время въ тайнѣ держались язычества и охотнѣе хоронили своихъ умершихъ родственниковъ христіанъ среди лѣсовъ, между могилами ихъ предковъ, чѣмъ на новоотведенныхъ христіанскихъ кладбищахъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что крестившихся при Ягеллѣ Литовцевъ было неболѣе тридцати тысячь. Другая часть великаго княжества Литовскаго Жмудь еще оставалась въ язычествѣ. Отданные Ягелломъ рыцарямъ нѣмецкаго ордена, жители этой страны нѣсколько разъ насильно были обращаемы въ христіанъ; но всякій разъ возставали противъ ордена и, изгнавъ священниковъ, возвращались къ язычеству. Наконецъ, во время войны ордена съ Польшею и Литвою, Жмудь присоединилась къ сей послѣдней. Послѣ совершеннаго пораженія рыцарей между деревнями Грунвальдомъ и Таненбергомъ въ 1410 году, великій князь литовскій Витольдъ, зимою съ 1413 на 1414 годъ, ввелъ въ жмудскую землю христіанскую вѣру. Когда же жители ея, взбунтовавшись вновь, изгнали священниковъ и возвратились къ язычеству, то Витольдъ наказалъ смертною казнью шестьдесятъ главныхъ виновниковъ бунта и поставилъ въ Жмуди столько священства, что она

со временемъ сдѣлалась особенно обильна католическими храмами, часовнями и крестами при дорогахъ (*).

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ, прежде враждебная Польшѣ, Литва соединилась съ нею. Мы уже знаемъ, что это было одно изъ условій брака Ягелла съ Ядвигою и утверждено документомъ, изданнымъ имъ въ Кревѣ въ 1385 году. Поэтому, по водвореніи христіанства въ Литвѣ, Ягелло, возвращаясь въ Польшу, хотя и назначилъ великимъ княземъ литовскимъ брата своего Скиргеллу, но взялъ съ него присягу на вѣрность не только себѣ, какъ верховному властителю Литвы, но и польскому королевству. Подобную присягу далъ и замѣнившій Скиргеллу Витольдъ. А какъ по смерти главной виновницы соединенія Литвы съ Польшею, Ядвиги, возродился вопросъ, долженъ ли Ягелло оставаться польскимъ королемъ, то съ польской стороны знатнѣйшіе вельможи, а со стороны Литвы великій князь Витольдъ, съ удѣльными князьями и знатнѣйшими боярами, утвердили въ 1401 году польскій престолъ за Ягелло и присягою и письменнымъ актомъ обѣщали быть взаимно одни другимъ вѣрными; при томъ было постановлено, чтобы, въ случаѣ смерти Витольда, Литовцы не выбирали себѣ великаго князя безъ согласія Поляковъ, а Поляки, послѣ кончины Ягелла, тоже не выбирали бы себѣ короля безъ участія Литовцевъ. Для болѣе же тѣснаго соединенія этихъ двухъ народовъ, было положено дать

(*) Жители Жмуди въ настоящее время самые ревностные католики между жителями западныхъ губерній.

литовскимъ боярамъ одинакія права съ польскою шляхтою. На сеймѣ, собранномъ поэтому поводу въ литовскомъ городѣ Городло, на которомъ присутствовали съ одной стороны Ягелло съ знатнѣйшими Поляками, а съ другой Витольдъ съ литовскими удѣльными князьями и боярами, сорокъ семь бояръ, признанныхъ Витольдомъ достойными правъ польскаго шляхетства, были приняты такимъ же числомъ лучшихъ польскихъ фамилій въ свое родство и получили гербы тѣхъ фамилій (*). При этомъ польская шляхта и литовскіе бояре обязались вѣчно жить въ любви, дружбѣ и согласіи, давать всегда другъ другу помощь и совѣтъ противъ непріятелей; а Ягелло и Витольдъ еще разъ повторили вѣчное соединеніе Литвы съ Польшею и положили, чтобы оба народа въ важныхъ случаяхъ совѣщались вмѣстѣ въ Люблинѣ, Парчовѣ или другомъ предварительно избранномъ городѣ. Въ послѣдствіи времени, по примѣру сейма въ Городлѣ, права польскаго шляхетства распространены и на остальныхъ литовскихъ бояръ и Литовцевъ, отличившихся какими либо заслугами. При томъ, подобно тому, какъ тогдашняя Польша раздѣлялась по управленію на воеводства, введено было такое же управленіе и въ Литвѣ. Поляки и Литовцы стали раздѣлять общую участь своей политической жизни.

(*) Каждая шляхетская (дворянская) фамилія имѣетъ свой гербъ, какъ признакъ шляхетства.

АЛЬГАМБРА.

(*Разсказъ американскаго писателя Вашингтона Ирвинга.*)

I. ПУТЕШЕСТВІЕ.

Многіе думаютъ, что испанская природа похожа на роскошную и игривую природу Италіи. Но это несправедливо: мѣстность Испаніи большею частью, кромѣ приморскихъ областей, дика и пустынна, покрыта скалистыми горами и равнинами, лишенными деревьевъ. Совершенное отсутствіе пѣвчихъ птицъ, естественное слѣдствіе безлѣсія, еще болѣе усиливаетъ характеръ безмолвія и безжизненности, которымъ отличается испанская природа. Орелъ и коршунъ парятъ надъ ея скалами и долинами, стаи пугливыхъ стрепетовъ гордо разгуливаютъ по пустымъ пространствамъ и лишь кое-гдѣ, въ огородахъ и садахъ, окружающихъ жилища человѣческія, находятъ себѣ пріютъ мелкія пташки.

Внутри провинцій путешественникъ случайно проходитъ большое пространство засѣянной земли, или волнующееся зеленою травою, или выжженное солнцемъ, но тщетно взоръ его ищетъ человѣка, который обработывалъ бы эту почву, и только послѣ долгихъ на-

блюденій усматриваетъ деревню на крутомъ бугрѣ или на вершинѣ скалы, съ полуразрушеннымъ укрѣпленіемъ и башней съ зубцами, поросшими мохомъ, — остатками временъ междоусобій и арабскихъ нападеній. Обычай крестьянъ соединяться для взаимной обороны и понынѣ повсемѣстно существуетъ въ Испаніи; тамъ еще нерѣдки нападенія разбойниковъ.

Но есть что-то поразительное въ этихъ безконечныхъ равнинахъ. Пробираясь по необозримымъ пустынямъ Кастильи и Ламанчи, встрѣчаешь то разбредшееся стадо рогатого скота, которое пасетъ одинокій пастухъ, неподвижно стоящій, облокотясь на длинную тонкую палку, то длинный поѣздъ муловъ, тихо двигающійся въ степи, подобно каравану верблюдовъ въ пустыняхъ Аравіи, то одинокаго пастуха вооруженнаго мушкетомъ или стилетомъ, бродящаго по равнинѣ.

Всеобщее употребленіе оружія свидѣтельствуетъ о малой безопасности страны. Зажиточный земледѣлецъ рѣдко отважится поѣхать въ городъ на рынокъ, безъ своего трабукко, или безъ сопровожденія слуги пѣшкомъ, съ ружьемъ на плечѣ, и самая маленькая поѣздка не предпринимается безъ воинственныхъ приготовленій.

Опасности дорогъ породили способъ путешествія, напоминающій въ маломъ видѣ восточные караваны. Арріеросы сопровождаютъ конвои и въ назначенные дни выѣзжаютъ въ большомъ числѣ и хорошо вооруженные; къ нимъ присоединяются путешественники, умножающіе собою численность и силу поѣзда. Такимъ же патріархальнымъ образомъ перевозятся и товары. Погонщикъ муловъ—непремѣнный общій посредникъ въ

торговыхъ сдѣлкахъ. Онъ искреститъ весь полуостровъ отъ Пиренеевъ и Астуріи до Алпухара, и даже до воротъ Гибралтара. Живетъ онъ умѣренно и бѣдно, въ его *алфорса* изъ грубаго сукна помѣщается скудный запасъ провіанта; кожаная фляга, висящая на арчакѣ его сѣдла, содержитъ въ себѣ вино или воду, для утоленія жажды въ безплодныхъ горахъ и безводныхъ равнинахъ. Попона мула, раскинутая на землѣ, служитъ ему постелью на ночь, а вьючное сѣдло подушкой. Погонщикъ, по большей части, низокъ ростомъ, но правильныя мускулистыя формы его обличаютъ силу; загорѣлое лицо его смугло, взоръ рѣшителенъ и покоенъ, если не оживленъ внезапнымъ волненіемъ, обхожденіе искренно, мужественно и вѣжливо; онъ никогда не пройдетъ мимо васъ безъ привѣтствія, исполненнаго важности: «Господь да сохранитъ васъ! Господь съ вами, кабаллеро!»

Такъ какъ часто все имущество этихъ людей заключается въ грузѣ ихъ мулловъ, то оружіе у нихъ всегда въ рукахъ, или виситъ на сѣдлѣ, и они готовы къ самой отчаянной защитѣ. Но многочисленность предохраняетъ ихъ отъ нападеній маленькихъ шаекъ разбойниковъ, и одинокій бандолеро, вооруженный до зубовъ, гарцуетъ около нихъ на своемъ андалузскомъ конѣ, какъ пиратъ около купеческаго конвоя, не отваживаясь на нападеніе.

У Испанскаго погонщика муловъ всегда неистощимый запасъ пѣсенъ и балладъ, которыми онъ увеселяетъ свое непрерывное странствованіе. Напѣвъ ихъ безъискуственъ и грубъ и состоитъ въ немногихъ

измѣненіяхъ голоса. Погонщикъ поетъ громко, съ длиннымъ, протяжнымъ удареніемъ, сидя бокомъ на своемъ мулѣ, который какъ будто слушаетъ его съ непоколебимою важностію, и словно въ тактъ поднимаетъ ноги. Куплеты, которые такимъ образомъ поются,—это перешедшіе по преданію романсы Мавровъ, или легенда о какомъ нибудь святомъ, или всего чаще баллады о смѣломъ контрабандистѣ и отважномъ бандолеро, потому что контрабандисты да разбойники—это герои испанскаго простонародья. Не рѣдко пѣсня погонщика бываетъ импровизирована въ туже минуту и относится къ какой нибудь мѣстной сценѣ или къ проишествію, случившемуся на пути. Есть какая-то странная привлекательность въ напѣвѣ этихъ пѣсенъ, раздающихся среди дикихъ и пустынныхъ сценъ, сливающихся съ однообразнымъ звономъ колокольчиковъ на мулахъ.

Чрезвычайно живописна бываетъ встрѣча съ поѣздомъ муловъ въ гористомъ ущельи. Сначала вы слышите звукъ бубенчиковъ, нарушающій своей незатѣйливой мелодіей безмолвіе воздушнаго пространства, иногда раздается голосъ погонщика, понукающаго какое нибудь отсталое, забѣжавшее въ сторону животное, или поющаго во весь голосъ старинную балладу. Наконецъ представляются взорамъ мулы, пробирающіеся тихонько въ крутомъ ущельи; то спускаются они съ отвѣсной скалы, то съ трудомъ передвигаютъ ноги въ глубокомъ, безплодномъ оврагѣ. По мѣрѣ приближенія ихъ, открываются передъ вами пестрые убранства муловъ, состоящія изъ клочьевъ разноцвѣтной шерсти, шелковыхъ кистей и попонъ, покрывающихъ

сѣдла, — а когда они проходятъ мимо васъ, вы видите всегда готовые траббуко, торчащіе изъ за клажи и вьючныхъ сѣделъ, какъ вѣчное напоминовеніе объ опасностяхъ, угрожающихъ на пути.

Древнее королество Гренады принадлежитъ къ самымъ гористымъ полосамъ Испаніи. Вастъ-сіерры, или цѣпи горъ, лишенныхъ растительности, испещренныхъ разнообразными мраморами и гранитами, возвышаютъ свои сожженыя солнцемъ вершины до темно голубыхъ облаковъ; но среди обнаженныхъ скалъ, лежитъ самая плодоносная и зеленѣющая долина, въ которой обработанный садъ оспориваетъ владычество у пустыни, и самые утесы какъ бы вынуждены уступить мѣсто фигамъ, апельсинамъ и лимонамъ и разцвѣтать съ миртомъ и розой.

Видъ городовъ и селъ, разбросанныхъ въ дикихъ ущельяхъ этихъ горъ между скалами, подобно орлинымъ гнѣздамъ, и окруженныхъ маврскими зубчатыми стѣнами, переноситъ воображеніе ко днямъ рыцарства, битвъ христіанъ съ мусульманами и покоренія Гренады. Проѣзжая высокія сіерры, путникъ часто бываетъ вынужденъ сойти съ лошади и вести ее подъ уздцы, то внизъ, то вверхъ по крутымъ и зазубреннымъ тропинкамъ, походящимъ на сломанныя ступеньки лѣстницы. Иногда дорога извивается надъ бездонными пропастями, безъ перилъ, ограждающихъ отъ паденія, и вдругъ спускается внизъ по темнымъ страшнымъ извилинамъ; не то тянется она черезъ овраги, изрытые зимними потоками; между тѣмъ тамъ и сямъ зловѣщій крестъ, памятникъ разбоя и убійства, воздвигнутый на грудѣ

камней, въ самомъ безлюдномъ мѣстѣ дороги, возвѣщаетъ путнику, что тутъ водятся бандиты, что въ эту самую минуту его можетъ быть подстерегаетъ глазъ бандолеро. Иногда — въ извилинахъ узкихъ ущелій, онъ вздрагиваетъ, неожиданно пораженный грубымъ звукомъ множества бубенчиковъ, и видитъ надъ собою, на вершинѣ горы покрытой зеленью, стадо свирѣпыхъ андалузскихъ быковъ, назначаемыхъ для арены. Невольное чувство ужаса пробуждается при видѣ этихъ страшныхъ животныхъ, одаренныхъ необузданной силой и въ первобытной дикости своей почти незнакомыхъ съ образомъ человѣка, кромѣ одинокаго пастуха, стерегущаго ихъ; да и тотъ не всегда дерзаетъ приближаться къ нимъ. Звукъ бубенчиковъ этихъ быковъ и грозный видъ, съ которымъ они смотрятъ на васъ съ вершины своихъ скалъ, еще усиливаютъ дикость сцены.

Среди подобной мѣстности пробирался я весной 183.. года изъ Севильи въ Гренаду, чтобы посѣтить знаменитый дворецъ маврскихъ царей — Альгамбру. Вмѣстѣ со мной ѣхалъ одинъ пріятель, членъ русскаго посольства въ Мадритѣ.

1-го мая выѣхали мы изъ Севильи, сдѣлавъ впередъ всѣ приготовленія къ путешествію въ гористой странѣ, гдѣ дороги едва ли лучше тропинокъ, протоптанныхъ мулами, и гдѣ путешественники часто бываютъ подвержены нападенію разбойниковъ. Цѣнная часть нашего багажа была отправлена впередъ съ арріеросами; мы оставили съ собою только платье и необходимыя дорожныя принадлежности, а денегъ ровно столько, сколько требовалось для путевыхъ из-

держекъ и для удовлетворенія разбойниковъ, въ случаѣ нападенія послѣднихъ, чтобъ не пришлось подвергнуться грубому обращенію, ожидающему черезъ чуръ осторожнаго путешественника съ пустымъ карманомъ. Пара крѣпкихъ лошадей была нанята для насъ, а третья для нашей скудной клажи и здороваго Бискайца, который вызвался быть нашимъ провожатымъ сквозь запутанные лабиринты горныхъ дорогъ, заботиться о нашихъ лошадяхъ, иногда замѣнять намъ слугу, и во всякомъ случаѣ быть нашимъ стражемъ. Онъ вооружился огромнымъ *трабукко* или карабиномъ, приготовляясь защищать насъ отъ нападеній *ратеросъ* или одинокихъ бродягъ, но не смотря на хвастовство, съ которымъ онъ выставлялъ свое оружіе, я долженъ сказать, не къ его чести, что оно постоянно висѣло незаряженное за его сѣдломъ. Нашъ провожатый былъ однако вѣрный, веселый, добрый малый, лѣтъ двадцати, съ большимъ запасомъ прибаутокъ и пословицъ, напоминающій собою знаменитаго слугу Донъ-Кихота Санхо, имя котораго мы дали ему. Прибавлю, что хотя мы обращались съ нимъ съ пріятельской короткостью, онъ, какъ чистый испанецъ, никогда не переступалъ границъ почтительности.

Нашъ первый ночлегъ былъ очень оригиналенъ: мы пріѣхали, по захожденіи солнца, въ маленькой городокъ, расположенный между горъ, послѣ утомительнаго пути по широкой, необитаемой равнинѣ, гдѣ насъ нѣсколько разъ насквозь промочило ливнемъ. Въ трактирѣ застали мы партію солдатъ, которые обхо-

дили патрулемъ всю страну, розъискивая разбойниковъ. Появленіе иностранцевъ было необычайнымъ событіемъ въ отдаленномъ городкѣ, и хозяинъ нашъ, съ помощію двухъ или трехъ болтливыхъ товарищей въ темныхъ плащахъ, медленно изучалъ наши паспорты въ одномъ углу посады (трактиръ), пока *алгвазилъ* (полицейскій) записывалъ ихъ при тускломъ свѣтѣ лампы; паспорты эти, писанные на иностранныхъ языкахъ, ввели ихъ въ сильное замѣшательство, но пресловутый нашъ Санхо скоро вывелъ ихъ изъ затрудненія, возвѣстивъ, со всѣмъ велерѣчіемъ Испанца, что мы были высшаго разряда особы. Между тѣмъ мы не замедлили привлечь къ себѣ сердца щедрою раздачею нѣсколькихъ сигаръ присутствующимъ, и все общество одушевилось единодушнымъ желаніемъ угостить насъ. Самъ *корреxидоръ* удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ, и большое тростниковое кресло торжественно внесено было въ нашу комнату, хозяйкой трактира, для успокоенія важнаго городского чиновника; начальникъ патруля раздѣлялъ съ нами ужинъ: онъ былъ живой, говорливый, смѣющійся Андалузецъ, участвовалъ въ войнѣ Испаніи съ отложившимися колоніями южной Америки и повѣствовалъ о своихъ подвигахъ на войнѣ высокопарными фразами, сопровождая ихъ забавною жестикуляціею, и таинственнымъ миганіемъ глазъ. Разсказывая намъ, что у него есть списокъ разбойниковъ, разсѣянныхъ во всемъ околодкѣ, онъ хвалился, что съумѣетъ пронюхать нору «каждаго такого собачьяго сына», и предлагалъ намъ конвой изъ своихъ солдатъ: «Одного изъ

нихъ достаточно для вашей безопасности, сеньоры, говорилъ онъ: — разбойники знаютъ меня и моихъ молодцовъ, любой изъ моей команды наведетъ ужасъ на всю сіерру...» Мы поблагодарили за предложеніе, но увѣряли, въ его же духѣ, что, подъ защитою нашего грознаго Санхо, мы не страшимся никакихъ разбойниковъ.

Во время ужина мы услышали звуки гитары, стукъ кастаньетъ, и наконецъ хоръ голосовъ, поющихъ народные напѣвы. Хозяинъ нашъ собралъ любителей пѣвцовъ и музыкантовъ, пригласилъ сосѣднихъ поселянокъ и когда мы вышли на дворъ посады, нашимъ взорамъ представилась сцена народнаго испанскаго праздника. Мы усѣлись съ хозяиномъ, хозяйкою и командиромъ патруля подъ навѣсомъ; гитара переходила изъ рукъ въ руки, но главнымъ пѣвцомъ былъ веселый башмачникъ, красивый мужчина, съ густыми, черными бакенбардами и засученными по локоть рукавами; онъ мастерски игралъ на гитарѣ, распѣвая веселыя пѣсни, и въ заключеніе, протанцовалъ, къ великому удовольствію зрителей, фанданго, съ гибкой андалузянкой.

Мы приказали хозяину въ волю угостить виномъ и дессертомъ все общество, но несмотря на довольно многочисленное собраніе погонщиковъ муловъ, солдатъ и крестьянъ, ни одинъ изъ нихъ не перешелъ за предѣлы умѣренности.

Не буду разсказывать всѣ разнообразныя приключенія нашего нѣсколько-дневнаго скитанія по холмамъ и долам, по болотамъ и горамъ; мы странствовали

какъ настоящіе контрабандисты, наслаждаясь всѣмъ, что намъ попадалось хорошаго на пути, охотно примиряясь съ неудобствами, смѣшиваясь въ кочевомъ товариществѣ со всѣми классами и состояніями народа. Таковъ настоящій способъ путешествія въ Испаніи. Зная скудные запасы трактировъ и бѣдность страны, мы заботились по дорогѣ, чтобъ *алфорха* или сѣдельныя сумки нашего бискайца были снабжены хорошимъ запасомъ холодной провизіи, и его *бота*, или кожаная фляга, была наполнена виномъ.

Какъ роскошно обѣдывали мы на зеленомъ дернѣ, при журчащемъ ручьѣ или ключѣ, подъ тѣнистыми деревьями! и потомъ какъ сладко засыпали мы на плащахъ, раскинутыхъ на душистой травѣ...

Однажды, въ полдень, мы расположились обѣдать такимъ образомъ на зеленой лужайкѣ, окруженной холмами, покрытыми оливковыми деревьями; плащи наши были разостланы подъ вязомъ, близъ прозрачнаго ручья, лошади спутаны и пущены на хорошую паству, и Санхо съ торжествующимъ видомъ раскрылъ алфорха. Санхо началъ вынимать одинъ за другимъ разнообразные запасы; сначала появилась жареная лопатка козленка, нѣсколько потерпѣвшая отъ дороги, цѣлая куропатка, потомъ большой кусокъ соленой трески, завернутый въ бумагу, остатокъ ветчины, нѣсколько ломтей хлѣба и наконецъ апельсины, фиги, виноградъ и грецкіе орѣхи. Бота его была наполнена отличной малагой.

Наслаждаясь нашимъ шумнымъ удивленіемъ при каждомъ новомъ появленіи его запасовъ, онъ бросался

на траву, разражаясь громкимъ смѣхомъ. Ничто не могло доставить болѣе удовольствія простодушному слугѣ, какъ сравненіе его прозорливости по части съѣстного съ подобной предусмотрительностью знаменитаго слуги Донъ-Кихота. Онъ былъ хорошо знакомъ съ исторіей почтеннаго рыцаря, и подобно большей части простолюдиновъ въ Испаніи, былъ твердо увѣренъ, что это истинное происшествіе.

«Однако, должно быть, давно ужь это случилось сеньоры?» сказалъ онъ однажды съ вопрошающимъ взглядомъ.

«Да, давно,» отвѣчали мы.

«Смѣю сказать, поболѣе тысячи лѣтъ,» продолжалъ онъ нерѣшительно.

«Не менѣе, думаю.»

Бискаецъ остался доволенъ.

Между тѣмъ, какъ мы обѣдали, къ намъ приблизился одинокій нищій, похожій на пильгрима. Очевидно, онъ былъ очень старъ: длинная сѣдая борода придавала ему почтенный видъ; онъ опирался на посохъ, его годы не сгорбили его; высокій и прямой станъ еще хранилъ слѣды прежней красоты, одежда его, хотя изношенная и въ заплатахъ, была прилична: она состояла изъ андалузской круглой шляпы, камзола изъ овчинъ, кожаныхъ шараваръ, стиблетовъ и сандалій; онъ заговорилъ съ нами съ важной вѣжливостью, замѣчательной въ нисшихъ классахъ Испанцевъ; мы предложили ему нѣсколько серебряныхъ монетъ, крупитчатый хлѣбъ и стаканъ малаги. Бѣднякъ принялъ наше подаяніе съ признательностію, но безъ унизительныхъ

благодарственныхъ выраженій. Отвѣдавъ вина, онъ его поднялъ на свѣтъ, съ признакомъ легкаго удивленія въ глазахъ, потомъ выпилъ залпомъ. «Уже много лѣтъ, сказалъ онъ, не удавалось мнѣ пить такого отличнаго вина;» потомъ, взглянувъ на прекрасный бѣлый хлѣбъ, онъ проговорилъ: «будь благословенъ такой хлѣбъ!» и положилъ его въ котомку. Мы уговаривали его съѣсть его сейчасъ же.

«Нѣтъ, сеньоры, отвѣчалъ онъ, вино мнѣ оставалось только выпить или отказаться отъ него, а хлѣбъ я долженъ раздѣлить съ семьей!» Угадавъ наше согласіе, по взгляду нашему, Санхо отдалъ старику остатки нашего обѣда, съ условіемъ, чтобъ онъ пообѣдалъ въ нашемъ присутствіи.

Онъ усѣлся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, и началъ ѣсть тихо, съ умѣренностію, приличною гидальго. Спокойное самосознаніе и полное достоинства обращеніе старика и его пріятная рѣчь навели меня на мысль, что онъ видѣлъ нѣкогда лучшіе дни; я принялъ его за разорившагося кабалеро и—ошибся: то была врожденная вѣжливость испанца; изящный оборотъ мысли и слога часто встрѣчается между нисшими классами этого умнаго народа. Онъ разсказалъ намъ, что въ теченіи пятидесяти лѣтъ былъ пастухомъ, но теперь лишенъ должности и средствъ для пропитанія. «Когда я былъ молодъ, говорилъ онъ, ничто не могло разстроить или огорчить меня, я былъ всегда здоровъ и веселъ, но теперь мнѣ семьдесятъ девять лѣтъ, я вынужденъ просить милостыни и начинаю упадать духомъ!»

Но онъ не привыкъ еще къ своему положенію, недавно только нужда довела его до этого униженія и бѣднякъ трогательно описывалъ борьбу гордости съ голодомъ, когда безнадежная крайность въ первый разъ постигла его. Онъ возвращался изъ Малаги безъ денегъ и уже не ѣлъ ничего нѣсколько времени, когда ему довелось проходить одну изъ большихъ и малообитаемыхъ равнинъ. Почти умирая отъ голода, онъ постучался въ дверь *венты* или сельскаго трактира. «Извини, братъ, во имя Божіе» отвѣчали ему; такъ обыкновенно говорятъ нищему въ Испаніи, когда отказываютъ ему. «Я отошелъ со стыдомъ, превозмогавшимъ голодъ, говорилъ старикъ, сердце мое еще было слишкомъ гордо! вотъ подошелъ я къ рѣкѣ, съ крутыми берегами и глубокимъ, быстрымъ потокомъ, и почувствовалъ сильное искушеніе броситься въ нее. Зачѣмъ же нужна жизнь безпомощному, недостойному старику? Но въ ту минуту, какъ я уже стоялъ у потока, подумалъ о Пресвятой Дѣвѣ — и удержался. Пошелъ я впередъ, и увидѣвъ сельскій домъ, не въ далекѣ отъ дороги, пробрался на дворъ черезъ заднія ворота. Дверь была затворена, но двѣ молодыхъ сеньоры сидѣли у окошка, я подошелъ къ нимъ просить милостыни. «Извини, братъ, во имя Божіе!» отвѣчали мнѣ и окно затворилось. Я почти выползъ изъ двора, но голодъ преодолѣлъ меня, сердце заныло, я подумалъ, что пришелъ уже послѣдній часъ мой, поручилъ себя Пресвятой Дѣвѣ и закрылъ голову, чтобъ умереть. Вскорѣ послѣ того, хозяинъ этого дома, возвращаясь домой, увидѣлъ меня лежащаго у воротъ, онъ рас-

крылъ мнѣ голову, пожалѣлъ моихъ сѣдыхъ волосъ, взялъ меня въ домъ и накормилъ. Видите ли, сеньоры, всегда надо полагать надежду на предстательство Богородицы!..»

Старикъ шелъ на свою родину *Арчидона*, виднѣвшуюся вблизи, на вершинѣ крутой и изрытой горы. Указывая намъ на развалины древняго маврскаго замка, онъ сказалъ: «Замокъ этотъ былъ обитаемъ маврскимъ царемъ, во время гренадской войны; королева Изабелла осаждала его съ большимъ войскомъ, но царь смотрѣлъ внизъ изъ своего замка, какъ изъ за облаковъ, и презрительно насмѣхался надъ ней. Вдругъ, Пресвятая Дѣва явилась королевѣ и провела ее и войско тайнымъ путемъ въ горахъ, который до тѣхъ поръ былъ никому невѣдомъ. Когда Мавръ увидѣлъ ее приближеніе, онъ удивился, хотѣлъ перескочить черезъ пропасть на своемъ конѣ, и убился досмерти. Слѣды подковъ его лошади видны еще до сихъ поръ на краю утеса. А вотъ видите, сеньоры, вонъ ту дорогу, по которой взбиралась королева съ своимъ войскомъ? Она вьется, какъ лента, съ боку горы, но чудо въ томъ, что видна-то она только издалека, а подойдите къ ней ближе, она исчезаетъ!»

Заколдованная дорога, на которую онъ намъ указывалъ, была несомнѣнно не что иное, какъ песчаный оврагъ на горѣ: въ извѣстномъ разстояніи онъ казался узкимъ, но становился все шире и сглаживался по мѣрѣ приближенія.

Старикъ поразогрѣлся виномъ и вкуснымъ обѣдомъ и разсказалъ о сокровищѣ, зарытомъ подъ замкомъ

маврскаго короля. Его собственное жилище стояло близъ зданій, принадлежащихъ къ замку; священникъ и нотаріусъ три раза видѣли во снѣ кладъ, и — ну работать на томъ мѣстѣ, которое было имъ указано во снѣ! Его собственный зять слышалъ по ночамъ стукъ ихъ заступовъ и лопатъ. Что они нашли, никто не знаетъ, извѣстно только, что они вдругъ разбогатѣли, но сохранили свою тайну. Этимъ разсказомъ старикъ какъ будто намекалъ, что самъ могъ сдѣлаться богатымъ, но что сокровище ушло у него между пальцевъ.

Я замѣтилъ, что исторіи о кладахъ, зарытыхъ Маврами, которыя разсказываются во всей Испаніи, болѣе всего въ ходу у самаго бѣднаго народа. Видно, воображеніе часто замѣняетъ призраками недостатокъ дѣйствительности.

Изъ дальнѣйшаго нашего странствованія мнѣ памятна вечерняя остановка въ маленькомъ городкѣ *Лоха*, бывшимъ знаменитымъ, военнымъ пограничнымъ постомъ во времена Мавровъ, и съ успѣхомъ отразившимъ Фердинанда католика отъ стѣнъ своихъ. Этотъ городокъ былъ укрѣпленъ старымъ Али Атаромъ, тестемъ послѣдняго гренадскаго короля Боабдила, во время несчастной вылазки, которая была сдѣлана неустрашимымъ ветераномъ и зятемъ его — и кончилась смертью военачальника невѣрныхъ и плѣномъ ихъ государя.

Мѣстоположеніе Лохи дико и уединенно; городокъ стоитъ въ изрытомъ горномъ ущельи, окруженномъ рощами, скалами, лугами и садами. Жители его до сихъ поръ, кажется, удержали отважный, пламенный

духъ предковъ своихъ. Трактиръ соотвѣтствовалъ мѣстности; его содержала молодая и красивая вдова андалузянка, съ помощью брата. Оба они, почти одинаковыхъ лѣтъ, представляли собою превосходные типы андалузскихъ *махо* и *маха* (щеголя и щеголихи). Онъ былъ высокъ ростомъ крѣпокъ и хорошо сложенъ, имѣлъ цвѣтъ лица свѣтло-оливковый, блестяшіе темные глаза, и вьющіеся, каштановые бакенбарды, которые сходились вмѣстѣ подъ бородою. Красивый нарядъ его состоялъ изъ зеленаго, бархатнаго камзола въ обтяжку, украшеннаго множествомъ серебряныхъ пуговицъ, съ бѣлымъ носовымъ платкомъ, торчащимъ изъ каждаго кармана, и шараваръ изъ той же матеріи, съ рядомъ пуговицъ, которыя спускались до колѣнъ; розовый шелковый платокъ, повязанный кругомъ шеи, былъ продѣтъ въ кольцо, а концы его висѣли на груди старательно выглаженной рубашки; одинаковый съ платкомъ поясъ стягивалъ станъ, красивые штиблеты, изъ хорошаго красноватаго козла, и такіе же башмаки обували стройную ногу.

Онъ стоялъ у дверей, когда съ нимъ вступилъ шопотомъ въ одушевленный разговоръ подъѣхавшій къ нему, почти также щегольски одѣтый, всадникъ, мужчина лѣтъ тридцати, съ рѣзкими чертами лица, открытымъ, смѣлымъ и нѣсколько дерзкимъ взглядомъ, красивой наружности, хотя лицо его хранило слѣды оспы. Его могучій, вороной конь увѣшанъ былъ шелковыми кистями и разными фантастическими украшеніями; пара мушкетовъ крупнаго калибра висѣла у него за сѣдломъ. Онъ очень походилъ на однаго изъ

контрабандистовъ, встрѣченныхъ мною въ горахъ Ларонды. Самый трактиръ походилъ на убѣжище контрабандистовъ: въ немъ ружье висѣло въ одномъ углу съ гитарой. Всадникъ провелъ вечеръ въ посадѣ и пѣлъ съ большимъ выраженіемъ удалые горные романсы. Во время нашего ужина пришли два бѣдные астурійца, въ самомъ жалкомъ положеніи. На нихъ напали разбойники, когда они, возвращаясь съ ярмарки, пробирались по горамъ, отняли у нихъ лошадь, все имущество, бывшія при нихъ деньги, большую часть одежды, словомъ, ограбили до-чиста, да еще въ добавокъ побили за сопротивленіе и оставили почти нагими на дорогѣ.

Въ теченіи вечера, трактиръ мало по малу наполнился посѣтителями. Высокій мужчина лѣтъ около 60, съ замѣчательно атлетическими формами, прибрелъ поболтать съ хозяйкой. Одѣтъ онъ былъ въ парадное андалузское платье, но огромная сабля висѣла у него за поясомъ, онъ носилъ большіе усы и имѣлъ видъ нѣсколько надменный и воинственный. Всѣ обращались съ нимъ съ уваженіемъ, нашъ Санхо шепнулъ намъ, что то былъ донъ Вентюра Родригецъ, герой и боецъ Лохи, знаменитый храбростію и силою мышцъ. Во время нашествія Французовъ при Наполеонѣ, онъ настигъ шесть спящихъ кавалеристовъ, сначала овладѣлъ ихъ лошадьми, потомъ напалъ на нихъ самихъ съ саблею, иныхъ убилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ. За этотъ подвигъ король назначилъ ему пенсію и возвеличилъ его титуломъ *дона*.

Меня очень забавляли его высокопарныя рѣчи;

видно было, что онъ истый андалузецъ — хвастливый и храбрый. Сабля постоянно была у него въ рукѣ или за поясомъ. Онъ носится съ ней цѣлый день, какъ дитя съ куклой, и увѣряетъ, что всякій разъ, какъ онъ вынимаетъ ее, земля трясется. Я сидѣлъ до поздней ночи, прислушиваясь къ говору пестрой толпы, веселившейся въ открытой посадѣ. Тутъ раздавались и пѣсни контрабандистовъ, и исторіи о разбойникахъ, партизанской войнѣ и подвигахъ съ Французами, и маврскія легенды. Наша хозяйка описала темные пещеры близъ Лохи, въ которыхъ подземные источники и водопады издаютъ таинственный звукъ. Въ простонародьи ходитъ повѣрье, что тамъ заперты монетчики со временъ Мавровъ, и что маврскіе цари берегутъ свои сокровища въ этихъ пещерахъ.

Наконецъ мы миновали горы и вступили въ прекрасную долину Гренады. Тутъ въ послѣдній разъ мы пообѣдали въ оливковой рощѣ, у берега маленькой рѣчки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ древней столицы мавровъ, украшаемой красивыми башнями Альгамбры, представляющими счастливый контрастъ съ возвышающимися надъ ними, блестящими какъ серебро, снѣжными вершинами Сіерры Невады. День былъ безоблачный и зной солнца умѣрялся прохладнымъ дуновеніемъ горняго воздуха

Пообѣдавъ, мы разостлали наши плащи на травѣ и послѣднюю нашу сіессту убаюкивало жужжаніе пчелъ между цвѣтами, и воркованіе дикихъ голубей въ сосѣднихъ оливковыхъ деревьяхъ. Когда прошелъ дневной жаръ, мы отправились въ путь между огра-

дами изъ алоэ и индѣйскихъ фигъ и заросшими садами; на закатѣ солнца, мы прибыли къ воротамъ Гренады.

Для путешественника, способнаго цѣнить красоту историческихъ и поэтическихъ воспоминаній, Альгамбра — предметъ столь же достойный благоговѣнія, какъ Кааба, священный домъ Мекки, для правовѣрныхъ мусульманскихъ странниковъ. Сколько легендъ и преданій истинныхъ и вымышленныхъ, сколько пѣсенъ и романсовъ испанскихъ и арабскихъ, о войнѣ и рыцарствѣ, соединены съ этимъ зданіемъ! Читатель можетъ судить о нашемъ восторгѣ, когда, вскорѣ послѣ нашего прибытія, мы получили отъ губернатора Альгамбры позволеніе занять свободные аппартаменты мавръскаго дворца!! Товарищъ мой скоро былъ вызванъ обязанностями службы, но я, какъ очарованный, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ древнемъ замкѣ.

II. ВЛАДѢТЕЛИ АЛЬГАМБРЫ.

Альгамбра есть древняя крѣпость или укрѣпленный замокъ царей гренадскихъ Мавровъ, тѣхъ самыхъ мусульманъ, которые послѣдніе отстаивали свою независимость въ Испаніи. Дворецъ занимаетъ часть крѣпости, которой стѣны съ башнями стоятъ на вершинѣ высокаго холма, возвышающагося надъ городомъ; онъ составляетъ часть Сіерры-Невады или снѣжныхъ горъ.

Во времена Мавровъ крѣпость могла содержать въ своихъ стѣнахъ войско въ 40,000 человѣкъ, и тогда служила сильною защитою государямъ противъ возмутившихся подданныхъ. По завоеваніи гренадскаго царства христіанами, Альгамбра была въ разныя эпохи жилищемъ испанскихъ королей. Въ послѣдній разъ, въ началѣ XVIII столѣтія, служила она резиденціею Филиппу V и его супругѣ Елизаветѣ Пармской. Большія приготовленія сдѣланы были къ принятію ихъ. Дворецъ и сады были за-ново отдѣланы, одна часть зданія была вновь выстроена и росписана художниками, приглашенными изъ Италіи; однако пребываніе государей было непродолжительно и, по отъѣздѣ ихъ, дворецъ опять преданъ запустѣнію. Но крѣпость все поддерживалась въ военномъ порядкѣ: въ ней содержался значительный гарнизонъ; передній фасадъ мавр-скаго дворца былъ занимаемъ губернаторомъ, котораго назначалъ непосредственно самъ король; судебная власть его распространялась на предмѣстія города и была независима отъ генералъ-капитана Гренады. Сама крѣпость представляла собою маленькій городокъ съ нѣсколькими улицами и домами, монастыремъ францисканцевъ и приходскою церковью.

Отсутствіе королевскаго двора было однако роковымъ ударомъ для Альгамбры. Прекрасныя залы ея опустѣли, нѣкоторыя даже разрушились; сады заросли, фонтаны перестали бить.

Мало по малу зданія ея наполнились всякимъ сбродомъ: контрабандистами, пользовавшимися независимостію ея судебной власти для занятія кон-

трабандою въ широкихъ размѣрахъ; ворами и мошенниками, которые, найдя убѣжище въ стѣнахъ ея, безнаказанно могли грабить въ Гренадѣ и ея околодкѣ. Наконецъ правительство позаботилось объ изгнаніи этой шайки и дозволило жить въ крѣпости только людямъ извѣстной честности и имѣвшимъ законное право на жительство; большая часть домовъ уничтожена, осталось только нѣсколько хижинъ, да французскій монастырь. Во время послѣднихъ смутъ Испаніи, когда Гренада была въ рукахъ французовъ, въ Аьлгамбрѣ стоялъ французскій гарнизонъ и дворецъ случайно сдѣлался жилищемъ ихъ генерала. Въ это время крыши дворца были починены, залы и галереи укрыты отъ вліянія непогоды, сады вновь обработаны, водяные проводы возобновлены и фонтаны починены; Испанія можетъ поблагодарить своихъ враговъ за сохраненіе ей лучшаго ея историческаго памятника. Но Французы, оставляя крѣпость, уничтожили нѣсколько башенъ наружной стѣны и сдѣлали укрѣпленія едва годными къ защитѣ. Съ тѣхъ поръ рушилась военная важность крѣпости. Гарнизонъ состоитъ изъ сотни инвалидовъ, которые обязаны охранять нѣсколько наружныхъ башенъ, служащихъ иногда государственною темницей.

III. ВНУТРЕННОСТЬ АЛЬГАМБРЫ.

На слѣдующее утро послѣ прибытія въ Гренаду, мы отправились въ Альгамбру. Оставивъ нашу посаду Ла Еспада, мы прошли знаменитую площадь *Вивар-рамблы*, на которой нѣкогда происходили турниры и ристалища Мавровъ, и которая теперь служитъ мѣстомъ многолюднаго рынка. Оттуда путь нашъ лежалъ вдоль *Цикатино*, бывшею, во время Мавровъ, главною улицею Большого Базара. Маленькія лавки и узкіе переулки, ея пересѣкающіе, до сихъ поръ удержали восточный характеръ. Перейдя открытое мѣсто противъ дома генералъ-капитана, мы вступили въ глухую и извилистую улицу, имя которой напомнило намъ рыцарскіе дни Гренады: она называется *Cale*, или улица *Гомеровъ*, по имени маврской фамиліи, знаменитой въ хроникахъ и пѣсняхъ. Эта улица ведетъ къ массивнымъ воротамъ греческой архитектуры, выстроеннымъ Карломъ V и служащимъ входомъ въ предѣлы Алгамбры.

У воротъ два или три оборванныхъ и дряхлыхъ инвалида дремали, сидя на каменной скамьѣ; высокій, худощавый парень, котораго рыжевато-коричневый плащъ очевидно назначенъ былъ для прикрытія худыхъ исподнихъ, лѣниво потягивался на солнышкѣ и болталъ съ дряхлымъ часовымъ. Онъ приблизился къ намъ, какъ только мы вошли въ ворота, и предложилъ свои услуги быть нашимъ путеводителемъ по крѣпости.

Я недовѣрчиво посмотрѣлъ на услужливаго чичероне и спросилъ его: «Надѣюсь, вы хорошо знакомы съ мѣстностью?»

«Никто лучше меня не можетъ знать ее, сударь, *я сынъ Альгамбры!*» отвѣчалъ парень.

Простой народъ въ Испаніи нерѣдко выражается очень поэтически. «*Сынъ Альгамбры!*» Это названіе меня привлекло сейчасъ же; даже нищенская одежда моего новаго знакомца получила достоинство въ моихъ глазахъ. Она показалась мнѣ очень кстати среди историческихъ развалинъ этого зданія. Я сдѣлалъ молодцу еще нѣсколько вопросовъ и нашелъ, что онъ законно заслуживалъ свое прозвище. Его предки жили въ крѣпости съ самаго завоеванія ея Испанцами. Имя его было Матео-Ксименесъ.

«Вы, можетъ быть, потомокъ кардинала Ксименеса?» — Богъ знаетъ, сеньоръ! Можетъ быть и такъ! Мы самая древняя фамилія въ Альгамбрѣ, старые, чистые христіане, между моими предками нѣтъ ни Мавровъ, ни Жидовъ. Я знаю, что мы происходимъ отъ какой-то знатной фамиліи, но отъ какой именно—не помню. Вотъ мой отецъ знаетъ это лучше меня; какой-то гербъ виситъ у него въ хижинѣ, вонъ что вверху крѣпости.

Нѣтъ ни однаго Испанца, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ, безъ притязанія на знатное происхожденіе. Но первый титулъ моего оборваннаго вельможи прельстилъ меня, и я охотно принялъ услуги «сына Альгамбры».

Мы очутились въ глубокомъ, узкомъ оврагѣ, который поросъ прекрасными деревьями; межь нихъ

извивались разнообразныя тропинки. Съ лѣвой стороны мы увидали башни Альгамбры, висящія надъ нами, съ правой, на противуположной сторонѣ оврага, другія башни возвышались на утесѣ. Онѣ называются, какъ намъ сказали, пурпуровыми башнями, по своему красноватому цвѣту. Никто не знаетъ происхожденія ихъ, но достовѣрно, что онѣ гораздо древнѣе альгамбрскихъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что онѣ были выстроены Римлянами, другіе — странствующей колоніей Финикіянъ.

Крутая и тѣнистая аллея привела насъ къ исполинской четырехугольной Маврской башнѣ, составляющей родъ каланчи, черезъ которую главный ходъ ведетъ въ крѣпость. У каланчи мы встрѣтили другую группу инвалидныхъ ветерановъ. Одинъ изъ нихъ стоялъ на часахъ у портала, а другіе спали, завернувшись въ разодранные плащи свои, на каменныхъ скамьяхъ. Порталъ этотъ носитъ названіе *двери правосудія*, отъ того, что здѣсь, по обычаю мусульманъ, находился трибуналъ для немедленнаго разбора и суда мелкихъ жалобъ. Большія сѣни или портикъ этихъ воротъ состоятъ изъ огромной арабской арки, похожей на лошадиную подкову и вышиной своей достигающей до половины башни. Въ сводѣ этой арки мы увидѣли изображеніе огромной руки, а во внутренности предверія — изображеніе огромнаго ключа. Ученые утверждаютъ, что рука есть эмблема мусульманскаго ученія, *закона*, а ключъ эмблема *вѣры*, подобно тому, какъ крестъ есть эмблема вѣры христіанской. Но сынъ Альгамбры далъ намъ другое объявленіе, порожденное фантазіей народа, придающаго таинственность и сверхъ-

естественную волшебную силу каждой вещи, касающейся Мавровъ и имѣющаго особыя суевѣрныя преданія о древней мусульманской крѣпости. По словамъ Матео, есть преданіе, переходящее издревле изъ рода въ родъ, и онъ его слышалъ отъ отца и дѣда,—что рука и ключъ суть магическіе девизы, знаки, отъ которыхъ зависитъ судьба Альгамбры.

Маврскій король, воздвигнувшій это зданіе, былъ великій чародѣй, или, какъ говорятъ иные, продалъ душу свою дьяволу и отдалъ всю крѣпость подъ власть волшебныхъ чаръ. Потому-то она и простояла нѣсколько столѣтій, на зло бурямъ и землетрясеніямъ, тогда какъ почти всѣ другія зданія Мавровъ разрушились и исчезли. Чары эти будутъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока рука наружной арки не протянется и не схватитъ ключъ; тогда все зданіе разрушится и всѣ сокровища, зарытыя подъ нимъ Маврами, откроются и выдутъ на свѣтъ Божій.

Пройдя черезъ каланчу, узкимъ переулкомъ, извивающимся между стѣнъ, мы вышли на открытую эспланаду, называемую мѣстомъ *Цитерны* (водоема) отъ большихъ водопроводовъ, вырытыхъ Маврами подъ нею въ скалѣ для продовольствія крѣпости. Здѣсь также есть колодезь чрезвычайной глубины, снабжающій жителей самою чистою и холодною водою, и служащій памятникомъ утонченнаго вкуса Мавровъ, неутомимыхъ въ трудѣ, когда дѣло шло о добываніи чистой воды. Прямо противъ этой эспланады стоитъ великолѣпное зданіе, начатое Карломъ V, который, какъ говорятъ, имѣлъ намѣреніе затмить резиденцію мусуль-

манскихъ монарховъ. Несмотря на все величіе и архитектурное достоинство этого зданія, оно показалось намъ, словно надменной выскочкой въ такомъ сосѣдствѣ, и миновавъ его, мы вступили въ простой, незатѣйливый порталъ, ведущій во внутренность дворца Мавровъ.

Мы очутились на большомъ дворѣ, вымощенномъ бѣлымъ мраморомъ и украшенномъ по угламъ легкимъ маврскимъ перистилемъ (галлереей съ столбами); онъ называется дворомъ *Алберка*. Въ срединѣ его находится огромный бассейнъ или сажалка, въ 130 футовъ длины и 30 футовъ ширины, наполненная золотыми рыбками и обсаженная розами. Въ верхнемъ концѣ этого двора возвышается *Комáрова* башня.

Съ низшаго конца мы прошли черезъ маврскую арку на знаменитый *Львиный Дворъ*. Ни одна часть зданія не можетъ дать болѣе полной идеи о первобытной красотѣ и великолѣпіи цѣлаго, какъ Львикый Дворъ, потому что онъ весьма мало пострадалъ отъ разрушительнаго дѣйствія времени. Въ срединѣ его сохранился фонтанъ, прославленный въ пѣсняхъ и повѣстяхъ. Алебастровые бассейны до сихъ поръ еще льютъ алмазные брызги свои. Дворъ весь испещренъ цвѣточными грядами и окруженъ легкими арабскими сводами, прозрачной филагранной работы, поддерживаемыми стройными колонами изъ бѣлаго мрамора. Архитектура здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ дворца, отличается болѣе изяществомъ, нежели величіемъ; она обличаетъ утонченный вкусъ Мавровъ.

Разсматривая прозрачную и, повидимому, непроч-

ную рѣзьбу на стѣнахъ, съ трудомъ вѣришь, что такое чудо искусства могло пережить и разрушительную силу вѣковъ, и удары землетрясенія, неистовство и ярость войны, и тайныя, хотя не менѣе пагубныя, похищенія любителей–путешественниковъ...

На одной сторонѣ двора богато отдѣланный порталъ ведетъ въ высокую залу, вымощенную бѣлымъ мраморомъ и называемую *Залою двухъ сестеръ*. Куполъ пропускаетъ сверху умѣренный свѣтъ и посредствомъ его поддерживается свободное обращеніе воздуха. Нижняя часть стѣнъ выложена маврскими черепицами; на нѣкоторыхъ изъ нихъ высѣченъ щитъ герба маврскихъ монарховъ. Верхняя часть стѣнъ покрыта прекрасными украшеніями, напоминающими кружева или тонкую рѣзную работу; среди этихъ арабесокъ видны арабскія надписи, тексты изъ корана. Эти украшенія стѣнъ и куполовъ богато вызолочены, а промежутки между ними выкрашены голубою и другими блестящими и прочными красками. На каждой сторонѣ залы есть углубленія для отоманокъ и диванов. Надъ внутреннимъ портикомъ балконъ, имѣющій сообщеніе съ женскими покоями.

На противуположной сторонѣ Львинаго Двора находится зала *Абенсерраговъ*, названная по имени храбрыхъ воиновъ изъ этой знаменитой фамиліи, здѣсь предательски убитыхъ. Хотя подлинность этого разсказа весьма сомнительна, но нашъ скромный проводникъ Матео указывалъ даже калитку въ порталѣ, черезъ которую Абенсерраги были введены одинъ за другимъ, и бѣлый мраморный фонтанъ посреди залы,

у котораго они были обезглавлены. Онъ показывалъ даже большія красноватыя пятна, слѣды ихъ крови, на полу, которыя, по народному повѣрью, никогда не могутъ быть смыты. Онъ прибавилъ даже, что часто ночью на Львиномъ Дворѣ слышны бываютъ тихіе, неясные звуки, похожіе на говоръ толпы, а время отъ времени какъ бы въ далекѣ, слышится бряцаніе цѣпей. Эти звуки происходятъ, конечно, отъ журчанія потоковъ и шумнаго паденія воды, проведенной подъ поломъ черезъ трубы и каналы для наполненія фонтановъ, но по словамъ Сына Альгамбры, это — стоны умерщвленныхъ Абенсерраговъ, посѣщающихъ ночью мѣсто своего страданія и призывающихъ мщеніе небесъ на своего убійцу.

Отъ Львинаго Двора мы возвратились черезъ дворъ *Альберси* или большой рыбный бассейнъ, и направили свой путь къ Комаровой башнѣ, названной такъ по имени ея арабскаго архитектора. Выступая на крутомъ склонѣ горы, быстро нисходящей до береговъ Дарро, она господствуетъ надъ всѣми остальными зданіями своей массивностью и чрезвычайной вышиной.

Маврская арка ввела насъ въ пространную и высокую залу, занимающую внутренность башни и называвшуюся *залой посланниковъ*, потому что она служила мѣстомъ аудіенціи мусульманскихъ монарховъ. Въ ней еще сохранились слѣды прошлаго величія. Стѣны богато выштукатурены и украшены арабесками, потолокъ со сводами изъ кедроваго дерева, по чрезмѣрной вышинѣ своей почти теряющійся въ темнотѣ, еще до сихъ поръ блеститъ богатой позолотой и яркими кра-

сками арабской живописи. Съ трехъ сторонъ залы въ стѣнахъ громадной толщины окны, изъ которыхъ открывается видъ на зеленѣющую долину *Дарро*, на улицы и монастыри *Албесино* и перспективы дальнихъ деревень.

Не стану подробно описывать другіе очаровательные покои этой стороны дворца: *Токадоръ* или *уборную царицъ*, открытый *бельведеръ* на верху башни, въ которомъ маврскія султанши наслаждались легкимъ дуновеніемъ горнаго вѣтерка и видомъ окружающей страны, уединенный маленькій *patio* или *садъ Линдараксы*, съ алебастровымъ фонтаномъ, кустами розъ и миртовъ, лимоновъ и апельсиновъ; прохладныя залы и гроты, бань, гдѣ жаръ дневной умѣрялся полумракомъ и свѣжею прохладою.

Изобильныя воды, проведенныя съ горъ маврскими водопроводами, протекаютъ во всѣхъ направленіяхъ дворца, снабжая бани и бассейны его, сверкая брызгами во внутренности залъ, или журча въ каналахъ, вдоль мраморной мостовой. Заплативъ свою дань царскимъ палатамъ, оросивъ сады и пастбища ихъ, вода бѣжитъ далѣе, вдоль длинной алеи, ведущей въ городъ, дробясь ручьями и поддерживая вѣчную зелень въ тѣнистыхъ рощахъ, украшающихъ весь холмъ Альгамбры. Только жившіе въ жаркомъ южномъ климатѣ могутъ оцѣнить вполнѣ всю прелесть жилища, соединяющаго прохладу горнаго воздуха съ свѣжестью и зеленью долины. Тогда какъ городъ внизу и спаленныя солнечными лучами деревни изнемогаютъ отъ зноя, свѣжій вѣтерокъ Сіерры Невады игриво пробѣ-

гаетъ въ высокихъ залахъ, и приноситъ съ собою благоуханіе окружающихъ садовъ.

IV. КОМАРОВА БАШНЯ.

Утро тихо и ясно, солнце еще не успѣло палящими лучами своими уничтожить свѣжесть ночи; взойдемъ на вершину Комаровой башни и оттуда бросимъ быстрый взглядъ на Гренаду и ея окрестности.

Пойдемъ же, любезный читатель; послѣдуй за мною въ эти сѣни, украшенныя богатой рѣзьбой изъ камня и ведущія въ *залу посланниковъ*. Мы не войдемъ однако въ залу, а повернемъ на лѣво къ этой маленькой двери, отворяющейся въ стѣнѣ. Берегись! здѣсь крутыя, извилистыя ступени и мало свѣта, но по этой узкой, темной, извилистой лѣстницѣ, гордые цари Гренады часто всходили на зубчатыя стѣны башни подстерегать приближеніе христіанскаго войска, или смотрѣть на битвы, совершавшіяся у деревень.

Наконецъ мы на плоской крышѣ и можемъ вздохнуть на минуту, пока бросимъ бѣглый взоръ на роскошную панораму Гренады и деревень, скалистыхъ горъ, зеленѣющей долины, и плодоносной равнины, на замокъ, соборъ, маврскія башни, готическіе купола, посѣдѣвшія развалины и цвѣтущія рощи. Приблизимся къ зубчатымъ стѣнамъ и посмотримъ прямо внизъ: вотъ съ этой стороны передъ нами открыта вся Альгамбра; мы можемъ заглянуть во внутренность ея садовъ и дворовъ. У подошвы башни дворъ Алберка

съ большимъ рыбнымъ бассейномъ, усаженнымъ цвѣтами; далѣе Львиный Дворъ, съ своимъ знаменитымъ фонтаномъ и прозрачными арками, а въ срединѣ зданія маленькій садъ Линдараксы, скрывающій во внутренности дворца свои розы, лимоны и кусты изумрудной зелени.

Вотъ поясъ зубчатыхъ стѣнъ, украшенныхъ четвероугольными башнями, распространяющимися на все переднее протяженіе холма и составляющими границу крѣпости. Нѣкоторыя башни уже разрушились и массивныя развалины ихъ скрыты между виноградниками, фиговыми деревьями и алоэ. Взглянемъ на сѣверную сторону башни. Она изумительной высоты. Самыя основанія ея возвышаются надъ рощами крутаго холма. Видите ли вы большія трещины въ стѣнахъ ея? Онѣ свидѣтельствуютъ, что въ разныя эпохи, она была повреждена нѣкоторыми изъ землетрясеній, которыя много разъ наводили ужасъ на Гренаду.

Глубокій, узкій оврагъ внизу, расширяющійся по мѣрѣ удаленія отъ горъ, есть долина Дарро. Вотъ эта маленькая рѣчка, извивающаяся подъ тѣнистыми террасами, между фруктовыми садами и цвѣтниками, есть потокъ, прославленный въ древности, будто бы производящій золото; и теперь еще иногда разрываютъ пески его искатели драгоцѣннаго металла...

Нѣкоторые изъ бѣлыхъ павильоновъ, виднѣющихся тамъ и сямъ между рощицами и виноградниками, служили Маврамъ сельскими убѣжищами, въ которыхъ они наслаждались прохладою садовъ. Легкій дворецъ, съ высокими бѣлыми башнями и длинными аркадами,

скрытый вонъ въ той горѣ, между роскошными рощами и висячими садами, есть Генералифе, лѣтній дворецъ маврскихъ царей, въ которомъ въ знойные мѣсяцы они находили еще болѣе освѣжительнаго горнаго воздуха, нежели въ Альгамбрѣ. Обнаженная вершина, возвышающаяся надъ дворцомъ, съ массой развалинъ, потерявшихъ всякую форму, есть такъ называемое Сѣдалище Мавра, потому что здѣсь было убѣжище царя Боабдила: во время возстанія его подданныхъ, онъ сидѣлъ на ней и грустно смотрѣлъ внизъ на свою возмутившуюся столицу.

Журчащій шумъ воды бываетъ по временамъ слышенъ въ долинѣ. Онъ происходитъ отъ подземнаго водопровода маврской мельницы, которая стоитъ вблизи у подошвы холма. Далѣе тянется Аламеда, аллея деревьевъ, вдоль берега Дарро, нѣкогда любимая вечерняя прогулка гренадскихъ жителей, въ поздній часъ лѣтняго вечера, когда долетаетъ сюда звукъ гитары со скамей на дорожкахъ! Теперь тамъ можно встрѣтить только нѣсколькихъ бродящихъ монаховъ, да группу водоносовъ около фонтана Аделлано. Вы вздрогнули! Это порхнулъ соколъ, котораго мы спугнули съ гнѣзда. Эта старая башня служитъ пріютомъ для перелетныхъ птицъ. Ласточка и стрижъ населяютъ каждую ея разсѣлину и трещину и кружатся около нея цѣлый день; а ночью, когда всѣ птицы предаются покою, мрачная сова вылетаетъ изъ своего гнѣзда, и испускаетъ зловѣщій крикъ между зубцами стѣнъ.

Посмотрите, какъ соколъ, котораго мы потревожили,—улетаетъ отъ насъ въ высоту, машетъ крылья-

ми надъ верхушками деревъ и направляетъ полетъ свой къ развалинамъ надъ Генералифе.

Оставимъ эту сторону башни и обратимъ глаза на востокъ. Здѣсь, въ далекѣ рядъ горъ, окаймляющихъ гору Вега и составляющихъ древнюю границу мусульманскаго царства Гренады и христіанскихъ владѣній. На высотахъ можно еще теперь разсмотрѣть военные города; ихъ сѣрыя стѣны и зданія точно сливаются съ утесами, на которыхъ онѣ выстроены. Тамъ и сямъ уединенная сторожевая башня стоитъ на возвышеніи и будто смотритъ съ облаковъ на окружныя долины.

Черезъ ущелья этихъ горъ, переходомъ *Лопе*, христіанскія войска сошли на Вегу. У подножія той сѣдой и обнаженной горы, почти отдѣленной отъ другихъ и простирающей свой скалистый выступъ въ сердце долины, наступающіе отряды внезапно появились съ развѣвающимися знаменами, съ звуками трубъ и барабановъ. Теперь вмѣсто блестящихъ рядовъ окованныхъ въ латы воиновъ, мы видимъ поѣздъ трудолюбивыхъ погонщиковъ муловъ, тихо движущійся вдоль горныхъ хребтовъ!...

За этой скалой, полный событій мостъ *Пинось*, знаменитый многими кровавыми схватками между Маврами и христіанами, но еще болѣе извѣстный тѣмъ, что на немъ посланный королевы Изабеллы догналъ и воротилъ Колумба, удалявшагося въ отчаяніи, съ намѣреніемъ сообщить французскому двору свои планы объ открытіи Америки. Вотъ еще мѣсто замѣчательное въ исторіи славнаго мореходца: въ самомъ центрѣ Веги свѣтится лучами утренняго солнца линія стѣнъ

и башенъ; это городъ Санта-Фе, выстроенный католическими государями во время осады Гренады, послѣ того, какъ пожаръ уничтожилъ ихъ лагерь. Къ его-то стѣнамъ Калумбъ былъ призванъ вновь королевой, героиней, и здѣсь былъ заключенъ договоръ, котораго результатомъ было открытіе западнаго свѣта.

Теперь, поднимите глаза на снѣжныя вершины той цѣпи горъ, которая сіяетъ вдали, какъ бѣлое лѣтнее облако на голубомъ небосклонѣ. Это *Сіерра-Невада*, гордость и наслажденіе Гренады, источникъ ея освѣжительныхъ вѣтровъ и вѣчной зелени, ея бьющихъ ключей и неоскудѣвающихъ потоковъ. Она приноситъ странѣ соединеніе очарованій рѣдкихъ въ южномъ климатѣ: свѣжесть растительности и умѣренный воздухъ сѣвера съ живительною силой тропическаго солнца и безоблачнымъ, синимъ небомъ юга. Воздушныя сокровища снѣговъ, тающихъ по мѣрѣ усиленія лѣтняго жара, наполняютъ собою всѣ овраги и низменныя мѣста Альпухарры, надѣляя изумрудною зеленью и плодородіемъ рядъ счастливыхъ, уединенныхъ долинъ. Да, Сіерра-Невада справедливо называется славой Гренады! Цѣпь ея простирается по всей Андалузіи и встрѣчается въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ ея. Погонщикъ муловъ, палимый жгучимъ солнцемъ на равнинѣ, съ любовію привѣтствуетъ ихъ замерзшія вершины, а испанскій мореходецъ, на волнахъ синяго Средиземнаго моря, задумчиво слѣдитъ за ними, мечтая объ очаровательной Гренадѣ и напѣвая въ полголоса старинный романсъ о Маврахъ. Но

довольно! Солнце уже высоко надъ горами, и знойные лучи его ударяютъ прямо надъ нами; уже плоская крыша башни жжетъ намъ ноги, оставимъ ее и пойдемъ искать прохлады подъ арками у фонтана Львинаго Двора.

V. МЫСЛИ О ВЛАДЫЧЕСТВѢ МУСУЛЬМАНЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Самымъ любимымъ пріютомъ моимъ былъ балконъ или нишъ центральнаго окна *залы посланниковъ*, въ высокой Комаровой башнѣ. Однажды я сидѣлъ тамъ, любуясь закатомъ долгаго, блестящаго дня. Солнце, садясь за пурпуровыя горы Альгамбры, обдавало яркимъ потокомъ свѣта долину Дарро, тогда какъ Вега, покрытая прозрачнымъ паромъ, сквозь который отражались послѣдніе лучи заходящаго свѣтила, сіяла вдали подобно золотому морю. Ни малѣйшее дуновеніе воздуха не нарушало тишины, и лишь едва слышные звуки музыки и смѣха время отъ времени долетали ко мнѣ изъ садовъ Дарро; но тѣмъ болѣе торжественнымъ казалось ненарушимое молчаніе зданія, подъ крышею котораго я находился. Я засмотрѣлся на легкую и щеголеватую внутреннюю архитектуру, которая составляетъ рѣзкую противуположность съ величественной, но мрачной торжественностію готическихъ зданій, воздвигнутыхъ побѣдителями Испанцами. Эта разнохарактерность архитектуры выражаетъ неприми-

римую противуположность двухъ воинственныхъ народовъ, такъ долго оспоривавшихъ господство надъ полуостровомъ.

Судьба испанскихъ Мавровъ была очень необыкновенна. Несмотря на могущество и долговременное ихъ владычество въ Испаніи, мы не знаемъ какъ назвать ихъ. Это народъ, неимѣющій законной отчизны, ни имени, дальняя волна великаго арабскаго наводненія, которое разлилось по западной Азіи, сѣверной Африкѣ и южнымъ окраинамъ Европы. Можно утвердительно сказать, что если бы Арабы не встрѣтили преграды на равнинахъ Тура, вся Франція, вся Европа была бы побѣждена ими съ такою же быстротою, какъ и восточныя царства. Заключенные на Пиринейскомъ полуостровѣ, Арабы отказались отъ фанатической мысли мечемъ распространять владѣнія своей религіи и старались утвердить въ Испаніи мирное и долговременное господство. Разлученные съ отчизной, они полюбили землю, данную имъ, по ихъ мнѣнію, Аллахомъ, и украсили ее всѣмъ, что можетъ служить къ счастію человѣка. Полагая основанія своего могущества въ мудрыхъ и справедливыхъ законахъ, занимаясь тщательно искусствами и науками, поддерживая земледѣліе, промышленность, торговлю, они постепенно устроили царство, въ благоденствіи своемъ не имѣвшее соперниковъ между всѣми европейскими державами того времени. Мало того: они распространили просвѣщеніе Востока въ западныхъ европейскихъ странахъ, погруженныхъ въ то время въ грубость и невѣжество.

Города арабской Испаніи сдѣлалась разсадниками полезныхъ искусствъ для христіанскихъ ремесленниковъ.

Университеты Толедо, Севильи, Кордовыи Гренады были посѣщаемы блѣднымъ студентомъ чужихъ земель для изученія наукъ Арабовъ и сокровищъ знаній древности; любители искусствъ, отправлялись въ Кордову и Гренаду, чтобъ проникнуться восточной поэзіей и музыкой. Окованные въ сталь воины сѣвера спѣшили туда, чтобы поучиться ловкости и благороднымъ пріемамъ рыцарства. Если памятники Мусульманъ въ Испаніи, если мечеть Кордовы, крѣпость Севильи и Альгамбра Гренады до сихъ поръ хранятъ надписи, прославляющія могущество и долговременность ихъ владычества, можно ли назвать эту похвальбу дерзкою и суетною? Нѣсколько сотъ лѣтъ Арабы держались на почвѣ Испаніи. Но отъединенные отъ своихъ западныхъ сосѣдей непроницаемой оградой вѣры и обычаевъ, отдѣленные морями и пустынями отъ родного Востока, Мавры были народомъ одинокимъ. Все время господства ихъ на полуостровѣ было продолжительной, хотя и упорной, борьбою за пріютъ въ похищенной ими странѣ. Наконецъ настойчивая и твердая неустрашимость христіанскаго населенія Испаніи одолѣла пылкую храбрость Мавровъ. Покоренные Мусульмане были или истреблены, или изгнаны на берега Африки и здѣсь исчезли среди варварійскихъ племенъ. Они даже не оставили за собою своего имени, хотя около осьми вѣковъ, составляли самобытный народъ. Усвоенная ими отчизна въ которой они обитали въ теченіи нѣсколь-

кихъ столѣтій, признаетъ ихъ не иначе, какъ за хищниковъ и враговъ. Немногіе полуразрушенные памятники суть единственные остатки, свидѣтельствующіе объ утраченномъ могуществѣ ихъ, какъ уединенные утесы свидѣтельствуютъ во внутренности материка о распространеніи большого наводненія. Такова мусульманская Альгамбра, въ средѣ хрнстіанской земли, роскошный дворецъ межь готическихъ зданій, изящный памятникъ храбраго, разумнаго народа.

VI. ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО.

Пора мнѣ дать понятіе о моемъ домашнемъ устройствѣ въ этомъ странномъ жилищѣ. Королевскій дворецъ Альгамбры ввѣренъ попеченію доброй старой дѣвушки, называемой донна Антонія Молина, но по испанскому обыкновенію болѣе извѣстной въ сосѣдствѣ подъ именемъ тія Антонія (тетка Антонія). Она поддерживаетъ порядокъ въ маврскихъ залахъ и садахъ, и показываетъ ихъ иностранцамъ, за что ей предоставлено право на награжденія посѣтителей и доходы съ садовъ, за исключеніемъ дани цвѣтовъ и плодовъ, которые она время отъ времени доставляетъ губернатору. Живетъ она въ уголкѣ дворца, вмѣстѣ съ дѣтьми двухъ ея братьевъ—племянницей и племянникомъ Мануэлемъ Молина, который служитъ въ военной службѣ въ Испаніи и ея американскихъ колоніяхъ, а теперь изучаетъ медицину, въ надеждѣ получить въ крѣпости доктор-

ское мѣсто, приносящее по крайней мѣрѣ 140 долларовъ въ годъ.

Съ доброй донной Антоніей я сдѣлалъ договоръ, въ силу котораго она снабжала меня пищей и квартирой, а ея племянница Долоресъ убирала мою комнату и прислуживала за столомъ. Въ моемъ распоряженіи находится также заика, длинный, желто-волосый парень Пепе, который работаетъ въ садахъ, и охотно бы поступилъ ко мнѣ въ услуженіе, еслибъ его не предупредилъ Матео Хименесъ, «сынъ Альгамбры». Этотъ проворный и услужливый господинъ распорядился такъ, что завладѣлъ мною съ первой встрѣчи нашей, у наружныхъ воротъ крѣпости; вкрался во всѣ мои планы, и наконецъ самъ себя назначилъ моимъ камердинеромъ, чичероне, стражей, проводникомъ и исторіографическимъ сквайромъ. Чтобъ доставить ему возможность прилично исполнять различныя, произвольно имъ возложенныя на себя должности, я вынужденъ былъ улучшить его гардеробъ; онъ сбросилъ свой бурый плащъ, какъ змѣя чешую, и къ великому удивленію товарищей и собственному удовольствію, нарядился въ красивую андалузскую шляпу и камзолъ. Чувствуя, что онъ втерся въ мое услуженіе, и что при простотѣ моихъ привычекъ, мнѣ почти не нуженъ слуга, онъ лезетъ вонъ изъ кожи, чтобъ найти способы сдѣлаться необходимымъ для моего благоденствія. Я становлюсь нѣкоторымъ образомъ жертвой его услужливости. Не могу я переставить ногу за крыльце дворца и побродить около крѣпости, безъ того, чтобъ

онъ не явился подлѣ меня. Пойду ли я прогуляться по окружнымъ холмамъ, онъ тутъ-какъ-тутъ, увѣряя, что обязанъ охранять меня, хотя я сильно подозрѣваю, что въ случаѣ нападенія онъ скорѣе способенъ довѣриться быстротѣ своихъ ногъ, чѣмъ силѣ рукъ.

Со всѣмъ тѣмъ онъ можетъ быть иногда пріятнымъ товарищемъ: онъ недалекъ, но всегда въ духѣ, болтливъ, знаетъ всѣ мелкія сплетни въ околодкѣ, но болѣе всего гордится знаніемъ мѣстныхъ преданій; о каждой башнѣ, каждой стѣнѣ и воротахъ крѣпости у него есть запасъ любопытныхъ разсказовъ, въ истину которыхъ онъ несомнѣнно вѣритъ.

Большую часть этихъ разсказовъ, по словамъ его, слышалъ онъ отъ своего дѣда, портного, жившаго около ста лѣтъ и во всю жизнь только два раза выходившаго за предѣлы крѣпости. Лавка его большую часть столѣтія служила сборнымъ мѣстомъ толпѣ почтенныхъ кумушекъ, проводившихъ въ ней большую половину ночи въ толкахъ о старыхъ временахъ, о чудныхъ происшествіяхъ и скрытыхъ тайнахъ дворца. Вся жизнь, дѣятельность, всѣ мысли старика-портного имѣли тѣсную связь со стѣнами Альгамбры. Къ счастію потомства, сокровища его преданій не сошли съ нимъ въ могилу.

Достойный внукъ и преемникъ его Матео имѣлъ привычку, еще мальчишкой, съ жаднымъ любопытствомъ прислушиваться къ разсказамъ дѣда и говорливой толпы, сбиравшейся у его лавки, и такимъ образомъ онъ узналъ объ Альгамбрѣ рядъ интересныхъ ле-

гендъ, которыхъ нѣтъ ни въ одной книгѣ и которыя достойны вниманія любознательнаго путешественника.

Таковы были лица, способствовавшія моему домашнему комфорту въ Альгамбрѣ, и я сомнѣваюсь, чтобъ мусульманскіе или христіанскіе властители, мои предшественники во дворцѣ, наслаждались болѣе спокойною жизнью и имъ служили съ большею вѣрностію. Бывало, какъ только я просыпаюсь, заика Пепе, работающій въ садахъ, приноситъ мнѣ отличные букеты свѣжихъ цвѣтовъ, размѣщаемыхъ въ вазы искусною рукою Долоресъ. Обѣдаю я тамъ, гдѣ мнѣ вздумается: то въ одной изъ маврскихъ залъ, то подъ арками Львинаго Двора, окруженнаго цвѣтами и фантанами.

Прогулки мои усердный Матео направляетъ къ самымъ живописнымъ мѣстамъ въ горахъ или очаровательнымъ убѣжищамъ окрестныхъ долинъ, изъ которыхъ каждое служитъ для него мѣстомъ дѣйствія какого нибудь разсказа. Хотя я люблю проводить большую часть дня одинъ, но иногда отправляюсь вечеромъ въ домашній кружокъ донны Антоніи. Общество ея собирается обыкновенно въ такъ называемой старой маврской комнатѣ, которая служитъ вмѣстѣ и кухней, и залой; въ одномъ углу ея сложенъ грубый очагъ, дымъ котораго выѣлъ краску на стѣнахъ и почти уничтожилъ арабески. Черезъ окно, съ балкономъ, висящимъ надъ долиной Дарро, входитъ свѣжій, вечерній вѣтерокъ; здѣсь подаютъ мнѣ умѣренный ужинъ, состоящій изъ молока и плодовъ, и я участвую въ семейномъ разговорѣ.

Испанцы владѣютъ врожденнымъ талантомъ или тактомъ, который дѣлаетъ ихъ разумными и пріятными собесѣдниками, къ какому бы сословію они не принадлежали и какъ бы не было ограниченно ихъ воспитаніе. Прибавьте къ тому, что они никогда не бываютъ пошлы: природа одарила ихъ живымъ чувствомъ человѣческаго достоинства. Добрая Тія Антонія — женщина свѣтлаго, хотя и необразованнаго ума, а Долоресъ, которая во всю жизнь прочла не болѣе трехъ, четырехъ книгъ, часто удивляла меня своими безъискусственными остротами. Иногда племянникъ занималъ насъ чтеніемъ какой нибудь старинной комедіи Кальдерона или Лопе де-Вега, очевидно побуждаемый желаніемъ забавлять и образовывать свою кузину, но, къ великому его огорченію, Долоресъ обыкновенно засыпала прежде окончанія перваго акта. По временамъ Тія Антонія собирала маленькій придворный кругъ смиренныхъ друзей и подчиненныхъ, изъ жителей окрестныхъ хижинъ или женъ инвалидныхъ солдатъ. Они обращались съ ней съ большимъ почтеніемъ, потому что она жила во дворцѣ, и приносили ей всѣ вѣсти околодка и слухи, долетавшіе до нихъ изъ Гренады. Прислушиваясь къ этой вечерней болтовнѣ, я собралъ много любопытныхъ фактовъ, объясняющихъ народные обычаи и мѣстные нравы.

VII. КОМНАТА АВТОРА.

Поселившись въ Альгамбрѣ, я занялъ часть отдѣленія пустыхъ комнатъ новѣйшей архитектуры, назначаемыхъ для губернатора. Онѣ находятся въ переднемъ фасадѣ дворца, и выходятъ окнами на эспланаду; дальній конецъ ихъ имѣетъ сообщеніе съ маленькими горенками, обитаемыми Тіей Антоніей и ея семьей, и заключающимися большой комнатой, служащей гостиной, пріемной, залой и кухней доброй донны. Въ эпоху Мавровъ, она не лишена была нѣкоторой роскоши, но дымъ выѣлъ краску на стѣнахъ, почти уничтожилъ украшенія и набросилъ на нее непріятную тѣнь. Изъ этихъ мрачныхъ комнатокъ, узкій, темный коридоръ и темная извилистая лѣстница ведутъ къ одному углу Комаровой башни; когда проберетесь ощупью по ступенямъ и отворите маленькую внутреннюю дверь, взоръ вашъ поражается внезапнымъ переходомъ въ роскошную переднюю Залы Посланниковъ, съ фонтаномъ Двора Алберки, сверкающимъ передъ вами.

Я былъ недоволенъ своимъ помѣщеніемъ въ комнатахъ новѣйшей архитектуры, на краю дворца, и хотѣлъ поселиться въ самой срединѣ зданія.

Скитаясь однажды въ маврскихъ залахъ, я нашелъ въ одной отдаленной галлереѣ дверь, которой прежде не замѣчалъ; она, повидимому, вела въ обширныя комнаты, запертыя для публики... Не безъ затрудненія я досталъ ключъ; дверь отворилась и предо мной от-

крылся рядъ незанятыхъ комнатъ европейской архитектуры, выстроенныхъ, впрочемъ, надъ мавританской аркой, вдоль сада Линдараксы.

Изъ нихъ двѣ были высокія комнаты, съ потолками, покрытыми плотной панелью изъ кедроваго дерева, съ искусной и богатой рѣзьбой. Видно было, что стѣны нѣкогда обиты были штофомъ, но теперь онѣ стояли безъ обоевъ, изцарапанныя именами путешественниковъ.

Окна, съ разбитыми стеклами, выходятъ на садъ Линдараксы, котораго лимонныя и апельсинныя деревья простирали свои вѣтви въ комнаты. За ними слѣдуютъ двѣ залы, не такъ высокія, съ окнами, также обращенными въ садъ. Фантастическій рядъ этихъ комнатъ заключался открытой галереей съ балюстрадами, проходившею прямыми углами вдоль другой стороны сада. Вся эта часть была отдѣлана съ такимъ стараніемъ и изяществомъ, въ ея положеніи вдоль уединеннаго, маленькаго сада было столько вкуса, что исторія ея возбудила во мнѣ живое любопытство. Оказалось, что она была отдѣлана итальянскими художниками въ началѣ прошлаго столѣтія, въ ожиданіи Филиппа V и его супруги Елисаветы Пармской. Одна изъ самыхъ высокихъ комнатъ служила спальней королевѣ; узкая лѣстница, теперь задѣланная, вела въ очаровательный бельведеръ, первоначально *мирадоръ* маврскихъ султаншъ. Изъ одного окна упомянутой мною спальни открывается видъ на *Генералифе* (лѣтній дворецъ) съ зеленѣющими терасами, подъ другимъ окномъ алебастровый фонтанъ въ саду Линдараксы.

Какъ и въ старину, этотъ садъ теперь украшенъ цвѣтами, по прежнему бьетъ фонтанъ, но алебастръ потерялъ свою бѣлизну, и бассейнъ, покрытый сорными травами, сдѣлался гнѣздомъ ящерицъ.

Мнѣ вздумалось поселиться въ этихъ уединенныхъ комнатахъ. Мое рѣшеніе возбудило величайшее удивленіе всего семейства донны Антоніи; оно не понимало, что могло побудить меня выбрать именно эти заброшенныя комнаты. Добрая Тія Антонія находила мой выборъ крайне опаснымъ. Вся окрестность была наводнена бродягами; пещеры близлежащихъ горъ наполнены цыганами; доступъ былъ легокъ во многихъ мѣстахъ разореннаго дворца; слухъ объ иностранцѣ, который живетъ одинъ въ самыхъ запустѣлыхъ комнатахъ, далеко отъ прочихъ жителей Альгамбры, можетъ легко заманить незваныхъ гостей, вообще увѣренныхъ, что у иностранцевъ бываетъ много денегъ. Но ничто не могло меня отвлечь отъ моего намѣренія. Съ помощью плотника и услужливаго Матео Хименесъ, двери и окна были скоро приведены въ довольно надежное состояніе. Несмотря на всѣ предосторожности, я долженъ признаться, что первая ночь, проведенная мною въ этихъ комнатахъ, была невообразима страшна. Вся семья проводила меня до моего помѣщенія, и когда они, простясь со мною, возвращались по обширнымъ переднимъ и галлереямъ, по которымъ разносилось эхо, звукъ шаговъ ихъ напомнилъ мнѣ тѣ сказки о привидѣніяхъ въ закалдованномъ замкѣ, которыя я слышалъ въ дѣтствѣ.

Смутный, но невыразимый ужасъ объялъ меня!

Едва ли бы я могъ приписать его мыслямъ о разбойникахъ, возбужденныхъ вечернимъ разговоромъ!.. Нѣтъ, то было какое-то безотчетное и сумасбродное чувство. Все окружавшее меня вдругъ сдѣлалось для меня страшнымъ.

Шопотъ вѣтра въ лимонныхъ деревьяхъ получилъ какую-то мрачность; я взглянулъ на садъ Линдараксы; его деревья показались мнѣ толпою тѣней; поспѣшно закрылъ я окно, но самая комната моя наполнилась зловоніемъ. Летучая мышь пробралась въ нее и летала надъ моей головой и кругомъ моей одинокой лампады. Вырѣзанные на потолкѣ узоры, казалось, дразнили меня и наводили тоску. Усиливаясь ободриться и полу-смѣясь надъ своимъ страхомъ, я рѣшился преодолѣть его и, взявъ лампу въ руки, отправился ходить по комнатамъ древняго дворца.

Несмотря на всевозможную силу духа, задача была нелегкая... Лучи лампы освѣщали только небольшое пространство около меня. Я шелъ въ маленькомъ кругѣ свѣта, но всѣ остальные предметы были погружены въ глубокую темноту. Арки коридоровъ походили на пещеры; своды залы терялись во мракѣ. Какъ легко невидимый врагъ могъ бы подстеречь меня сзади и спереди! Моя собственная тѣнь, ложащаяся на стѣнѣ, и звукъ шаговъ моихъ приводили меня въ трепетъ!..

Въ такомъ напряженномъ состояніи духа, проходилъ я Залу Посланниковъ, какъ вдругъ ложный страхъ мой былъ усиленъ дѣйствительными звуками.

Подъ ногами моими, казалось, раздавались тихія стенанія и неясные вопли. Я остановился и прислу-

шивался: казалось, они неслись съ башни; они то походили на рычаніе звѣря, то на задушаемые крики, смѣнявшіеся безумнымъ ревомъ. Эти звуки, раздававшіеся въ тишинѣ ночной, въ этомъ страшномъ мѣстѣ, отняли у меня всякое желаніе продолжать мое одинокое странствіе. Я возвратился въ свою комнату съ большею поспѣшностію, чѣмъ вышелъ изъ нея, и вздохнулъ свободнѣе, очутившись въ стѣнахъ ея и заперевъ двери за собою.

Когда я проснулся утромъ, солнце сіяло въ мое окошко и радостными лучами, освѣщало каждую часть зданія; я съ трудомъ могъ припомнить призраки и грезы, вызванныя мракомъ прошедшей ночи, и вообразить, чтобъ ясныя сцены, окружающія меня, могла фантазія покрыть такою мрачною тѣнію.

Однако, страшныя рычанія и вопли, слышанные мною, были не призрачны, — но Долоресъ скоро объяснила мнѣ ихъ; то были стоны бѣднаго сумасшедшаго, брата ея тетки, подверженнаго пароксизмамъ бѣшенства, въ продолженіи которыхъ его запираютъ въ комнату со сводами, подъ Залой Посланниковъ.

VIII. АЛЬГАМБРА ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Я описалъ свои комнаты при первомъ вступленіи въ нихъ; нѣсколько вечеровъ произвели въ нихъ совершенную перемѣну. Мѣсяцъ, тогда еще невидимый, началъ по немногу прибавляться, привѣтливыми лучами своими озарять каждый дворъ и залу и въ полной роскоши сіять надъ башнями. Садъ подъ моими окнами, лимонныя и апельсинныя деревья облиты серебромъ; фонтанъ сверкаетъ отливами лунныхъ лучей и даже едва виднѣется румянецъ розы. Цѣлые часы проводилъ я подъ окномъ, вдыхая въ себя благоуханіе сада, мечтая объ измѣнчивой судьбѣ тѣхъ, которыхъ исторія темно начертана на окружающихъ меня великолѣпныхъ памятникахъ! Иногда въ полночь, въ невозмущаемой тишинѣ, я бродилъ по всему зданію. Кто можетъ достойно описать лунную ночь въ этомъ климатѣ, въ этомъ мѣстѣ!...

Температура андалузской лѣтней ночи совершенно эфирна, точно человѣкъ перенесенъ въ болѣе возвышенную атмосферу; здѣсь ясность души, бодрость духа дѣлаютъ самое существованіе наслажденіемъ. Дѣйствіе луннаго сіянія на Альгамбру имѣетъ что-то магическое. Всѣ оттѣнки разрушенія исчезаютъ, мраморъ получаетъ первобытную бѣлизну, длинныя колонады блестятъ, озаренныя мѣсячнымъ свѣтомъ, залы освѣщены нѣжнымъ его сіяньемъ, и все зданіе напоминаетъ волшебные замки арабскихъ сказокъ. Въ такое время я зашелъ однажды въ маленькій павильонъ, называемый туалетной королевы,

чтобы насладиться разнообразной и обширной перспективой. Направо снѣжныя вершины Сіерры-Невады сіяютъ какъ серебряныя облака на темномъ горизонтѣ и всѣ выступы горъ обозначаются въ болѣе мягкихъ очертаніяхъ. Но всего пріятнѣе было, облокотившись на парапетъ павильона, глядѣть внизъ на Гренаду, разстилившуюся какъ скатерть подо мною, погруженную въ глубокій сонъ, съ ея бѣлыми дворцами и монастырями, обдаваемыми луннымъ блескомъ. Иногда до меня долетали слабые звуки кастаньетовъ, подъ которые танцовали въ Аламедѣ, то слышался неясный звонъ гитары и напѣвъ одинокаго голоса, раздающагося въ какой нибудь глухой улицѣ...

IX. ЖИТЕЛИ АЛЬГАМБРЫ.

Прежнее населеніе Альгамбры, состоявшее изъ лицъ царской крови, смѣнилось теперь простымъ и бѣднымъ людомъ. Едва какая нибудь башня дворца приходитъ въ разрушенье, какъ ею быстро овладѣваетъ какое нибудь семейство бѣдняка, и поселяется въ ея раззолоченныхъ залахъ вмѣстѣ съ летучими мышами и совами, и развѣшиваетъ свои лохмотья на окнахъ и бойницахъ ея. Одно изъ лицъ, водворившихся въ жилищѣ царей, даже носитъ царскій титулъ — конечно въ шутку. Это крошечная старушка Марія Антонія Сабонеа, извѣстная подъ прозвищемъ: la reyna coquina (скорлупичная королева). Жилищемъ ей служитъ родъ шкапа подъ наружной лѣстницей дворца,

и она сидитъ на холодномъ камнѣ въ коридорѣ, проворно вертя спицами и распѣвая съ утра до ночи, съ готовой шуткой на языкъ для каждаго проходящаго. Главное ея достоинство это — даръ разсказа; у ней въ запасѣ множество исторій; я слышалъ, какъ она разсказывала нѣкоторыя изъ нихъ на вечернихъ *тертуліяхъ* (собраніяхъ) донны Антоніи, куда ее изрѣдка приглашаютъ.

Соперникъ этой скорлупичной королевы важный старикъ съ бутылочнымъ носомъ, въ рыжеватомъ пальто, трехъугольной замасляной шляпѣ и съ красной кокардой! Онъ прожилъ въ Альгамбрѣ всю жизнь, исполняя различныя должности: то депутата алгвазила, то гробовщика приходской церкви, то наконецъ маркера кегельнаго трактира, находившагося у подошвы одной изъ башенъ. Онъ очень бѣденъ, но гордъ, несмотря на нищету, и хвастаетъ своимъ происхожденіемъ отъ знаменитаго рода Агиларовъ, изъ котораго произошелъ Гонзальвъ Кордовскій, великій полководецъ Фердинанда католика.

Семья моего болтливаго сквайра Матео составляетъ, по числу своихъ членовъ, значительную часть пестраго населенія дворца. Его похвальба, что онъ «сынъ Альгамбры»—не лишена основанія. Предки его съ самаго завоеванія постоянно жили въ крѣпости. Отецъ его, ремесломъ ленточникъ, сдѣлавшійся главой семейства послѣ стараго портного, о которомъ я разсказывалъ,—теперь семидесяти лѣтъ и живетъ въ хижинѣ, смазанной изъ глины и тростника, выстроенной его собственными руками повыше чугунныхъ воротъ. Мебель этой хижины состоитъ изъ ветхой кровати, стола,

двухъ–трехъ стульевъ, деревяннаго шкафа, въ которомъ хранятся его платья и его фамильный архивъ, то есть нѣсколько старыхъ судебныхъ бумагъ, которыхъ онъ и прочесть не можетъ; но гордость его хижины, это его фамильный гербъ, висящій въ рамкѣ на стѣнѣ и ясно доказывающій родство этого обнищавшаго семейства съ многими благородными домами.

Есть въ Испаніи два класса людей, для которыхъ жизнь тянется какъ безконечный праздникъ; это очень богатые и очень бѣдные люди; первымъ не надо *ничего дѣлать*, а вторымъ—*нечего дѣлать*. Жизнь бѣднаго испанца легка, благодаря климату и ихъ характеру. Дайте испанцу тѣнь лѣтомъ и солнце зимою, немного хлѣба, чесноку, масла, нѣсколько лохмотьевъ и ветхій коричневый плащъ да гитару, и больше ему ничего не надо: онъ гидальго, даже въ лохмотьяхъ. Но хотя «сыновья Альгамбры» проводятъ всю недѣлю въ совершенной праздности, ни одинъ трудолюбивый ремесленникъ не соблюдаетъ такъ аккуратно дни праздниковъ и святыхъ, какъ эти бѣдняки. Они не пропустятъ ни одного празднества въ Гренадѣ и ея окрестностяхъ, зажигаютъ огни на холмахъ подъ вечеръ Ивана Купалы, и недавно проплясали всю ночь на отжинкахъ маленькаго поля внутри крѣпости, дающаго нѣсколько четвериковъ пшеницы.

Прежде, нежели кончу эти замѣтки, я упомяну объ одной мѣстной забавѣ, особенно поразившей меня. Нѣсколько разъ подмѣчалъ я высокаго, тощаго парня, сидящаго на верхушкѣ одной изъ башенъ и размахивающаго двумя или тремя удочками, будто онъ ло-

витъ рыбу въ облакахъ. Я совершенно былъ озадаченъ движеніями этаго воздушнаго рыболова, но недоумѣніе мое возрасло, когда я увидѣлъ еще нѣсколько мальчишекъ, занятыхъ такимъ же образомъ, въ разныхъ сторонахъ башенъ и бастіоновъ; наконецъ Матео Хименесъ объяснилъ мнѣ тайну. Кажется, что рѣдкій воздухъ и ясное положеніе крѣпости сдѣлали ее пріютомъ ласточекъ и стрижей, міріадами порхающихъ надъ ея башнями, съ радостнымъ крикомъ школьниковъ, вырвавшихся изъ душнаго училища. Оборванные сыны Альгамбры придумали себѣ, со всею замысловатостью неисправимой праздности, любимое занятіе: ловить этихъ кружащихся птичекъ крючками, на которые для приманки насажены мухи. Они изобрѣли искусство ловить въ облакахъ.

X. ЛЬВИНЫЙ ДВОРЪ.

Украшенія Львинаго Двора сохранились въ значительной свѣжести, и маврское великолѣпіе видно здѣсь почти въ первобытномъ блескѣ. Землетрясенія покачнули основанія зданія, разрушили самыя крѣпкія башни его, но онѣ пощидили эти легкія колоны, и ни одна арка прозрачной и воздушной колонады не повреждена.

Я пишу это, пользуясь свѣжестью ранняго утренняго часа, въ самой средѣ памятниковъ прошедшаго, въ залѣ Абенсераговъ. Предо мною фонтанъ; высокая струя его почти обдаетъ своими брызгами мою бумагу.

Свѣтъ нисходитъ сверху сквозь фонарь купола, прелестно отдѣланнаго и расписаннаго. Сквозь широкую и рѣзную арку портала я вижу Львиный Дворъ, на длинныхъ колонадахъ котораго играетъ блестящій солнечный лучъ, разсыпаясь на его фантанахъ. Игривая ласточка порхаетъ по двору и, закружившись въ вышинѣ, щебечетъ надъ крышами; трудолюбивая пчела жужжитъ въ цвѣточныхъ грядахъ, и пестрыя бабочки, порхая съ травки на травку, перегоняютъ одна другую въ знойномъ воздухѣ. По вечерамъ я предпочитаю Залу Правосудія, которой глубокія аркады простираются вдоль верхняго конца двора. Здѣсь, въ присутствіи Фердинанда и Изабеллы и ихъ торжествующаго двора, совершилась пышная церемонія вступленія во владѣніе Альгамброй. До сихъ поръ еще видѣнъ на стѣнѣ крестъ, тамъ, гдѣ былъ воздвигнутъ алтарь, на которомъ священнодѣйствовалъ великій кардиналъ Испаніи и важнѣйшія духовныя лица. Я представляю себѣ эту залу, когда она наполнилась завоевателями, смѣсью прелатовъ въ митрахъ и бритыхъ монаховъ, рыцарей въ стальныхъ латахъ, блестящихъ царедворцевъ, — кресты и посохи епископовъ и церковныя хоругви вмѣстѣ съ гордыми гербами и знаменами надменныхъ вождей испанскихъ, несомыя съ тріумфомъ въ этихъ мусульманскихъ залахъ, — и Колумба, будущаго открывателя новаго свѣта, смиренно притаившагося въ отдаленномъ углу зрителемъ придворнаго великолѣпія. Воображаю католическихъ государей, распростертыхъ предъ алтаремъ и изливающихъ благодарственныя мольбы небесамъ за побѣду,

при пѣніи духовныхъ гимновъ и величественнаго Te Deum. Но вотъ призраки исчезаютъ, не стало пышнаго двора; монархи, духовенство и воины — всѣ преданы забвенію вмѣстѣ съ бѣдными мусульманами, надъ которыми они торжествовали. Мѣсто тріумфа ихъ опустѣло и предано разрушенію; летучая мышь бьетъ крыльями по стѣнамъ и лишь изрѣдка раздается въ залѣ крикъ совы съ сосѣдней башни.

Взойдя, нѣсколько вечеровъ тому назадъ, на Львиной дворъ, я вздрогнулъ при неожиданномъ видѣ Мавра въ чалмѣ, спокойно сидящаго близъ фонтана. Казалось, будто совершилось на яву одно изъ мѣстныхъ суевѣрныхъ преданій, и воскресъ одинъ изъ древнихъ жильцовъ Альгамбры. Онъ былъ однако простой смертный, родомъ изъ Тетуана въ Варваріи, и держалъ лавку въ *Цокатинѣ*, въ Гренадѣ, въ которой продавалъ ревень, духи и разныя мелочи. Онъ бѣгло говорилъ по испански, и вступивъ съ нимъ въ разговоръ, я нашелъ въ немъ много тонкаго ума. Онъ мнѣ сказалъ, что приходитъ иногда провести часть дня въ Альгамбрѣ, напоминающей ему старинные дворцы Варваріи, выстроенные и украшенные въ томъ же стилѣ, но менѣе великолѣпные. Прогуливаясь со мною по дворцу, онъ мнѣ указалъ много арабскихъ надписей, очень поэтическихъ.

«Ахъ, сеньоръ, сказалъ онъ, когда Мавры владѣли Гренадой, они были болѣе веселый народъ, чѣмъ теперь. Они много занимались поэзіей и музыкой. Тотъ, кто могъ сочинить лучшіе стихи, и та, которая имѣла самый звонкій голосъ, могли быть увѣрены въ

общей благосклонности и предпочтеніи. Въ тѣ дни, если кто просилъ хлѣба, ему говорили: «спой куплетъ», и самый жалкій нищій, когда онъ умѣлъ просить милостыню въ рифмахъ, часто получалъ въ награжденье золотую монету.»

«А развѣ теперь утратилось между вами поэтическое чувство?» спросилъ я.

— Нѣтъ, сеньоръ, и теперь простой народъ въ Варваріи продолжаетъ сочинять пѣсни, не уступающія въ красотѣ древнимъ, — но талантъ ужь не награждается какъ тогда; богачи предпочитаютъ звонъ своего золота поэзіи и музыкѣ.

Пока онъ говорилъ, взглядъ его упалъ на одну изъ надписей, предсказывающихъ вѣчное продолженіе могущества и славы мусульманскихъ монарховъ, господствовавшихъ въ этомъ дворцѣ. Онъ покачалъ головою и пожалъ плечами, переводя ее. «До сихъ поръ, сказалъ онъ, Мавры царили бы въ Альгамбрѣ, еслибъ измѣнникъ Боабдилъ не предалъ своей столицы христіанамъ. Испанскіе короли никогда бы не могли покорить ее открытой силой.»

Я тщетно старался защитить память несчастнаго Боабдила отъ этого обвиненія, и доказать, что распри, бывшія виною паденія маврскаго престола, проистекли отъ жестокости отца его, но Мавръ не принималъ никакого извиненія.

«Мулей Сассанъ», возразилъ онъ, «былъ жестокъ, но онъ былъ храбръ, бдителенъ и патріотъ. Еслибъ ему настоящимъ образомъ содѣйствовали, то Гренада и теперь была бы наша, но сынъ его Боабдилъ шелъ

наперекоръ всѣмъ его желаніямъ, подкапывался подъ власть его, замышлялъ измѣну во дворцѣ и поселялъ раздоры въ лагерѣ. Да ляжетъ на немъ проклятіе Вышняго за его измѣну!» Съ этими словами Мавръ оставилъ Альгамбру.

Негодованіе моего знакомца въ чалмѣ напоминаетъ анекдотъ, сообщенный мнѣ однимъ пріятелемъ, который, заѣхавъ въ своихъ путешествіяхъ въ Варварію, имѣлъ свиданіе съ пашею Тетуанскимъ. Маврскій губернаторъ съ живымъ любопытствомъ освѣдомлялся о почвѣ и всѣхъ подробностяхъ, касающихся Андалузіи, о Гренадѣ и объ остаткахъ ея дворца. Отвѣты вызвали всѣ пріятныя воспоминанья, съ глубокою любовью хранимыя маврами, о могуществѣ и силѣ ихъ древняго царства въ Испаніи. Погладивъ бороду рукою, паша обратился къ своей мусульманской свитѣ съ горькими жалобами, что такой богатый городъ вырванъ судьбою изъ рукъ правовѣрныхъ. Онъ утѣшился однако убѣжденіемъ, что могущество и счастье Испанцевъ близко къ концу, что настанетъ время, когда Мавры вновь покорятъ принадлежащія имъ по праву области, и можетъ быть недалекъ уже тотъ день, когда магометанское служеніе возстановится въ мечети Кордовы, и магометанскій государь воцарится въ стѣнахъ Альгамбры.

Таково общее желаніе и убѣжденіе между варварійскими Маврами, которые смотрятъ на Испанію и особливо на Андалузію, какъ на законное свое наслѣдство, отнятое у нихъ измѣною и насиліемъ. Эти идеи вскормлены и увѣковѣчены потомками Мавровъ, изгнанныхъ

изъ Гренады и разсѣянныхъ въ городахъ Варваріи. Много изъ нихъ живутъ въ Тетуанѣ, сохраняя древнія имена свои, каковы: *Паецъ и Медина*, и вступая въ бракъ только съ фамиліями такого же высокаго происхожденія. Эти древніе роды пользуются нѣкоторой степенью уваженія, рѣдко оказываемаго магометанами наслѣдственной знатности, исключая царской линіи. Говорятъ, эти семейства все еще вздыхаютъ по Испаніи и до сихъ поръ продолжаютъ, по пятницамъ, въ мечетяхъ, приносить моленія Аллаху объ ускореніи возвращенія Гренады правовѣрнымъ. Этого происшествія они ожидаютъ съ такою же любовью и вѣрою, какъ крестоносцы ожидали возвращенія святого гроба въ свое владѣніе. Прибавляютъ даже, что иные изъ нихъ и теперь сохраняютъ планы и крѣпости на помѣстья и сады, принадлежавшіе предкамъ ихъ въ Гренадѣ, они хранятъ даже ключи отъ домовъ, какъ доказательство наслѣдственныхъ правъ своихъ, чтобъ предъявить ихъ въ день своего будущаго торжества.

XI. БОАБДИЛЪ.

Разговоръ мой съ Мавромъ въ Львиномъ Дворѣ навелъ меня на мысли о страшной участи Боабдила. Никогда не было прозвища вѣрнѣе того, которое дали ему его подданные: «el Zodoby», *несчастный*. Бѣдствія его начались почти съ колыбели. Въ ранней юности былъ онъ заключенъ въ темницу безчеловѣч-

нымъ отцомъ, и ему угрожала смерть, отъ которой онъ избавился только благодаря хитрости матери; въ послѣдствіи жизнь его была нѣсколько разъ подвержена опасности, въ слѣдствіе козней хищнаго дяди. Царствованіе его было возмущено внѣшними нападеніями и внутренними раздорами; онъ былъ поочередно врагомъ, плѣнникомъ, другомъ и всегда обманутой жертвой Фердинанда, пока наконецъ не былъ побѣжденъ и лишенъ престола хитростью и силой этого вѣроломнаго монарха. Изгнанный изъ своей родины, онъ искалъ убѣжища у одного изъ африканскихъ принцевъ, и палъ безъ славы, въ битвѣ за чужихъ. Несчастія его не кончились смертью. Если когда нибудь Боабдилъ льстилъ себя надеждой оставить честное имя на страницахъ исторіи, то жестоко обманулся. Каждый, обратившій малѣйшее вниманіе на исторію маврскаго владычества въ Испаніи, исполнялся негодованіемъ, читая о жестокостяхъ, приписываемыхъ Боабдилу. Эти обвиненія были повторяемы въ различныхъ формахъ; они перешли въ баллады, драмы, романы и такъ завладѣли общественнымъ мнѣніемъ, что сдѣлались неопровержимыми. Каждый образованный иностранецъ, посѣщающій Альгамбру, не забудетъ спросить, гдѣ фонтанъ Абенсерраговъ, будто бы убитыхъ Боабдиломъ, и съ ужасомъ глядитъ на рѣшетчатую галлерею, въ которой будто бы заперта была супруга Боабдила. Каждый крестьянинъ Сіерры и окрестностей поетъ исторію эту въ грубой пѣсни, и слушатели его научаются проклинать Боабдила. Ничье, однако, имя не было такъ несправедливо запятнано. Я разсматривалъ всѣ

достовѣрныя сказанія испанскихъ писателей, современниковъ Боабдила, изъ которыхъ многіе пользовались довѣренностью католическихъ монарховъ и находились въ лагерѣ Фердинанда во все продолженіе войны, равно какъ и всѣхъ арабскихъ писателей, съ которыми могъ познакомиться чрезъ переводы: нигдѣ не могъ я найти доказательствъ, которыя подтвердили бы эти обвиненія, полныя мрака и ненависти.

Главнымъ источникомъ этихъ сказокъ служитъ сочиненіе, называемое «Междоусобныя Гренадскія войны», содержащее въ себѣ ложную исторію вражды арабскихъ фамилій Зегрисовъ и Абенсерраговъ въ послѣднюю эпоху маврскихъ битвъ. Это сочиненіе сначала явилось въ Испаніи, было выдано за переводъ съ арабскаго Гинесъ Перецъ де Хила, жителемъ Мурціи, и принимается какъ непреложная истина простонародіемъ Гренады, хотя дѣйствительные факты въ немъ очень искажены.

Я не хочу сказать, что всѣ обвиненія, взведенныя на Боабдила, были совершенно лишены историческаго основанія, но думаю, что большую часть ихъ можно справедливо приписать отцу его, о жестокомъ и кровожадномъ характерѣ котораго равно говорятъ христіанскія и арабскія лѣтописи. Онъ предалъ смерти воиновъ изъ знаменитой линіи Абенсерраговъ, подозрѣвая ихъ въ заговорѣ противъ своего престола. Самъ Боабдилъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ своей матерью въ Комарову башню и сдѣлался бы жертвой его ярости, если бы нѣжная мать не спустила его съ башни посредствомъ шарфовъ и съ помощію прислужницъ

своихъ, и не доставила ему способовъ укрыться въ Кадиксѣ.

Во все продолженіе своего краткаго и несчастнаго царствованія, Боабдилъ обнаруживаетъ признаки добраго и кроткаго характера. Въ началѣ онъ пріобрѣтаетъ любовь народную привѣтливымъ и ласковымъ обращеніемъ своимъ; всегда миролюбивый, онъ не предписываетъ ни однаго строгаго наказанія даже случайно возмутившимся противъ него. Онъ былъ лично храбръ, но ему не доставало нравственнаго мужества, и въ трудныя и опасныя минуты онъ не умѣлъ быть рѣшительнымъ. Слабость духа ускорила паденіе его и лишила его славы мужественнаго воина, которая могла бы придать ему величіе.

Въ живописной галлереѣ дворца Генералифе я видѣлъ портретъ Боабдила. Лице его кротко, привлекательно и нѣсколько задумчиво, нѣжнаго цвѣта, съ желтыми волосами; если изображеніе это сходно, то въ немъ видна нерѣшительность, но въ чертахъ его нѣтъ выраженія злобы и жестокости. Потомъ я посѣтилъ темницу, въ которой онъ былъ заключенъ въ молодости своей, жестокимъ отцомъ. Это комната со сводами, подъ Залой Посланниковъ, раздѣленная узкимъ проходомъ; точно такая же комната служила темницей матери его, добродѣтельной Эксаля Хоррѣ. Стѣны замѣчательной толщины, а окна укрѣплены желѣзными рѣшетками. Узкая каменная галлерея съ низкими перилами, окружающая башню съ трехъ сторонъ, проходитъ какъ разъ подъ этими окнами, но на значительной вышинѣ отъ земли. Предполагаютъ,

что съ этой галереи царица спустила сына, для бѣгства въ Кадиксъ.

Послѣ этого я отыскалъ ворота, чрезъ которые Боабдилъ выѣхалъ изъ Альгамбры, когда столица его должна была сдаться. Несчастный царь требовалъ отъ католическихъ монарховъ, чтобы никому послѣ него не былъ дозволенъ входъ въ эти ворота. Просьба его, по сказаніямъ древнихъ хроникъ, была исполнена, благодаря участію Изабеллы къ нему, и ворота заложены камнемъ. Нѣсколько времени я тщетно искалъ ихъ, наконецъ мой усердный слуга Матео узналъ отъ старожиловъ крѣпости, что дѣйствительно и теперь еще существуютъ разрушенные ворота, и никто не запомнитъ, чтобы они когда нибудь отворялись. Онъ привелъ меня къ этому мѣсту. Вороты находились въ центрѣ нѣкогда огромной башни, называемой *башней о семи этажахъ*, — знаменитое мѣсто въ суевѣрныхъ народныхъ разсказахъ по его чудеснымъ явленіямъ и маврскимъ колдовствамъ.

Эта нѣкогда грозная башня теперь больше ничего, какъ развалина. Большія массы развалившихся стѣнъ разбросаны кругомъ нея и покрыты роскошной растительностью: тутъ есть и виноградники и фиговыя деревья. Арка надъ воротами, хотя треснувшая отъ удара, до сихъ поръ сохранилась, но послѣднее желаніе бѣднаго Боабдила было выполнено опять, хотя и безъ намѣренія: порталъ сдѣлался непроходимъ отъ набросанныхъ каменьевъ, отдѣлившихся отъ руинъ. Слѣдуя по пути мусульманскаго монарха, по указаніямъ преданій, я переѣхалъ верхомъ холмъ *Las Mar-*

tyres, вдоль садовъ, принадлежащихъ монастырю этого имени, и оттуда спустился въ изрытый оврагъ, окруженный чащею алоэ и индѣйскихъ фигъ, и наполненный множествомъ пещеръ и хижинъ, обитаемыхъ цыганами. Боабдилъ избралъ эту дорогу, чтобы избѣжать проѣзда чрезъ городъ. Спускъ въ оврагъ такъ крутъ и изрытъ, что я долженъ былъ сойти съ лошади и вести ее подъ уздцы. Выбравшись изъ оврага, и проѣхавъ черезъ *Puela de Los Molinos* (ворота мельницъ), я продолжалъ свой путь по публичному гулянью Прадо и вдоль теченія Ксенила, и подъѣхалъ къ небольшой маврской мечети, обращенной въ капеллу или эрмитажъ Санъ Себастіана. Надпись на стѣнѣ возвѣщаетъ, что на этомъ мѣстѣ Боабдилъ вручилъ ключи отъ Гренады Кастильскимъ монархамъ. Оттуда я проѣхалъ тихимъ шагомъ чрезъ Вегу, въ деревню, въ которой ожидали несчастнаго царя его семейство и домашніе; онъ ихъ выслалъ въ предшествующую ночь изъ Альгамбры, чтобъ избавить мать и жену свою отъ зрѣлища его личнаго униженія, и не подвергать ихъ взорамъ побѣдителей. Продолжая слѣдовать по пути царскихъ изгнанниковъ, я подъѣхалъ къ цѣпи мрачныхъ и обнаженныхъ скалъ, составляющихъ границу Алпухаррскихъ горъ. Съ вершины одной изъ нихъ, несчастный Боабдилъ бросилъ послѣдній взоръ на Гренаду; она до сихъ поръ носитъ имя, выражающее грусть его: *la Cuesta de las Lagrimos* (слезная гора); за ней извивается песчаная дорога чрезъ утесистую, мрачную пустыню, вдвойнѣ печальную для Боабдила, потому что она вела его въ изгнаніе. Я пришпорилъ своего коня и поднял-

ся на вершину скалы, на которой Боабдилъ въ послѣдній разъ тяжело вздохнулъ и сказалъ послѣднее прости; скала носитъ названіе *el ultimo Suspiro del Moro* (послѣдній вздохъ Мавра).

На вершинѣ этой скалы печаль его была усилена упрекомъ матери его Хорры, которая часто служила ему опорой во дни опасностей, и тщетно усиливалась вдохнуть въ него свой собственный рѣшительный духъ. «Ты правъ,» сказала она, «что плачешь какъ женщина о томъ, чего не умѣлъ защитить какъ мужчина»: слова, выражающія болѣе гордость принцессы, нежели нѣжность матери.

Когда разсказъ этотъ былъ переданъ Карлу V, архіепископомъ Гуеварскимъ, императоръ выразилъ презрѣніе свое къ слабости Боабдила. «Еслибъ я былъ онъ, или онъ я», сказалъ высокомѣрный государь, «я скорѣе бы выбралъ Альгамбру своей могилой, нежели рѣшился бы жить безъ царства въ Алпухаррѣ.»

Какъ легко въ могуществѣ и благоденствіи проповѣдывать героизмъ побѣжденнымъ! какъ мало могутъ понять счастливцы, что самая жизнь получаетъ цѣну для несчастливцевъ, которымъ ничего не остается кромѣ жизни!

XII. БАЛКОНЪ.

Въ центральномъ окнѣ Залы Посланниковъ есть балконъ, о которомъ я уже упоминалъ. Подобно клѣткѣ на фасадѣ башни, онъ виситъ высоко надъ вершинами деревьевъ, растущихъ на крутомъ холмѣ, и служитъ мнѣ въ родѣ обсерваторіи. Часто сажусь я на него и гляжу не столько на небеса, какъ на землю, разстилающуюся внизу. Кромѣ великолѣпнаго вида на горы, долину, вегу, мнѣ представляется еще забавная сцена дѣятельной людской жизни. У подошвы холма есть *аламеда*, или публичное гулянье, хотя не такъ фешенебельное, какъ новѣйшее *пазео* (гулянье) Хенила, но соединяющее разнообразное и живописное общество. Здѣсь встрѣтишь и мелкое дворянство предмѣстья, и священниковъ, и монаховъ, гуляющихъ для возбужденія апетита или для пищеваренья, и *махо* и *маха*, франтовъ и франтихъ нисшихъ классовъ, въ ихъ андалузскихъ одеждахъ, и важныхъ контрабандистовъ.

Я люблю изучать эту полную движенія, пеструю картину испанской жизни, и какъ натуралистъ, дѣлающій свои изслѣдованія съ помощью микроскопа, я также навожу маленькій карманный телескопъ, который представляетъ мнѣ эти движущіяся группы съ такою ясностью и точностью, что, какъ мнѣ кажется, я могу угадывать разговоры по игрѣ и выраженію физіономій. Есть большое предмѣстіе ниже Альгам-

бры, наполняющее собою узкое ущелье долины и распространяющееся на противуположномъ холмѣ Альбесина. Въ немъ многіе дома выстроены въ маврскомъ стилѣ, съ круглыми открытыми патіосъ, или дворами, и прохладными фонтанами: такъ какъ обитатели этихъ домовъ проводятъ большую часть лѣта на этихъ дворахъ или на плоскихъ крышахъ, то много сценъ домашней жизни могутъ быть подстережены такимъ зрителемъ, который, подобно мнѣ, можетъ смотрѣть на нихъ изъ далека.

Я наблюдалъ Альбесинъ въ разные часы дня. Едва заря занимается на небесахъ, и крикъ пѣтуха раздается въ хижинахъ на холмѣ, какъ слобода начинаетъ оживляться, потому что свѣжесть утреннихъ часовъ драгоцѣнна лѣтомъ, въ знойномъ климатѣ. Съ восходомъ солнечнымъ всѣ спѣшатъ на свои дневныя работы. Погоньщикъ муловъ отправляется въ путь съ своимъ грузомъ, путешественникъ привязываетъ карабинъ за сѣдло и садится на лошадь у воротъ гостинницы; смуглый крестьянинъ погоняетъ своихъ вьючныхъ муловъ, нагруженныхъ корзинами лѣтнихъ плодовъ и свѣжею, покрытой росою, зеленью, а заботливая хозяйка уже спѣшитъ на рынокъ. Солнце взошло и ярко блеститъ на долинѣ, освѣщая прозрачную листву рощь. Утренній звукъ колокола мелодически раздается въ чистомъ, ясномъ воздухѣ, призывая къ молитвѣ, погоньщикъ муловъ останавливаетъ своихъ навьюченыхъ животныхъ передъ часовней, и входитъ съ шляпой въ рукѣ, приглаживая свои черные какъ

смоль волосы, прослушать раннюю обѣдню и помолиться набожно за благополучный путь чрезъ сіерру. Вотъ выступаетъ сеньора, въ нарядной баскинѣ, съ вѣчно двигающимся вѣеромъ въ рукахъ, она ищетъ многолюдную церковь для своего утренняго богомолья; ее сопровождаетъ заботливая мать или тетка. Чѣмъ позднѣе утро, тѣмъ болѣе развивается трудолюбивая жизнь со всѣхъ сторонъ; на улицахъ толпится народъ, лошади и вьючныя животныя, слышны шумъ и говоръ, подобный волнамъ океана. Но по мѣрѣ того, какъ солнце приближается къ полудню, шумъ и говоръ затихаютъ, въ полдень все замолкнетъ. Истомленный жаромъ городъ погружается въ бездѣйственность; въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ царствуетъ общее успокоеніе. Окна затворены, занавѣси задернуты, жителй ищутъ убѣжища въ самыхъ прохладныхъ пріютахъ домовъ своихъ, сытый монахъ храпитъ въ своей кельѣ, смуглый носильщикъ растягивается на мостовой, возлѣ своей ноши, крестьянинъ и земледѣлецъ спятъ подъ деревьями Аламеды, убаюкиваемые жужжаніемъ стрекозы. Улицы пусты, слышенъ только крикъ водоноса, который возвѣщаетъ о вкусѣ своего сверкающаго напитка: «холоднѣе горнаго снѣга». Съ приближеніемъ солнечнаго захода все опять постепенно оживаетъ, и когда умолкаетъ благовѣстъ къ вечернѣ, вся природа кажется радуется вмѣстѣ съ людьми, вездѣ раздается веселый говоръ, всѣ спѣшатъ подышать вечернимъ воздухомъ на гуляньѣ и въ садахъ Дарро и Ксенила. При наступленіи ночи картина еще разъ из-

мѣняется. Огни гаснутъ одинъ за другимъ, виднѣется только здѣсь — фонарь на балконѣ, тамъ — обреченная лампада передъ иконой святого. Въ это время, съ дворовъ и садовъ, съ улицъ и переулковъ долетаютъ бренчанье гитаръ, звуки кастаньетовъ, и сливаются въ вышинѣ въ одинъ общій, неясный концертъ.

Однажды сидѣлъ я вечеромъ на балконѣ, наслаждаясь свѣжимъ вѣтеркомъ, пробѣгающимъ по горѣ, между вершинами деревъ, когда подошелъ ко мнѣ мой смиренной исторіографъ Матео и, указывая на великолѣпный домъ въ одной темной улицѣ Альбесина, разсказалъ мнѣ слѣдующее преданье.

XIII. ПРЕДАНЬЕ О КАМЕНЬЩИКѢ.

Жилъ нѣкогда въ Гренадѣ бѣдный каменьщикъ или кирпичникъ. Какъ настоящій католикъ, онъ соблюдалъ всѣ дни святыхъ и праздники, и даже сверхъ того святые понедѣльники, но между тѣмъ все бѣднѣлъ да бѣднѣлъ и едва могъ заработывать хлѣбъ для своей многочисленной семьи. Одинъ разъ, ночью, только что успѣлъ онъ заснуть, какъ былъ разбуженъ стукомъ въ дверь. Отворивъ ее, онъ увидѣлъ предъ собою высокаго, худого, похожаго на скелетъ священника.

«Послушай, честный пріятель, сказалъ ему незнакомецъ: — я замѣтилъ, что ты добрый христіанинъ, стало быть тебѣ можно довѣриться: не хочешь ли

взяться за одну работу для меня, но съ условіемъ — начать нынѣшнею же ночью?»

— Я радъ всѣмъ сердцемъ, сеньоръ падре, только заплатите мнѣ хорошенько.

«Ты будешь доволенъ, но ты долженъ согласиться, чтобъ тебѣ завязали глаза.»

Каменьщикъ не возражалъ; священникъ завязалъ ему глаза и повелъ его куда-то кривыми переулками и извилистами переходами; наконецъ они остановились у крыльца одного дома; священникъ вынулъ ключъ, повернулъ его въ заскрипѣвшимъ замкѣ и отворилъ тяжелую, какъ казалось, дверь. Они вошли, священникъ заперъ дверь опять на задвижку и черезъ коридоръ, въ которомъ громко раздавались шаги проходившихъ, и пространную залу, повелъ каменьщика во внутреннюю часть зданія. Здѣсь сняли повязку съ глазъ его, и онъ увидалъ себя въ *patio*, или на дворѣ, темно освященномъ одною лампою. Въ срединѣ двора былъ изсякшій бассейнъ древняго маврскаго фонтана, и подъ нимъ-то священникъ приказалъ каменьщику возвести небольшую стѣну. Кирпичь и известка были уже приготовлены; каменьщикъ принялся за дѣло, проработалъ всю ночь, но не докончилъ стѣны. Передъ самымъ разсвѣтомъ священникъ положилъ ему въ руку золотой, опять завязалъ ему глаза и отвелъ его домой.

«Согласенъ ли ты, сказалъ онъ, опять возвратиться и докончить свою работу?»

— Охотно, сеньоръ падре, если мнѣ также хорошо заплатятъ.

«Такъ завтра въ полночь я опять приду за тобою.»

Священникъ сдержалъ свое слово и стѣна была доведена до надлежащей высоты. Между ней и бассейномъ образовалась небольшая пустота или отверстіе.

«Теперь, сказалъ священникъ, ты долженъ пособить мнѣ перенести сюда тѣла, которыя должны быть погребены за этой стѣной.»

У бѣднаго каменьщика волосы стали дыбомъ при этихъ словахъ; дрожа всѣмъ тѣломъ, пошелъ онъ за священникомъ въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ дома, ожидая найти въ ней какое нибудь ужасное зрѣлище смерти, но успокоился, увидѣвъ три или четыре большіе кувшина, стоящіе въ углу. Очевидно, они были полны денегъ; съ большимъ трудомъ каменьщикъ съ священникомъ снесли ихъ и поставили за стѣну подъ бассейномъ, потомъ стѣну окончательно заложили и всѣ слѣды недавней работы были скрыты. Священникъ опять завязалъ каменьщику глаза и повелъ его домой, но не той дорогой, по которой они пришли. Пространствовавъ нѣсколько времени по множеству сбивчивыхъ дорогъ и закоулковъ, священникъ положилъ ему въ руку два золотыхъ и сказалъ: «Подожди здѣсь, пока соборный колоколъ проблаговѣститъ къ заутрени, но если ты вздумаешь до тѣхъ поръ развязать себѣ глаза, съ тобой приключится бѣда.»

Каменьщикъ съ точностью исполнилъ это приказаніе и въ ожиданіи благовѣста забавлялся, взвѣшивая

золотыя монеты въ рукѣ и ударяя ими одна объ другую. Когда соборный колоколъ заблаговѣстилъ къ заутрени, онъ снялъ повязку съ глазъ и увидалъ себя на берегу Хенила; тогда онъ поспѣшилъ домой, и цѣлыхъ двѣ недѣли онъ пропировалъ съ семьей на заработокъ двухъ ночей, а потомъ очутился такимъ же бѣднякомъ, какъ былъ прежде. Онъ продолжалъ работать понемножку, а молиться очень много, и соблюдалъ всѣ праздники. Годы шли за годами, семья его росла, тощая и оборванная, какъ толпа цыганятъ. Однажды вечеромъ, когда сидѣлъ онъ у дверей своей хижины, къ нему подошелъ старый, богатый скряга, владѣлецъ многихъ домовъ, слывшій большимъ ростовщикомъ. Богачъ взглянулъ изъ подъ своихъ нависшихъ, угрюмыхъ бровей и сказалъ:

«Я слышалъ, пріятель, что ты очень бѣденъ.»

«Нечего таить, сеньоръ, моя бѣдность сама за себя говоритъ.»

«Такъ ты, я полагаю, радъ будешь найти работу и возьмешь дешево.»

«Также дешево, господинъ, какъ и любой каменьщикъ въ Гренадѣ.»

«Мнѣ того и нужно; у меня есть старый домъ, совсѣмъ развалившійся, и поддерживать его мнѣ обходится дороже того что онъ самъ стоитъ, потому что жить въ немъ никто не хочетъ; поэтому, мнѣ и надо найти способъ его поддерживать и починивать какъ можно дешевле...»

Онъ привелъ каменьщика къ большому, необитае-

мому, полуразвалившемуся дому. Пройдя нѣсколько пустыхъ залъ и комнатъ, они вошли во внутренній дворъ, въ которомъ каменьщикъ увидѣлъ древній, маврскій фонтанъ. Онъ остановился на минуту, неясное воспоминанье промелькнуло у него въ головѣ.

«Смѣю спросить, сказалъ онъ, кто прежде жилъ въ этомъ домѣ?»

«Лучше и не поминать! воскликнулъ владѣлецъ, здѣсь жилъ одинъ старый священникъ, который только и думалъ что о себѣ. Говорятъ, онъ былъ очень богатъ, и такъ какъ у него не было родныхъ, полагали, что онъ завѣщаетъ свои сокровища церкви. Умеръ онъ скоропостижно; священники и монахи толпились у него въ домѣ, спѣша завладѣть его имуществомъ, но ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ дукатовъ въ кошелькѣ. Но вся бѣда обрушилась на меня; съ самой смерти своей старикъ не оставляетъ моего дома, не платя за квартиру, а на мертвеца нѣтъ суда. Разсказываютъ, будто въ комнатѣ, гдѣ онъ спалъ, слышенъ звонъ золота во всю ночь, а иногда на дворѣ стенанія и рыданія. Правда это или нѣтъ — не знаю, только, благодаря такой молвѣ о моемъ домѣ, ни одинъ жилецъ не хочетъ въ немъ оставаться.»

«Хорошо, отрывисто сказалъ каменьщикъ:—пустите меня безъ платы жить въ вашемъ домѣ, пока найдутся болѣе выгодные постояльцы, и я обязуюсь починить его и возстановить въ немъ спокойствіе. Я добрый христіанинъ и бѣдный человѣкъ, и меня не испугаетъ никакое привидѣнье.

Предложеніе честнаго каменьщика было принято съ радостью; онъ переселился съ своимъ семействомъ въ домъ ростовщика и исполнилъ всѣ свои обѣщанія. По немногу онъ привелъ старый домъ въ прежній видъ; звонъ золота уже не былъ слышенъ по ночамъ въ комнатѣ покойнаго священника, но за то этотъ звонъ начали слышать днемъ въ карманѣ живого каменьщика. Однимъ словомъ, онъ быстро разбогатѣлъ, къ удивленію всѣхъ своихъ сосѣдей, и сдѣлался однимъ изъ первыхъ богачей Гренады. Какъ истинный католикъ, онъ много жертвовалъ въ церковь, для успокоенія своей совѣсти и не открывалъ тайны о зарытыхъ деньгахъ никому, кромѣ своего сына и наслѣдника, да и тому-то сказалъ ее только на смертномъ одрѣ.

XIV. ПРОГУЛКА ПО ХОЛМАМЪ.

Часто по вечерамъ, когда спадетъ дневный жаръ, я отправляюсь бродить по сосѣднимъ холмамъ и глубокимъ, тѣнистымъ долинамъ. Словоохотливости Матео я даю въ эти минуты безграничную свободу, и едва ли найдется какая нибудь развалина, скала или уединенная долина, о которой онъ не разсказалъ бы какого нибудь преданья.

Нѣсколько вечеровъ назадъ, мы сдѣлали дальнюю прогулку такого рода, и въ продолженіе ея Матео былъ говорливѣе обыкновеннаго. Около захожденія солнца, мы вошли въ большіе ворота Правосудія. Немного

отойдя отъ нихъ, Матео остановился близь купы фиговыхъ деревьевъ, у подошвы огромной разрушенной башни, называемой *башней семи этажей*. Здѣсь, указывая на низкую арку при фундаментѣ башни, онъ объявилъ мнѣ, что со временъ мавровъ здѣсь живетъ привидѣнье, которое стережетъ въ ней сокровища мусульманскихъ царей. Иногда въ темныя ночи оно оставляетъ башню и несется по садамъ Альгамбры и улицамъ Гренады, въ образѣ лошади безъ головы, преслѣдуемой шестью собаками съ страшнымъ воемъ и рычаньемъ.

«Не встрѣтилъ ли ты его когда нибудь самъ, Матео?» спросилъ я.

— Нѣтъ, сеноръ, благодаря Бога, но мой дѣдъ портной зналъ многихъ, лично его видѣвшихъ: въ его время онъ показывался чаще, нежели теперь, то въ томъ, то въ другомъ видѣ. Всякой въ Гренадѣ слыхадъ о Белладо, потому что старухи наши, и теперь пугаютъ имъ дѣтей, когда они кричатъ. Иные говорятъ, что это привидѣнье — духъ одного жестокаго Маврскаго короля, который убилъ своихъ шестерыхъ сыновей и зарылъ ихъ въ стѣнахъ башни, а они въ отмщеніе гоняются за нимъ по ночамъ.

Не останавливаюсь на подробностяхъ, переданныхъ мнѣ добродушнымъ Матео, объ этомъ страшномъ привидѣніи, которое въ свое время дѣйствительно было любимой темой народныхъ преданій и разсказовъ нянекъ. Скажу только, что черезъ ворота этой самой башни вышелъ несчастный Боабдилъ во время сдачи своей столицы.

Оставивъ это достопамятное зданіе, мы продолжали путь нашъ мимо плодоносныхъ садовъ Генералифе, въ которомъ раздавались мелодическіе звуки пѣсенъ двухъ или трехъ соловьевъ. За этими садами было нѣсколько маврскихъ бассейновъ и двери, пробитыя въ скалистой внутренности горы, но запертыя. Бассейны эти были любимымъ купаньемъ Матео и товарищей его дѣтства, покуда ихъ не напугали исторіей о безобразномъ Маврѣ, который будто бы выходилъ изъ двери въ скалѣ и захватывалъ съ собою неосторожныхъ купальщиковъ.

Оставивъ за собою зэколдованные бассейны, мы направили прогулку нашу по уединенной тропинкѣ муловъ, извивающейся межь холмовъ, и скоро очутились среди ликихъ и мрачныхъ горъ, лишенныхъ тѣни деревьевъ, и только тамъ и сямъ покрытыхъ тощею зеленью. Все, что представлялось нашимъ взорамъ, было угрюмо и безплодно, и трудно было вообразить себѣ, что въ близкомъ разстояніи за нами Генералифе съ его цвѣтущими и тѣнистыми садами, что мы въ окрестностяхъ очаровательной Гренады, царства благоухающихъ рощь и фонтановъ. Но такова природа Испаніи: вездѣ, гдѣ ее не коснулась обработка, она сурова и дика. Пустыня и садъ въ ней на всякомъ шагу сталкиваются вмѣстѣ.

— Что значитъ этотъ крестъ, который я вижу тамъ, на грудѣ камней, въ самомъ узкомъ мѣстѣ оврага? спросилъ я моего спутника.

«О, это ничего! здѣсь былъ убитъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ погоньщикъ муловъ.

— Такъ у васъ, Матео, водятся еще разбойники и смертоубійцы, даже у самыхъ воротъ Альгамбры?

«Не теперь, сеноръ, это было прежде, когда въ крѣпости жило много негодяевъ, которыхъ теперь разогнали. Нельзя сказать, чтобъ и цыгане, которые живутъ въ подвалахъ, у подошвы горы, близъ самой крѣпости, не были способны на всякое дурное дѣло; но давно уже у насъ не случалось смертоубійства. Убійца погоньщика муловъ былъ повѣшенъ въ крѣпости.»

Налѣво отъ дороги, по которой мы шли, возвышалась утесистая вершина, называемая *сѣдалище Мавра*, по преданію о несчастномъ Боабдилѣ, скрывшемся тутъ во время народнаго возстанія и просидѣвшемъ цѣлый день на вершинѣ скалы, грустно глядя съ высоты ея на свою возмутившуюся столицу. Наконецъ мы достигли высочайшей части мыса, возвышающагося надъ Гренадой и называемаго Солнечной горой. Вечеръ приближался; заходящее солнце озаряло высокія вершины. Тамъ и сямъ одинокій пастухъ гналъ стадо свое по уступамъ горъ въ ночные загоны, или запоздавшій погоньщикъ муловъ погонялъ по горной тропинкѣ своихъ животныхъ, спѣша добраться до городскихъ воротъ прежде наступленія ночи. Глухіе звуки соборнаго колокола разносились по ущельямъ, призывая къ молитвѣ. Имъ отвѣчали съ колоколенъ всѣхъ церквей, и торжественные звуки монастырскихъ колоколовъ вызывали эхо горъ. Пастухъ остановился на склонѣ холма, погоньщикъ среди дороги, и каждый изъ нихъ, снявъ шляпу, набожно простоялъ нѣ-

сколько минутъ безъ движенія, нашептывая вечернюю молитву.

Въ настоящемъ случаѣ эффектъ этотъ усиливался дикою и уединенною мѣстностью. Мы шли по обнаженной, отвѣсной вершинѣ, на которой разрушенные бассейны и разсыпавшіеся фундаменты нѣкогда громадныхъ зданій свидѣтельствовали о прежней населенности ея, но теперь все было пусто и безмолвно. Пока мы бродили между этихъ древнихъ развалинъ, Матео указалъ мнѣ на круглую яму, какъ казалось, проникающую во внутренность горы. Очевидно, то былъ глубокій колодезь, вырытый неутомимыми Маврами, для добытія чистой воды. Матео однако о немъ имѣлъ въ запасѣ разсказъ, приходившійся ему болѣе по вкусу. По его словамъ, то былъ входъ въ подземныя пещеры горы, въ которыхъ Боабдилъ и дворъ его лежали заколдованные, выходя оттуда только по ночамъ, въ извѣстное время, чтобы посѣщать свои прежнія жилища.

Сгущающійся сумракъ, столь краткій въ этомъ климатѣ, вынудилъ насъ оставить этотъ любимый пріютъ фантомовъ, и когда мы стали спускаться въ ущелье горы, уже не видно было ни пастуха, ни погоньщика муловъ, не слышно было ничего, кромѣ нашихъ шаговъ—да однообразнаго чириканья сверчка. Тѣнь долины становилась все гуще и гуще, наконецъ все стемнѣло вокругъ насъ. Высокія скалы Сіерра-Невады однѣ удерживали дражащій лучъ свѣта, ея снѣговыя вершины ясно обозначались на темно-голу-

бомъ горизонтѣ и, казалось, были совсѣмъ близко отъ насъ: такъ прозрачна, ясна здѣсь атмосфера.

«Какъ близка кажется нынѣшнимъ вечеромъ Сіерра-Невада! сказалъ Матео:—кажется, рукою подать, а между тѣмъ она отъ насъ въ нѣсколькихъ миляхъ.»

Пока онъ говорилъ, звѣзда показалась надъ снѣжной вершиной горы; она одна виднѣлась еще на небѣ, но такъ ясна, велика, ярка и прекрасна, что привела въ восторгъ честнаго Матео.

«Какая прелестная звѣзда! какъ она свѣтла и прозрачна! нѣтъ звѣзды блестящѣе ее!» Я часто замѣчалъ сочувствіе испанскаго простонародья къ красотамъ природы. Блескъ звѣзды, красота и благоуханье цвѣтка, кристальная чистота фонтана, доставляютъ имъ высокое наслажденье. И какія звучныя слова находятъ они на своемъ роскошномъ языкѣ, для выраженія своего восторга!

«А что это за огни, Матео, мелькаютъ вдоль Сіерры-Невады, какъ разъ подъ снѣговыми предѣлами? Ихъ бы можно принять за звѣзды, еслибъ они не были нѣсколько грубѣе, и виднѣлись бы не съ темной стороны.»

«Сеньоръ, это костры, которые зажигаюгъ собирающіе снѣгъ и ледъ для продовольствія Гренады. Эти люди отправляются каждое послѣ обѣда на мулахъ и ослахъ; но очереди одни изъ нихъ грѣются у костровъ, а другіе накладываютъ ледъ въ корзины; они оставляютъ теперь гору, чтобы поспѣть въ Гренаду до захожденія солнца. Эта Сіерра Невада, сеньоръ, ледя-

ная лампа, въ срединѣ Андалузіи, данная ей для того, чтобы поддерживать въ ней прохладу лѣтомъ.»

Уже совсѣмъ стемнѣло; мы проходили мимо креста зарѣзаннаго погоньщика муловъ, когда я увидѣлъ рядъ огней, движущихся въ отдаленіи и подходящихъ къ оврагу. Подошедъ ближе, я разглядѣлъ толпу непріятныхъ фигуръ, одѣтыхъ въ черное и несшихъ факелы. Эта процессія могла бы навести страхъ во всякое время, въ особенности же въ этомъ глухомъ, дикомъ мѣстѣ.

Матео подошелъ ко мнѣ ближе, и шепнулъ мнѣ, что это было погребальное шествіе, провожающее тѣло на кладбище между холмами. Мрачный свѣтъ факеловъ, упадавшій на грубыя черты и похоронную одежду служителей, придавалъ имъ самый фантастическій колоритъ, особенно, когда я увидалъ трупъ, несомый, по испанскому обычаю, въ открытомъ гробѣ. Я постоялъ нѣсколько времени, разсматривая эту мрачную группу, пока она не скрылась въ темномъ ущельи.

«Ахъ, сеньоръ» вскричалъ Матео, «я бы могъ разсказать вамъ объ одной процессіи, которую нѣкогда видѣли въ этихъ горахъ, но вы засмѣетесь надо мной и скажете, что это одно изъ завѣщаній моего дѣдушки портного.»

«Нѣтъ, Матео, я очень радъ слушать твои разсказы.

«Хорошо, сеноръ; исторія идетъ объ одномъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ мы сейчасъ говорили, что они собираютъ снѣгъ на Сіерра-Невадѣ. Надо вамъ ска-

зать, что много лѣтъ назадъ, во времена моего дѣда, жилъ былъ старикъ Тіо Николо. Однажды вечеромъ, наполнивъ корзины своего мула, онъ задремалъ, и скоро крѣпко уснулъ, качаясь головой изъ стороны въ сторону, тогда какъ его вѣрный, старый мулъ ступалъ по краю пропасти, такъ же твердо и безопасно, какъ бы по гладкому пространству. Наконецъ Тіо Николо проснулся, протеръ себѣ глаза, оглянулся кругомъ и... что же онъ увидѣлъ? Мѣсяцъ свѣтилъ ярко какъ день, и онъ увидалъ въ низу, какъ на ладони, городъ—съ бѣлыми его зданіями, какъ серебряное блюдо при лунномъ сіяніи. Но, Господи Боже мой! сеньоръ, то былъ не тотъ городъ, который онъ оставилъ нѣсколько часовъ назадъ! Вмѣсто собора, съ его высокимъ куполомъ и башнями, вмѣсто монастырей съ зубчатыми стѣнами, украшенныхъ святымъ крестомъ, вмѣсто церквей съ ихъ стрѣлами, онъ увидѣлъ маврскія мечети, и минареты, и куполы, а надъ ними блестѣлъ полумѣсяцъ, такой, какой изображается на знаменахъ мусульманъ. Ну, сеньоръ, можете себѣ представить, какъ растревожился Тіо Николо такимъ зрѣлищемъ! Тѣмъ временемъ, какъ онъ глядѣлъ на городъ, большое войско подвигалось къ горѣ, проходя между излучистыхъ овраговъ: оно то озарялось луннымъ свѣтомъ, то скрывалось въ тѣни. Когда оно подошло ближе къ нему, онъ увидѣлъ, что воины были въ маврскомъ вооруженіи; онъ попытался было дать имъ дорогу, но старый мулъ его стоялъ какъ вкопанный, точно приросъ къ своему мѣсту, и трясся какъ листъ—вѣдь и

нѣмыя животныя боятся такихъ явленій не менѣе человѣка. Между тѣмъ войско приближалось; иные, казалось, трубили въ трубы, другіе били въ барабаны и ударяли въ цымбалы, но самыхъ звуковъ не было слышно, точно на картинкѣ; при томъ всѣ лица были блѣдны, какъ смерть. Наконецъ позади войска, промежь двухъ черныхъ маврскихъ всадниковъ, ѣхалъ великій инквизиторъ Гренады, на бѣломъ, какъ снѣгъ, мулѣ. Подивился Тіо Николо, увидѣвъ его въ такомъ обществѣ, потому что инквизиторъ славился своею ненавистью къ Маврамъ, и изъ всѣхъ родовъ невѣрныхъ, жидовъ и еретиковъ, онъ истреблялъ ихъ по преимуществу огнемъ и мечемъ. Однако, Тіо Николо, почелъ себя въ безопасности, увидѣвъ такого святого мужа по близости; перекрестившись, онъ попросилъ его благословенія, какъ вдругъ, бррръ!.. онъ почувствовалъ такой ударъ, что и самъ, и его старый мулъ покатились головою внизъ, съ края крутого берега прямо ко дну!.. Давно уже солнце взошло, а Тіо Николо все еще не могъ прійдти въ себя, когда же онъ очнулся, то увидѣлъ, что онъ на днѣ глубокаго оврага, мулъ пасся около него, а снѣгъ и ледъ въ корзинахъ давно уже растаяли. Онъ возвратился опять въ Гренаду измученный и усталый, и радъ былъ, увидѣвъ, что городъ стоитъ какъ наканунѣ, съ христіанскими церквами и крестами.

Всѣ смѣялись надъ нимъ, когда онъ сталъ разсказывать свое ночное приключеніе; одни говорили, что онъ все это выдумалъ, другіе—что онъ видѣлъ все это

во снѣ, задремавъ на своемъ мулѣ.... Дѣдъ мой объясняетъ все это колдовствомъ.»

Когда Матео кончилъ свою сказку, мы подошли къ воротамъ Альгамбры.

(*Продолженіе будетъ*). — Не было!

ФИНИКІЯНЕ (*).

1. Общій характеръ Сиріи и ея обитатели.

Югозападная часть малой Азіи, страна между Тигромъ, Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ, составляетъ сирійскую нагорную плоскость, незамѣтно возвышающуюся у Евфрата, и переходящую потомъ, близъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря, въ высокіе горные кряжи, врѣзывающіеся въ море крутыми скалами и обрывами. Эта обширная нагорная плоскость прорѣзывается во всю длину, отъ сѣвера къ югу, между горными кряжами ливанскимъ и антиливанскимъ, скалистой расщелиной, небольшою узкою и глубокою долиною, дѣлящею всю страну на двѣ половины, восточную и западную. При Баальбекѣ, древнемъ Геліополисѣ, сирійская расщелина достигаетъ наибольшей своей высоты. Изъ Ливанскихъ горъ вытекаютъ самыя замѣчательныя по величинѣ сирійскія рѣки, — Оронтъ, теперешней Аси, Леонтъ и Іорданъ. Оронтъ, чистый, холодный горный источникъ, течетъ на сѣверъ, оро-

(*) Предлагаемая статья составлена по М. Дункеру, Г. Веберу и нѣкоторымъ другимъ сочиненіямъ.

шаетъ своимъ теченіемъ прибрежныя поля и сады деревень и большихъ городовъ, Эмесы и Апамеи, попадающихся ему на пути, потомъ сворачиваетъ къ сѣверозападу и при Антіохіи впадаетъ въ море. Леонтъ и Іорданъ текутъ на югъ; Леонтъ, прорываясь между вершинами Ливана и Антиливана, омываетъ своимъ верхнимъ теченіемъ богатую развалинами область Баальбека, потомъ быстро стремится къ западу, вливаясь близъ древняго Тира въ море, а Іорданъ, пробѣгая на пути своемъ, между скалистыми берегами, озера Меромское и Генисаретское и наполняясь небольшими горными ручьями, вливается въ Мертвое море, лежащее на 1300 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря. Недалеко отъ своего устья, Іорданъ оживляетъ прелестную іерихонскую долину, роскошно украшенную розовыми садами, стройными финиковыми пальмами, богатую виноградниками, лимонами и цѣлебнымъ бальзамомъ. Сирія не богата рѣками, не вездѣ она богата и растительностью; но за то, чѣмъ глубже ложбина сирійской расщелины, тѣмъ роскошнѣе ея лѣса и луга, и сочнѣе и обильнѣе плоды.

Къ востоку отъ полой Сиріи, Келесиріи древнихъ, подымается нагорная плоскость *Арамъ* (Верхняя страна), съ голыми, зубчатыми скалистыми гребнями, достигающими въ Антиливанѣ наибольшей высоты. Хребты этихъ горъ усѣяны зелеными лугами и дубовыми лѣсами; но далѣе къ востоку горы теряютъ свою растительность и высоту, страна становится безжизненнѣе и наконецъ, мало по малу, въ своей покатости къ Евфрату переходитъ въ совершенную пустыню, только

изрѣдка оживляемую плодоносными низменностями Тадмора (древней Пальмиры), Дамаска и Алеппо. Въ древности, впрочемъ, сирійская пустыня не была такъ обширна, какъ теперь. Неутомимый трудъ дѣятельнаго и энергическаго поселенія умѣлъ обращать песчаную почву страны заботливымъ орошеніемъ полей въ плодоносныя нивы, такъ что до предѣловъ прекрасной Пальмиры было много цвѣтущихъ городовъ, выдававшихся, подобно островамъ, изъ безконечнаго песчанаго моря. Теперь города эти совершенно исчезли.

Совершенно другой характеръ носитъ нагорная страна на западѣ расщелины. Страну эту, въ противоположность плоской возвышенности восточной, древніе называли Низменною страною, *Ханааномъ*. Весь берегъ Ханаана, занимавшій Финикію и береговую Палестину, состоитъ изъ довольно узкой полосы земли, расширяющейся въ небольшія долины при впаденіи въ море быстрыхъ нагорныхъ ручьевъ. Прибрежная полоса эта, особенно ея финикійскій берегъ, изобилуетъ прекрасными гаванями и хорошимъ морскимъ дномъ, хотя климатъ ея далеко нельзя назвать хорошимъ: тропическій жаръ не можетъ уничтожать береговой сырости воздуха, благодѣтельной для растительности и плодородія, но вредно дѣйствующей на здоровье жителей. Узкія береговыя долины довольно скоро подымаются и постепенно обращаются въ бѣлые и желтые известковые холмы и скалы предгорій. Самый воздухъ на этихъ высотахъ становится чище и прохладнѣе, Холмы украшаются богатымъ зеленымъ ковромъ, — мирты и олеандры, фиговыя и тутовыя деревья привольно рас-

тутъ въ сосѣдствѣ съ виноградомъ. Высокіе горные хребты покрываются величественными лѣсами тамарисковъ, платановъ, кипарисовъ и орѣховыхъ деревьевъ, среди которыхъ величаво рисуются широкостволые тѣнистые кедры, достигающіе не рѣдко девяноста футовъ вышины. Предъ высочайшими вершинами, покрытыми снѣгами, и голыми скалистыми гребнями стелятся богатыя сочными травами покатости, усѣянныя стадами тонкорунныхъ черныхъ козъ и овецъ, спокойствіе которыхъ иногда нарушается появленіемъ шакаловъ, медвѣдей и львовъ, живущихъ въ ущельяхъ скалъ. Близъ мыса Кармеля, далеко выходящаго въ море, вершины Ливанскихъ горъ достигаютъ своей наибольшей высоты (отъ 8000 до 9000 футовъ). Къ югу отъ Кармеля высота горъ замѣтно понижается — онѣ теряютъ свою крутизну, голые утесы не такъ рѣзко рисуются на далекомъ горизонтѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они лишаются и всей дикой красоты Ливанскихъ горъ. Берегъ становится площе, шире, но песчанѣе и бѣднѣе удобными гаванями. Здѣсь утесы уступаютъ мѣсто широкой, обильной травами горной возвышенности (Галилея), на которой только изрѣдка подымаются вершины подобныя Ѳавору (7000 футовъ). Далѣе снова появляются параллельныя горныя цѣпи и плодоносныя долины, орошаемыя обильными источниками и осѣняемыя фруктовыми садами и масличными лѣсами (Самарія), пока страна, по мѣрѣ приближенія къ Мертвому морю, не принимаетъ болѣе суроваго характера: изорванныя горныя вершины совершенно голы, долины узки и глубоко изрыты быстрыми горными

ручьями, почва вездѣ каменистая. Еще суровѣе характеръ древней Іудеи. Среди дикой, пустынной природы, на далекихъ пространствахъ разбросаны одинокіе кусты блѣдныхъ масличныхъ деревьевъ или рѣдкія группы пальмъ; самыя долины только въ короткое дождливое время года покрываются зеленью, быстро исчезающею отъ дѣйствія тропическаго солнца и горячихъ вѣтровъ. Страна вокругъ Мертваго моря совершенно безжизненна и пустынна. Сѣрные источники и асфальтовые слои почвы указываютъ на ея волканическое происхожденіе; сильное содержаніе соли въ водахъ Мертваго моря не дозволяетъ жить рыбѣ, а соляные осадки, покрывающіе окрестности, препятствуютъ растительности. Пустынныя воды Мертваго моря, окруженныя высокими скалистыми берегами, только и оживляются нѣсколько криками морскихъ птицъ, быстро разсѣкающихъ раскаленный воздухъ.

Западная нагорная страна Сиріи, — Финикія и Палестина, — рѣзко отличается своими особенностями отъ большихъ, однообразныхъ областей Месопотаміи (Междурѣчье, страна между Тигромъ и Евфратомъ) и Аравіи. Узкій берегъ страны и высокія горы, въ виду безбрежнаго моря, весьма естественно побуждали жителей оставлять твердую землю. Безконечная водная даль и любознательность, врожденная человѣку, уже въ глубочайшей древности были главными причинами великихъ географическихъ открытій, международныхъ сношеній и заимствованій. Хорошія гавани и заливы, обиліе корабельнаго лѣса и металла были богатыми средствами, содѣйствовавшими быстрому развитію мо-

реплаванія. Съ другой стороны, роскошная растительность глубокихъ низменностей страны вызываетъ къ легкому и прибыльному обработыванію полей, воздѣлыванію винограда и разведенію овощей и фруктовыхъ деревьевъ, между тѣмъ какъ высоколежащіе горные хребты и долины скорѣе дозволяютъ пастушескую жизнь, при которой земледѣліе не можетъ успѣшно развиваться, а служитъ только необходимымъ пособіемъ. Преобладающій характеръ мѣстности всего сирійскаго побережья и особенно финикійскаго, характеръ, вліянію котораго подчинялись многочисленные, большею частью замкнутые горные округи, не дозволялъ исключительнаго занятія земледѣліемъ. Нисколько не удивительно послѣ этого, что вмѣсто однообразнаго развитія многочисленныхъ народныхъ массъ, онѣ остались вѣрны вліянію мѣстностей, ихъ окружавшихъ; что вмѣсто большой деспотической монархіи, которыми былъ такъ богатъ Востокъ и въ древности, богатъ и теперь еще, здѣсь появились небольшія государства съ самостоятельнымъ и свободнымъ развитіемъ общественной жизни. Сирійское побережье, давшее своими особенностями самобытную цивилизацію народамъ, населявшимъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ избавляло своихъ жителей отъ разслабляющихъ вліяній тропическаго климата. Близость моря и горный воздухъ, мореплаваніе и бодрая, горная жизнь возбуждали и постоянно поддерживали энергію и силы обитателей для неутомимой дѣятельности. Если море невольно тянетъ берегового жителя вдаль, къ невѣдомымъ странамъ, и образовываетъ на своей, не всегда покойной и одинаковой, по-

верхности подвижное, предпріимчивое населеніе, то постоянно неизмѣнный характеръ горной природы и замкнутость долинъ побуждаютъ къ простому и неизмѣнному роду жизни, къ сохраненію продѣдовскихъ обычаевъ и преданій. Чѣмъ ближе сходятся такія противоположности, тѣмъ они сильнѣе дѣйствуютъ другъ на друга, тѣмъ жизненнѣе и богаче развитіе духовной дѣятельности народа, на долю котораго выпадаютъ такія счастливыя географическія условія.

Все сирійское побережье и внутренняя страна были заселены небольшими народами семитическаго происхожденія, считавшимися то коренными жителями страны, издревле ее населявшими, то пришельцами, переселившимися изъ сосѣднихъ восточныхъ областей Малой Азіи и утвердившимися въ странѣ силою оружія. Южную часть Сиріи, отдѣленную отъ восточнаго устья Нила обширными болотистыми озерами, солончаками и огромными пространствами наносныхъ песковъ, занимали сильные, воинственные Филистимляне. Къ сѣверу отъ Кармеля, у подошвы Ливанскихъ горъ, жили Сидоняне, надъ ними Гиблитяне или Библитяне, имѣвшіе своимъ средоточіемъ Библъ; еще выше — небольшіе народы, Аркитяне и Арвадитяне, занимавшіе область Арада. Внутреннюю Сирію, страну между областью Филистимлянъ и Мертвымъ моремъ, населяли Хетитяне (Хиттимъ), жившіе въ горной, каменистой странѣ около Геброна; нѣсколько выше, въ прекрасныхъ горныхъ долинахъ отъ Гаваона и Сихема вверхъ до Гамата, обиталъ небольшой, но мирный и промышленный народъ, Хевитяне. На восточной сторонѣ Мертваго

моря жили Моавитяне, надъ ними Аммонитяне, а еще выше, пространство отъ сѣверовосточныхъ береговъ Мертваго моря до рѣки Ябока, занимали сильные и воинственные Аморитяне.

Между всѣми этими народами, еврейскія преданія считаютъ Сидонянъ древнѣйшими, а остальныхъ народовъ, Аркитянъ, Арвадитянъ, Хевитянъ, Хетитянъ и Аморитянъ, близкими къ нимъ, одноплеменными. Изъ исторіи египетскаго народа извѣстно, что Филистимляне въ связи съ другими сирійскими народами вторгнулись въ Египетъ и властвовали въ немъ, подъ именемъ царей пастуховъ, въ теченіе пятисотъ лѣтъ (2100–1580). По изгнаніи ихъ изъ Египта, они возвратились на родину и одолѣли и изгнали Хевитянъ, занимавшихъ южное сирійское побережье до Газы, въ горныя области, на востокъ. По извѣстіямъ еврейскихъ священныхъ книгъ, южные сирійскіе народы, уже за 1300 лѣтъ до Р. Х, стояли на извѣстной степени развитія. Они занимались земледѣліемъ, воздѣлываніемъ винограда и разведеніемъ фруктовыхъ деревьевъ; имъ были извѣстны ремесла, нѣкоторая промышленность, употребленіе коней и боевыхъ колесницъ. Они жили въ деревняхъ и хорошо защищенныхъ городахъ; ихъ родоначальники имѣли извѣстную степень власти, чинили судъ и расправу надъ своими подданными, вели войны съ сосѣдними народами и дѣлали значительные поземельные пріобрѣтенія силою оружія. Въ горныхъ округахъ внутренней Сиріи, у Аморитянъ, Хетитянъ и Хевитянъ, насчитывается въ это время около тридцати небольшихъ царствъ. Сильнѣе другихъ народовъ

южной Сиріи были Филистимляне, по которымъ и вся страна до Финикіи получила отъ Грековъ названіе Сиріи Филистимлянъ, Палестины (Пелиштимъ). Филистимляне жили въ укрѣпленныхъ городахъ, обнесенныхъ высокими стѣнами и сторожевыми башнями. Главнѣйшими ихъ городами были: Газа, самый южный городъ, на границѣ съ египетскими песками, потомъ слѣдовали вверхъ—Асдодъ, Гатъ, Экронъ, невдали отъ морскихъ береговъ, и Аскалонъ у самаго моря. Города украшались дворцами и обширными храмами, обладавшими богатыми кумирами изъ драгоцѣнныхъ металовъ и мѣди, и щедрыми приношеніями богомольцевъ. Кромѣ укрѣпленныхъ городовъ были, конечно, и мѣста незащищенныя, открытыя деревни. За 1100 лѣтъ до Р. Х, города образовываютъ уже общественный союзъ, во главѣ котораго стоятъ предводители и защитники этихъ городовъ, гордившіеся благородствомъ и славою своихъ предковъ. Внутренними дѣлами союзныхъ городовъ завѣдывали городскіе совѣты. Главы союзныхъ городовъ, которымъ ввѣрена была защита всей страны, подчиненной Филистимлянамъ, предводительствовали союзными войсками, приносили вмѣстѣ благодарственныя жертвы за одержанныя побѣды и сообща совѣщались объ интересахъ всей страны.

Береговую полосу къ сѣверу отъ мыса Кармеля до рѣки Наръ-эль-Кебиръ, нѣсколько ниже Арада, пространство въ тридцать съ небольшимъ миль длины и въ три или четыре мили ширины, Греки называли *Финикіею*, *Страною пальмъ*, по пальмовымъ лѣсамъ,

ростимъ на предгоріяхъ Ливанскихъ горъ. Древнѣйшимъ изъ городовъ финикійскихъ былъ Сидонъ, «первенецъ Ханаана», какъ его называютъ еврейскія преданія, такъ какъ Сидоняне считались «перворожденными», т. е. древнѣйшими между своими единоплеменниками. Сидоняне (рыболовы), какъ показываетъ ихъ имя, уже въ глубокой древности находились, благодаря роду жизни, который они вели, въ близкомъ соприкосновеніи съ моремъ. Они содѣйствовали основанію многихъ городовъ какъ въ собственной Финикіи, такъ и на близлежащихъ островахъ, когда жители внутренней Сиріи, обезпокоиваемые воинственными стремленіями своихъ сосѣдей, должны были по неволѣ приближаться къ морскимъ берегамъ. Походы воинственныхъ египетскихъ фараоновъ въ XV и XIV столѣтіяхъ до Р. Х, въ западныя страны передней Азіи побуждали многихъ жителей внутренней Палестины удаляться постепенно къ западу, къ Финикійскимъ берегамъ. Но кромѣ иноплеменныхъ вторженій въ предѣлы Сиріи, и туземные народы стремились къ завоеваніямъ и нападеніямъ на малочисленныя племена. Такъ, почти за 1500 лѣтъ до Р. Х, сильные Аморитяне, жившіе на правой сторонѣ Іордана, между Мертвымъ моремъ и Ябокомъ, сначала подчинили своей власти Аммонитянъ, потомъ перешли Іорданъ, побѣдили и отчасти изгнали Хетитянъ, такъ что только немногіе изъ нихъ удержались въ горныхъ округахъ. Вскорѣ послѣ этого Аморитяне поднялись выше, проникли въ область Хевитянъ и завладѣли всею страною до Меромскаго озера. Большая часть жителей, не же-

лавшихъ подчиняться побѣдителямъ и обратиться въ совершенныхъ рабовъ, оставила родину и удалилась къ финикійскимъ берегамъ. Вслѣдствіе этого береговое населеніе до того увеличилось, что Сидоняне, хорошо знакомые съ близлежащими островами, предложили новоприбывавшимъ жителямъ внутреннихъ странъ для взаимныхъ выгодъ выселиться на пространный Кипръ. Хевитяне и Хетитяне, руководимые Сидонянами, переправились на островъ и основали на юго-восточной сторонѣ его два города — Хиттимъ (Китіонъ), названный по имени Хетитянъ, и Гаматъ (Аматусъ), заложенный Хевитянами, названный такъ въ память главнаго города ихъ прежней родины (*). Жители восточныхъ странъ называютъ Кипръ, по имени его первыхъ поселенцевъ, Хиттимомъ, да и самый Сидонъ на древнихъ монетахъ именуется метрополіей Кипра.

Еврейскія преданія о глубокой древности Сидона согласуются съ показаніями финикійскихъ жрецовъ. Такъ, жрецы, разсказывая Геродоту (**) о храмѣ Мелькарта, лежавшемъ на скалистомъ островѣ недалеко отъ берега, къ югу отъ Сидона, говорили, что онъ стоитъ уже 2300 лѣтъ. Къ югу отъ Сидона лежали Сарепта и Тиръ, также сидонскія колоніи, къ сѣверу

(*) Развалины Китіона и Гамата и теперь видны на южномъ берегу Кипра, близъ Ларнака и Лимасоля.

(**) Геродотъ, древнѣйшій греческій историкъ, родился около 480 года до Р. Х. См. «Подснѣжникъ» № 1, 1860 г. стр. 59.

Арадъ или Арвадъ, главный городъ Арвадитянъ, въ срединѣ между Арадомъ и Сидономъ Библъ, Беритъ и Триполисъ. Вообще финикійскіе города значительно древнѣе филистимлянскихъ; общій характеръ ихъ государственной жизни въ древнѣйшія времена былъ тотъ же, что и у Филистимлянъ — города съ ихъ областями имѣли наслѣдственныхъ царей, но въ союзы они вступили только въ позднѣйшія времена своей исторической жизни.

2. Финикійскіе города.

Въ то время, какъ воинственные Ассиріяне основали въ странахъ верхняго Тигра могущественное государство и распространили свое владычество на всѣхъ народовъ отъ Арарата до Персидскаго залива, малочисленные, но предпріимчивые Финикіяне, не имѣя подъ руками никакихъ сильныхъ средствъ, занимая самую незначительную часть побережья, успѣли, въ сравнительно короткое время, ознакомиться съ пространными водами и многочисленными островами Эгейскаго (греческаго архипелага) и Средиземнаго морей, завести торговыя связи съ западными странами Европы, покрыть всѣ берега Средиземнаго моря своими колоніями, проникнуть за столбъ Геркулеса, завязать торговыя сношенія съ жителями древней Галліи (Франціи) и южной Британіи и съ тѣмъ вмѣстѣ ознакомиться съ водами и странами къ востоку отъ Аравіи, достигнуть баснословной своими богатствами Индіи. Торговые и

промышленные города Финикіянъ въ собственной Финикіи и ея колоніяхъ были уже въ глубокой древности складочными мѣстами для товаровъ и соединительными пунктами между Вавилоніей и Иберіей (Испаніей), между Аравіей и Арменіей, Сициліей и Индіей. Однимъ словомъ, финикійскіе города служили центрами торговли и сношеній въ самыя раннія историческія времена почти для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ древняго міра.

У Финикіянъ было много побудительныхъ причинъ, и внутреннихъ, и внѣшнихъ, заставлявшихъ ихъ рано ознакомиться съ морскою жизнью и переселеніями на острова и берега Средиземнаго моря. Походы египетскихъ фараоновъ въ переднюю Азію въ XV и XIV столѣтіяхъ, завоевательныя стремленія Ассиріянъ и Вавилонянъ, направлявшіяся уже въ глубокой древности къ западу отъ Ефрата, безпокоившія жителей Сиріи и тѣснившія ихъ къ берегамъ, и наконецъ нападенія сильныхъ Аморитянъ на Хевитянъ и Хетитянъ, прибѣгавшихъ къ покровительству Финикіянъ, заставляли Сидонянъ переводить излишнее населеніе на близлежащіе острова. Вторженіе Евреевъ, около 1300 года до Р. Х, во внутреннія страны Сиріи, за Іорданъ, и борьба ихъ съ Аморитянами снова оттѣснили часть населенія къ берегамъ. Древнѣйшіе жители страны, избѣгавшіе смутъ и непрерывной брани, свирѣпствовавшихъ долго послѣ вторженія Евреевъ въ Ханаанъ, удалялись цѣлыми массами съ юговостока Сиріи къ сѣверозападу, къ финикійскимъ берегамъ. Сидоняне умѣли искусно удаляться отъ несогласій своихъ сосѣдей, наблюдали

благоразумный нейтралитетъ и принимали переселявшіеся къ нимъ отдѣльные небольшіе народы то данниками, то поселенцами, платившими имъ или небольшую дань за право поселенія на берегахъ, или исполнявшими за это извѣстныя условныя работы. По свидѣтельству священнаго писанія видно, что эти переселенцы были очень полезны Финикіянамъ въ ихъ торговой и промышленной жизни: они служили разнощиками и развощиками товаровъ, поденщиками и чернорабочими при всѣхъ работахъ и производствахъ, какими только занимались Финикіяне. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти поселенцы, хорошо вознаграждаемые, принимали дѣятельное участіе въ промышленной и торговой жизни своего новаго отечества и охотно мѣняли прежнюю, скудную постушескую жизнь, полную тревогъ и опасностей въ частыхъ столкновеніяхъ съ воинственными единоплеменниками, на мирную и спокойную жизнь и трудъ, вполнѣ обезпечивавшій ихъ существовавшіе.

Если вторженія иноземныхъ народовъ и единоплеменниковъ и безпокоили отчасти Финикіянъ, то они имѣли и благодѣтельное вліяніе на раннее развитіе ихъ торговли, промышленности и колонизаціи. Финикіяне умѣли искусно пользоваться и благопріятными и неблагопріятными обстоятельствами, съ которыми неизбѣжно встрѣчаются народы въ своей исторической жизни. Всякое столкновеніе съ иноплеменными народами научало ихъ чему нибудь: они быстро перенимали и усвоивали все, что только имъ нравилось у другихъ, и ничего не чуждались. Отъ этого-то въ ихъ религіоз-

ной, государственной и частной жизни и отразились вліянія всѣхъ тѣхъ народовъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе.

Во главѣ финикійскаго побережья, представлявшаго, по свидѣтельству древнихъ писателей, почти «непрерывный городъ», — такъ много было здѣсь богатыхъ городовъ и большихъ хорошо населенныхъ деревень — стоялъ сначала «великій Сидонъ,» «первенецъ между городами Ханаана,» давшій начало многимъ городамъ и колоніямъ (поселеніямъ). Блестящій періодъ внѣшняго могущества, славы и богатствъ Сидона обнимаетъ собою четыре столѣтія, отъ 16 до 12 вѣка; потомъ первенство это переходитъ къ его колоніи, древнему Тиру. Въ глубокой древности, Сидонъ наиболѣе славился своею промышленностью и искусными издѣльями — дорогими разноцвѣтными тканями, одеждами и коврами, золотыми и серебряными кубками и оружіемъ. Изъ наукъ въ немъ процвѣтали астрономія и математика, знанія, необходимо связанныя съ успѣхами мореплаванія. Сидонъ находился у устья Бострена (Наръ-эль-Аули); теперешній Саидъ, небольшой, но довольно торговый городъ, лежитъ на развалинахъ древняго Сидона. По всей вѣроятности, это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ передней Азіи. Къ югу отъ Сидона лежала Сарепта, у устья Леонта, а еще южнѣе, нѣсколько ниже устья древняго Леонта (Наръ-эль-Касми), на мысѣ, далеко выходящемъ въ море, стоялъ Цоръ, т. е. скала, извѣстный у Грековъ подъ именемъ Тира. Противъ стараго Тира, лежавшаго на материкѣ недалеко отъ берега, подымался изъ моря

небольшой островъ, на которомъ находился древній храмъ Мелькарта и нѣкоторые складочные магазины тирянъ и промышленныя заведенія и фабрики. Этотъ каменистый островъ, не имѣя прѣсной воды, не былъ удобенъ для заселенія; но будучи окруженъ моремъ, онъ пользовался большею безопасностію и удобствами для всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, — товарныхъ складовъ, фабрикъ и мастерскихъ, нежели Старый Тиръ, часто обезпокоиваемый подходившими къ нему кочевыми племенами и воинственными пастушескими народами. Въ половинѣ XIII столѣтія до нашего лѣтосчисленія, значительное число богатыхъ сидонскихъ и тирскихъ купцовъ переселилось на островъ, и въ короткое время безплодная каменистая почва, благодаря усиліямъ и средствамъ богатыхъ людей, покрылась насыпями плодородной земли. Островъ превратился въ многолюдный и богатый городъ, «Новый Тиръ», украсившійся великолѣпными дворцами, храмами и роскошными зданіями аристократовъ и богачей. Его гавани, корабельныя верфи и обширные бассейны возбуждали удивленіе всего древняго міра и даже затмили славу Стараго Тира.

Сначала Новый Тиръ управлялся двумя суфетами, верховными судьями, данными ему Старымъ Тиромъ; но уже въ XI столѣтіи Абибалъ, современникъ израильскаго царя Давида, замѣнилъ достоинство суфетовъ пурпуровою мантіею; онъ былъ избранъ, по желанію аристократіи, въ цари, и сдѣлалъ Тиръ не только независимымъ отъ его древней метрополіи, Сидона, но и доставилъ ему владычество надъ всею Финикіею.

Около этого времени, торговыя предпріятія и мореплаваніе Финикіянъ получаютъ огромное развитіе. Тогда какъ Сидоняне, утратившіе съ возвышеніемъ Тира свою древнюю славу, довольствуются мирной мѣновой торговлей на водахъ Эгейскихъ и на островахъ Средиземнаго моря, предпріимчивые Тиряне неустрашимо устремляются на далекій западъ, въ Атлантическій океанъ, завязываютъ торговыя сношенія въ Персидскомъ заливѣ и въ устьяхъ Инда и основываютъ въ Испаніи и Африкѣ многочисленныя колоніи, доставлявшія огромныя торговыя выгоды своей митрополіи. Торговая дѣятельность и колонизація Тирянъ развилась самымъ блестящимъ образомъ при Гирамѣ, сынѣ Абибала, современникѣ Соломона, царствовавшемъ между 1030 и 990 годами.

Чтобы дать твердость и средоточіе государственной жизни Финикіянъ, жившихъ хотя въ самостоятельныхъ, но относительно слабыхъ общинахъ и мелкихъ государствахъ, и сдѣлать Тиръ оплотомъ всей Финикіи, Гирамъ обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленія Новаго Тира и связь его съ Старымъ Тиромъ. Оба города, островной и материковый, соединенные плотинами и сильно укрѣпленные съ моря и съ суши высокими стѣнами и башнями, составили какъ бы одинъ обширный, двойной городъ. До Гирама, скалистый островъ, на которомъ былъ построенъ Новый Тиръ, раздѣлялся морскимъ руковомъ на два острова, на меньшій, гдѣ былъ древній храмъ Мелькарта, и большій, занятый Новымъ Тиромъ. Гирамъ соединилъ эти части въ одно цѣлое, наполнивши пространство,

раздѣлявшее ихъ, насыпями и плотинами, и разширивши восточную часть острова огромными земляными и гидравлическими сооруженіями, такъ что морской рукавъ, отдѣлявшій островной городъ отъ Стараго Тира, имѣлъ только 1200 шаговъ ширины. На этомъ новомъ пространствѣ островного Тира, отнятомъ у моря, кромѣ большой площади для народныхъ собраній, были увеселительные сады, насаженные оливковыми деревьями и виноградниками, а сѣверная и южная части были заняты огромными гаванями, защищенными высокими стѣнами, близъ которыхъ находились корабельныя верфи, складочные магазины и различныя торговыя заведенія. Меньшій островъ, соединенный съ большимъ насыпями, лежалъ дальше отъ берега, на западной сторонѣ большого острова. Впослѣдствіи, береговыя насыпи и плотины этого низкаго острова, служившія защитою отъ наводненій и морскихъ приливовъ, осѣли отъ частыхъ землетрясеній, а земляной валъ, соединявшій острова, размыло волнами. Беззащитный противъ бушующихъ волнъ, этотъ низкій, скалистый островъ былъ, наконецъ, совершенно затопленъ, а вслѣдствіе волканическаго переворота, постигшаго многіе острова Средиземнаго моря, осѣлъ такъ, что теперь не видно даже и отдѣльныхъ его скалъ и камней, еще выдававшихся изъ моря до переворота. Событіе это случилось, вѣроятно, не раньше третьяго столѣтія по Р. Х, потому что на тирскихъ монетахъ этого времени еще видны двѣ скалы, представляющія островной Тиръ. Оба храма этого небольшого острова, древнѣйшій, храмъ Мелькарта, и новый, построенный

сидонскими выходцами въ честь Астарты, Гирамъ увеличилъ и украсилъ, а предъ храмомъ Мелькарта поставилъ двѣ знаменитыя колонны, — одну изъ чистаго золота, другую изъ смарагда. Вѣроятно и высокія и крѣпкія стѣны, окружавшія славныя гавани, сѣверную — сидонскую, и южную — египетскую, и защищавшія городъ отъ непріятельскихъ нападеній, принадлежатъ къ сооруженіямъ Гирама. Что касается до изумительныхъ укрѣпленій, которыми такъ славился въ древности Тиръ, выдерживая долговременныя осады Вавилонянъ, Персовъ и Грековъ, то они появились позднѣе, когда Тиру начало угрожать воинственное могущество Ассиріянъ и Вавилонянъ. Весь Новый Тиръ, имѣвшій болѣе полумили въ окружности, былъ обнесенъ высокими, толстыми стѣнами, выстроенными частью непосредственно у самаго моря, частью на береговыхъ скалахъ, такъ что для осаждающихъ съ сухого пути не оставалось мѣста ни для осадныхъ лѣстницъ, ни для стѣнобитныхъ машинъ. Осада возможна была только съ моря, на судахъ; но съ кораблей неудобно было дѣйствовать осадными орудіями. Стѣны были выстроены изъ огромныхъ плитъ, связанныхъ гипсовымъ цементомъ, и достигали на восточной сторонѣ, отъ берега, огромной высоты 150 футовъ; съ южной стороны, гдѣ находились корабельныя верфи и царскій дворецъ, стѣны были ниже.

Какъ ни значительны были сооруженія и заведенія островного Тира для торговли, мореплаванія и колоніальной жизни, но въ цвѣтущія времена Финикіи старый Тиръ пользовался еще большею славою, нежели

новый. Въ высшей степени плодородная почва страны, въ которой лежалъ Старый Тиръ, богатая водными источниками и бассейнами, и превосходный климатъ тропическаго неба, умѣряемый близостью моря, способствовали такому обильному произрастенію винограда, всѣхъ садовыхъ плодовъ и овощей, что еврейскіе пророки представляютъ мѣстность Тира восхитительнымъ садомъ. Въ Старомъ Тирѣ находился древній царскій замокъ; здѣсь же были древнія храмовыя сооруженія и славные въ древности водопроводы и колодцы, выложенные камнемъ; здѣсь, наконецъ, еще недавно открыты остатки погребальныхъ пещеръ. Городъ тянулся вверхъ до устья Леонта; къ югу онъ занималъ такое же пространство, такъ что его береговое протяженіе равнялось двумъ часамъ ходьбы, при ширинѣ города въ четверть мили. Таковъ былъ этотъ двойной городъ, слава глубокой древности, городъ, раздававшій, по словамъ пророка Исаіи, «царскіе вѣнцы, купцы котораго были князьями, а торговцы знатнѣйшими земли». «Твои предѣлы, говоритъ Іезекіиль, въ сердцѣ моря, твои строители прекрасно тебя изукрасили. Всѣ твои деревянныя украшенія изъ кленоваго дерева, а изъ кедровъ ливанскихъ сдѣланы твои мачты; твои весла дубовыя, твои скамьи изъ слоновой кости, твои драгоцѣнныя сѣдалища изъ острова Хиттима (Кипра). Тонкія ткани и шолкъ египетскій употреблялъ ты на паруса; ты покрывался пурпуромъ и шолкомъ.»

Впрочемъ дѣятельность Гирама не ограничивалась однѣми заботами объ украшеніи и укрѣпленіи Тира: извѣстно, напримѣръ, что онъ стремился къ распро-

странаненію морского владычества Тирянъ и къ усмиренію недовольныхъ данниковъ. Такъ онъ выступилъ въ морской походъ противъ кипріотовъ, не хотѣвшихъ подчиняться Тирянамъ и платить дани, и снова покорилъ ихъ. Изъ этого видно, что хотя Кипръ и признавалъ первоначально своею метрополіею Сидонъ, но впослѣдствіи, еще задолго до Гирама, съ ослабленіемъ могущества Сидонянъ, онъ сталъ въ данническія отношенія къ Сильнымъ Тирянамъ. Кромѣ похода противъ кипріотовъ, Гирамъ ознаменовалъ свое царствованіе дружественнымъ союзомъ съ израильскимъ царемъ Соломономъ. Соломонъ, вступивши на престолъ мудраго и могущественнаго отца своего, Давида, задумалъ украсить столицу своего царства, Іерусалимъ, такими зданіями, которыя не уступали бы въ блескѣ и пышности храмамъ и дворцамъ древнихъ царей египетскихъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ, слава о которыхъ доходила и въ Іудею. Гирамъ помогъ ему въ этомъ, отправивши къ нему извѣстнаго тирскаго архитектора Гирама Абифа, искуснаго художника, свѣдущаго почти во всѣхъ работахъ. Съ этимъ архитекторомъ Гирамъ отпустилъ тирскихъ плотниковъ, каменьщиковъ, литейщиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ, скульпторовъ и множество другихъ работниковъ, необходимыхъ при постройкѣ великолѣпныхъ зданій. За эту услугу Соломонъ ежегодно выдавалъ Гираму огромное количество зернового хлѣба, вина и масла, но, что гораздо важнѣе, онъ предоставилъ ему для гаваней и поселеній двадцать удобныхъ мѣстъ, лежавшихъ ближе къ Тиру, и оказывалъ покровительство

и содѣйствіе морской торговлѣ Тирянъ, такъ что это покровительство и дружественныя сношенія Гирама и Соломона помогли Тирянамъ открыть путь въ богатую Индію.

Послѣ смерти Гирама (990 г.), въ Тирѣ начались народныя неудовольствія и смуты, возникшія изъ борьбы аристократической партіи съ демократическою за политическія права, — смуты, въ слѣдствіе которыхъ родъ Гирама лишился временно престола. Хотя потомки Гирама и достигаютъ въ послѣдствіи власти, но смуты въ Тирѣ все-таки продолжаются, увеличивается число недовольныхъ, которые удаляются изъ отечества, закладываютъ на сѣверныхъ берегахъ Африки новыя колоніи и этимъ ослабляютъ метрополію.

Послѣ долгой борьбы съ партіями, Итобаалу, верховному жрецу Астарты, умертвившему послѣдняго потомка Гирамова, удалось присвоить верховную власть, возстановить спокойствіе и поддержать, въ теченіе своего долгаго правленія, прежній порядокъ дѣлъ. Въ короткое царствіе сына его Балесора и въ долгое малолѣтство внука его Муттона, снова возникаютъ разрозненные интересы партій, борьба которыхъ сильно вредитъ общимъ народнымъ интересамъ. Муттонъ не ознаменовалъ своего царствованія ни чѣмъ замѣчательнымъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ не сохранилось никакихъ преданій. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ дѣтей, Пигмаліона и Элиссу, которые, по его завѣщанію, должны были править вмѣстѣ; опека надъ ними, до ихъ совершеннолѣтія, вручена была Сихарбаалу, брату покойнаго царя, верховному жрецу Мель-

карта и главѣ аристократической партіи. Сихарбаалъ пользовался большимъ знаніемъ, какъ верховный жрецъ и какъ глава аристократовъ; но это значеніе еще больше увеличилось его регентствомъ и тѣмъ, что онъ, по желанію Муттона, долженъ былъ жениться на Элиссѣ. Демократическая партія, недовольная распоряженіями Муттона, возстала противъ соправительства Элиссы и вмѣшательства въ дѣла правленія Сихарбаала, и передала всю власть одному Пигмаліону. Однако Сихарбаалъ, пользуясь своимъ вліяніемъ, успѣлъ жениться на Элиссѣ, и до совершеннолѣтія Пигмаліона постоянно вмѣшивался въ дѣла правленія, поддерживаемый аристократами. Впрочемъ, торжество Сихарбаала окончилось его гибелью. Будучи окруженъ представителями демократіи, питавшими въ юномъ царевичѣ ненависть къ Сихарбаалу, Пигмаліонъ завидовалъ и несмѣтнымъ богатствамъ верховнаго жреца, и тому уваженію, которымъ онъ пользовался. Скрытыя козни демократіи противъ Сихарбаала окончились тогда только, когда Пигмаліонъ совершенно возмужалъ и рѣшился на убійство своего дяди. Элиссу возмутило злодѣйство брата, совершенное надъ ея дядею и супругомъ, и она рѣшилась оставить Тиръ; къ ней присоединилась значительная часть богатыхъ аристократическихъ родовъ, недовольная тѣмъ, что Пигмаліонъ захватилъ всю власть въ свои руки и не допускалъ аристократію до участія въ дѣлахъ управленія. Въ седьмой годъ царствованія Пигмаліона, Элисса оставила Тиръ съ своими сторонниками, направилась съ богато нагруженными кораблями къ сѣверному берегу Африки и вы-

садилась близъ древняго тирскаго колоніальнаго города, Утики. Здѣсь купила она, по словамъ преданія, у ливійскихъ племенъ столько земли, сколько могла покрыть воловья кожа, и, разрѣзавши кожу на тонкіе ремни, она окружила такое большое пространство, что могла заложить на немъ укрѣпленіе (*бирса*, по финикійски), названное Тирянами, въ память ихъ старой метрополіи, Карѳада, «новый городъ», извѣстное у Грековъ и Римлянъ подъ именемъ Карѳагена. Это событіе случилось около 850 года до Р. Х.

Для торговаго и могущественнаго города, какимъ впослѣдствіи и сдѣлался Карѳагенъ, нельзя было избрать болѣе счастливой мѣстности. Между Утикою на западѣ и далеко выдающимся мысомъ на востокѣ (мысъ Бонъ), тамъ, гдѣ африканскій берегъ наиболѣе приближается къ Сициліи, Тунисскій заливъ врѣзывается довольно глубоко въ материкъ Африки. На западѣ этого огромнаго залива, весьма удобнаго для гаваней, выдается въ море небольшой мысъ, имѣющій отличное якорное дно и прекрасную прѣсную воду. Близъ Утики вливался въ море Баградасъ (теперь Медшерда), протекая по одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей сѣверной Африки. Здѣсь горные хребты постепенно переходятъ въ низменную отлогость, славившуюся въ древности роскошною растительностію, гдѣ и теперь еще зеленѣютъ масличные и померанцовые сады. Основаніе Карѳагена въ этой мѣстности, близъ нынѣшняго Туниса, было для Финикіянъ началомъ новой, блестящей эпохи внѣшняго могущества и богатствъ. Въ то время, какъ древнѣйшія Финикійскія колоніи основаны

были большею частью выселенцами изъ низшихъ сословій, людьми небогатыми, вслѣдствіе чего и колоніи ихъ находились не рѣдко въ нѣкоторой зависимости отъ метрополій, основатели Карѳагена принадлежали къ благороднѣйшимъ и богатѣйшимъ родамъ жреческо-аристократической партіи. Покинувшіе родину аристократы, недовольные возвысившимся значеніемъ демократической партіи, уносили съ собой на чужбину, въ свою новую родину, образованіе, торговую и промышленную дѣятельность, богатства и правительственную опытность. Вслѣдствіе этого аристократическаго элемента, Карѳагенъ скоро дѣлается средоточіемъ западной торговли и колоніальной жизни и быстро подымается, въ то время какъ Тиръ, обезсиливаемый частыми вліяніями и волнуемый борьбою партій, — теряетъ свое прежнее торговое и политическое значеніе. Военныя невзгоды, разражавшіяся постоянно надъ Сиріею со времени усилившагося могущества вавилонскихъ завоевателей, содѣйствовали ослабленію этого древняго торговаго государства.

Вѣроятно, преданіе о хитрости Элиссы, съ какою она пріобрѣла землю для построенія крѣпости, происходитъ отъ имени крѣпости или укрѣпленія, потому что *бирса* по финикійски означаетъ крѣпость, укрѣпленіе, а по гречески это слово имѣло значенье воловьей кожи; или быть можетъ, это преданіе связывается съ странствованіями финикійской богини Астарты, называвшейся также Дидоною, которая представлялась у Финикіянъ и подъ видомъ коровы. Этой богинѣ, какъ и своему

богу-герою Мелькарту, Финикіяне приписывали далекія странствованія и основаніе колоній.

Между остальными городами, которыми были такъ богаты финикійскіе берега, замѣчательнѣе другихъ, къ сѣверу отъ Сидона, при устьѣ Бэйрута (Наръ-эль-Бейрутъ) Беритъ, теперешній Бейрутъ, и нѣсколько выше, у устья древняго Ликуса (Наръ-эль-Кельбъ) Библъ, теперь небольшой городъ Джебайль, города Гиблитянъ, жившіе совершенно самостоятельною жизнью и никогда непризнававшіе власти Сидона и Тира. Незначительныя развалины этихъ городовъ сохранились донынѣ. Къ сѣверу отъ Библа лежалъ Триполисъ (тригородъ), теперешній Тараблъ, основанный выселенцами трехъ городовъ—Сидона, Тира и Арада, уже во времена персидскаго владычества надъ страною. Городъ имѣлъ для страны скорѣе политическое значеніе, нежели торговое; въ немъ собирались представители трехъ важнѣйшихъ финикійскихъ городовъ для засѣданія въ общемъ сенатѣ, заботившемся о сохраненіи важнѣйшихъ интересовъ всей страны. Къ сѣверу отъ Триполиса, на небольшомъ скалистомъ островѣ, лежавшемъ у берега, Арвадиняне построили Арвадъ или Арадъ, противъ котораго, на морскомъ берегу, лежала его колонія Антарадъ. Арадъ былъ небольшой, но хорошо населенный городъ; улицы его, по незначительности городского пространства, были узки, дома строились въ нѣсколько этажей. Еще и теперь видны на скалахъ этого острова остатки городскихъ укрѣпленій и замѣчательные развалины, а на противоположномъ морскомъ берегу сохранились остатки храма и изсѣченные

въ скалахъ гроты. У древнихъ писателей упоминаются еще нѣкоторые города, но слѣдовъ ихъ почти не сохранилось.

3. Колоніи.

На быструю и успѣшную колонизацію Финикіянъ имѣли большое вліяніе какъ чисто географическія условія ихъ страны — незначительное количество земель, годныхъ для хлѣбопашества, и преобладаніе горъ надъ равнинами, — такъ и раннія вторженія чужеземныхъ народовъ въ предѣлы Сиріи, Египтянъ, Ассиріянъ и Вавилонянъ. Равнымъ образомъ успѣхамъ колонизаціи содѣйствовали и долгія и безпокойныя передвиженія собственно сирійскихъ племенъ, побуждавшія слабѣйшіе народы удаляться къ финикійскимъ берегамъ. Въ началѣ Финикіяне по необходимости должны были отыскивать для своихъ единоплеменниковъ новыя земли, чтобъ избавляться отъ излишняго населенія, прибывавшаго изъ внутреннихъ областей Ханаана; но въ послѣдствіи, когда предпріимчивые и дѣятельные финикійскіе купцы начали ознакомливаться съ выгодами торговли и промышленности, они усердно занялись колонизаціей, быстро расширившей кругъ ихъ торговой дѣятельности и укрѣпившей за ними тѣ острова и берега Средиземнаго и Эгейскаго морей, на которыхъ селились финикійскіе выходцы.

Древнѣйшія финикійскія колоніи на островѣ Кипрѣ относятся къ XIV столѣтію до Р. Х. Хетиняне и Хе-

витяне, вытѣсненные изъ своей родины воинственными Аморитянами, руководимые Сидонянами, основали на юго-восточномъ берегу обширнаго Кипра Хиттимъ и Гаматъ; позднѣе къ этимъ колоніямъ прибавились, на западной части острова, Папосъ, близъ нынѣшней Баффы, и на сѣверной Карпасія, Керинея и Лапаѳосъ, нѣкогда цвѣтущіе города, давнымъ-давно обратившіеся въ незначительныя турецкія деревушки. Папосъ славился своимъ храмомъ Ашерѣ, значительные остатки котораго сохранились донынѣ. Позднѣе, во время преобладавшаго могущества Тирянъ, сидонскія колоніи признавали власть Тира, а въ послѣдствіи въ VII столѣтіи до Р. Х. всѣ кипрскія колоніи подчинились вліянію Грековъ, утвердившихся на Кипрѣ. Это вліяніе особенно усилилось съ тѣхъ поръ, когда Саламинъ, заложенный греческими поселенцами на восточномъ берегу острова, при устьѣ рѣки Пидіи, сдѣлался центромъ торговой и промышленной жизни всего Кипра. Впрочемъ саламинскія монеты показываютъ, что и Финикіяне, подчиняясь Грекамъ, не остались, въ свою очередь, безъ религіознаго вліянія на нихъ: саламинскій Зевсъ представляется на монетахъ съ головой быка, какимъ представлялся финикійскій Молохъ; ему приносились человѣческія жертвы. Отдѣльные финикійскіе города на Кипрѣ были, какъ и въ метрополіи, подъ властью царей, независимо управлявшихъ своими городами съ принадлежавшими къ нимъ областями.

Къ сѣверу отъ Кипра, на килликійскомъ берегу, были богатые финикійскіе города — Тарсъ, основанный Арвадитянами, Миріандъ, Солои и Нагидосъ.

Время основанія этихъ колоній неизвѣстно. Съ киллики́йскихъ береговъ Финикіяне двинулись на западъ и заняли Родосъ, древнѣйшіе жители котораго, какъ и всѣхъ почти острововъ Эгейскаго моря, были Каріяне. По греческимъ преданіямъ, городъ Ялисъ, лежавшій на сѣверномъ берегу острова, былъ главнымъ пунктомъ всѣхъ финикійскихъ колоній въ Родосѣ. Древнее владычество Финикіянъ на этомъ островѣ, до усиленія греческихъ поселеній, доказываетъ и религія позднѣйшихъ обитателей Родоса, грековъ, въ которой отразилось финикійское вліяніе — человѣческія жертвы, приносившіяся ежегодно Кроносу, финикійскому Молоху, почитаніе Зевса подъ видомъ быка на высочайшей горѣ острова, Атабирасѣ, и ревностное поклоненіе на всемъ островѣ богу-солнцу, т. е. Мелькарту.

Изъ самыхъ раннихъ греческихъ преданій видно, что Финикіяне, въ глубокой древности занимали Критъ, владычествовали надъ всѣмъ Эгейскимъ моремъ и брали дань даже съ жителей Эллады. И въ позднѣйшія времена, когда Критомъ совершенно овладѣли Греки, въ ихъ религіи сильно отражалось вліяніе финикійскаго культа — Зевсъ представлялся у критянъ въ формѣ быка, напоминая собою Молоха, и подъ этою формою ему поклонялись.

Однажды, говоритъ греческое преданье, верховный владыка Олимпа, Зевсъ, увидѣлъ весною, на финикійскомъ берегу, прекрасную дѣву Европу, дочь славнаго сидонскаго царя Агенора, по другимъ сказаніямъ дочь Феникса, игравшую на лугу съ своими подругами. Онъ почувствовалъ къ дѣвѣ любовь, и, принявши

образъ красиваго бѣлаго быка, замѣшался въ стадо, которое привольно паслось на морскомъ берегу. Дѣва, замѣтивши красиваго быка, подошла къ нему, погладила его и, такъ какъ онъ ей казался смирнымъ, сѣла на него; тогда быкъ бросился съ Европой къ морю и переплылъ на островъ Критъ. Зевсъ поселился съ Европой въ гротѣ Дикте, на восточной сторонѣ острова, или, какъ говорятъ другія преданія, подъ священными платанами у источника Гортисъ. Раздѣляя любовь Зевса, Европа родила Миноса и Радаманта, выросшихъ подъ надзоромъ критскаго царя Астерія. Божественный Гефестъ, сынъ Зевса и Геры, подарилъ Миносу мѣднаго великана Талоса, стороживщаго островъ. Талосъ, обходя островъ и наблюдая за всѣми иностранцами, пристававшими къ берегамъ, бралъ ихъ на руки и бросался съ ними въ огонь, или удушалъ ихъ на своей пылавшей груди. Однажды Миносъ приносилъ жертву на берегу; Посейдонъ, богъ моря, выслалъ ему изъ морскихъ волнъ прекраснаго бѣлаго быка. Супруга Миноса, Пазифоя, полюбила этого быка и родила отъ него чудовище минотавра, человѣка съ бычачьей головой. По повелѣнію Миноса, Дедалъ (*) соорудилъ въ Кноссѣ лабиринтъ, въ который заперли минотавра; въ извѣстную пору чудовищу отдавались люди на съѣденіе! Когда Миносъ принудилъ мегарцевъ и жителей Аттики подчиниться ему, аѳиняне должны

(*) Дедалъ, современникъ Тезея и Миноса, почитался у древнѣйшихъ Грековъ изобрѣтателемъ ваянія, первымъ скульпторомъ; ему приписывались древнѣйшіе священные кумиры боговъ.

были посылать ему въ Критъ, черезъ каждыя девять лѣтъ, по семи юношей и по семи дѣвъ; ихъ запирали въ лабиринтъ, гдѣ они дѣлались добычею ужаснаго минотавра. Наконецъ герой Тезей, сынъ баснословнаго царя Аттики, Эгея, добровольно отправился въ Критъ въ числѣ жертвъ, назначенныхъ минотавру на съѣденіе. Прекрасная Аріадна, дочь Миноса, плѣнившись красотою Тезея, почувствовала къ нему любовь и, желая спасти его отъ вѣрной гибели, дала ему клубокъ нитокъ, помогшій Тезею не сбиться въ извилистыхъ ходахъ лабиринта. Юный герой убилъ минотавра, и этимъ избавилъ аѳинянъ отъ тяжелой дани и подчиненія Миносу. Самъ Миносъ погибъ на далекомъ западѣ, въ Сициліи, гдѣ его уморилъ сицилійскій царь Кокалъ въ теплой ваннѣ. Критяне, сопровождавшіе Миноса въ его походѣ на западъ, основали въ Сициліи, въ память его, городъ, названный ими, по имени Миноса, Миноей.

Гезіодъ, одинъ изъ древнѣйшихъ греческихъ поэтовъ, прославляетъ могущество Миноса. И позднѣйшіе греческіе писатели называютъ Миноса сильнымъ царемъ Крита, властелиномъ Эгейскаго моря; они говорятъ, что Миносъ прекратилъ морскіе разбои, сдѣлалъ своихъ сыновей царями на многихъ островахъ и ввелъ въ Критѣ мудрые законы.

Въ сказаніяхъ о приключеніяхъ Европы и Миноса и о пожирающемъ людей минотаврѣ, т. е. быкѣ Миноса, легко распознать сказанія о высшихъ финикійскихъ божествахъ, которымъ приписывались далекія странствованія на западъ и основанія колоній. Дочь

сидонскаго царя Европа, т. е. темная, есть финикійская богиня быко-наѣздница, сидонская Астарта, которая, скрываясь отъ преслѣдованій своего супруга Мелькарта, убѣгаетъ на западъ, въ царство темноты, гдѣ солнце скрывается въ волнахъ океана. Мѣдный великанъ Талосъ, бросавшійся въ пламя съ моряками, пристававшими къ критскимъ берегамъ, или удушавшій ихъ на своей пылавшей груди, есть мѣдный идолъ Ваала-Молоха, которому приносились на всесожженіе человѣческія жертвы; и минотавръ, которому люди бросались на съѣденіе, былъ также представленіемъ Молоха въ формѣ человѣка съ головой быка. Въ Гортисѣ и Кноссѣ, древнѣйшихъ финикійскихъ поселеніяхъ на Критѣ, поклонялись Молоху и Астартѣ, что видно и на критскихъ монетахъ, представляющихъ Астарту, ѣдущею на быкѣ, а иногда и Молоха, человѣка съ бычачьей головой, и извилины ужаснаго лабиринта.

Нѣтъ сомнѣнія, что Молоху критскому присылались человѣческія жертвы и съ береговъ Аттики, и что критскіе финикіяне въ глубокой древности посѣщали Пелопоннезъ, Аттику и ѳракійскіе берега; на это указываютъ слѣды финикійскаго вліянія въ Беотіи, Аттикѣ и поселенія близъ ѳракійскихъ береговъ. По всей вѣроятности, жители Аттики тогда только перестали платить дань кипріотамъ, когда они окрѣпли при своихъ воинственныхъ предводителяхъ и могли уже защищаться отъ высадокъ Финикіянъ на ихъ берега. Еще во времена Геродота, за 450 лѣтъ до Р. Х., и даже позднѣе, Греки хорошо знали о финикійскихъ поселеніяхъ на островахъ Эгейскаго моря; эти поселе-

нія въ памяти Грековъ всегда соединялись съ представленіемъ о морскомъ владычествѣ мудраго Миноса.

Въ походѣ Миноса въ Сицилію видны успѣхи финикійской колонизаціи на западѣ, въ Сициліи. Вмѣстѣ съ этимъ, въ походѣ Миноса и въ его смерти на далекомъ западѣ, въ теплой ваннѣ, представленія о колонизаціи какъ будто сливаются у Финикіянъ съ представленіями объ ихъ богѣ-героѣ Мелькартѣ, или Ваалѣ тирскомъ, который отходилъ ежегодно на западъ для отдыха отъ трудовъ и тамъ погружался въ теплыя волны моря. Это видно изъ самого названія поселенія, гдѣ покоился прахъ Миноса: въ древнѣйшія времена эта финикійская колонія, лежавшая на южномъ берегу Сициліи при устьѣ Галика, называлась Миноей, а въ послѣдствіи Русъ-Мелькартомъ, т. е. мысъ Мелькарта. Греки переименовали эту колонію въ Гераклею-Миною, такъ какъ они называли финикійскаго Мелькарта Геракломъ.

Съ Крита финикійскія колоніи направились къ сѣверу на близлежащіе и дальніе острова; они заняли островъ Ѳеру, славившійся въ послѣдствіи своими красильными фабриками, Мелосъ, извѣстный обиліемъ красильныхъ матеріаловъ и богатствомъ сѣры и квасцовъ, и Цитеру, у южнаго пелопоннезскаго берега, до того богатую пурпуровыми раковинами, что въ древности ее называли пурпуровымъ островомъ. Прекрасныя мраморныя каменоломни на Паросѣ и Антипаросѣ (Оліаросъ) уже въ древнѣйшія времена доставляли сидонянамъ богатый матеріалъ для ихъ великолѣпныхъ построекъ. На востокѣ, на лидійскомъ берегу, у Фи-

никіянъ была богатая колонія Эритрея, а къ сѣверу, у ѳракійскихъ береговъ, они занимали острова Ѳазосъ, Самоѳракій и Лемносъ. Ѳазосъ, богатый виномъ, мраморомъ и золотыми рудниками, слѣды которыхъ видѣлъ еще Геродотъ, пріобрѣлъ во времена торговаго и политическаго могущества Тирянъ особенную важность, какъ центръ сѣверныхъ колоній. Здѣсь не только при Финикіянахъ, но даже и въ послѣдствіи, когда всѣ острова Эгейскаго моря были заняты греческими поселеніями, тирскій Мелькартъ или Геркулесъ былъ въ большомъ уваженіи. Одни ѳазосскіе рудники доставляли Финикіянамъ ежегодно отъ двухсотъ до трехсотъ талантовъ золота, на сумму отъ трехъ съ половиною до пяти съ половиною милліоновъ серебромъ (*). Финикіяне занимали и самые ѳракійскіе берега отъ рѣки Стримона до Геллеспонта.

Финикіяне имѣли колоніи и въ самой Беотіи, какъ на это указываютъ греческія преданія. Кадмъ, сынъ финикійскаго царя Агенора, отправился съ братьями на поиски своей сестры Европы. Онъ высадился сначала на островъ Ѳеру, гдѣ осталась часть его матросовъ, а потомъ поплылъ дальше, но буря выбросила его на островъ Ѳазосъ. На ѳракійскомъ берегу Кадмъ открылъ золотые рудники въ горѣ Пангеонѣ (на правой сторонѣ устья древняго Стримона, нынѣшняго Карасу, въ горахъ Пирнари) и пошелъ дальше черезъ Ѳракію, въ страну Грековъ. Въ Дельфахъ онъ узналъ

(*) Серебряный талантъ равняется нашимъ 1365 р., золотой — въ тринадцать разъ больше.

отъ оракула, что ему не слѣдуетъ больше искать Европы, а нужно идти за коровою, которую онъ узнаетъ по знаку луны на хребтѣ, и заложить тамъ городъ, гдѣ ляжетъ корова. Кадмъ нашелъ корову и пошелъ за ней; при источникѣ Дирке, въ Беотіи, усталая корова легла. Кадмъ послалъ къ источнику почерпнуть воды, но драконъ Ареса (*), стороживший источникъ, пожиралъ всѣхъ, кто только ни приближался къ священной водѣ. Кадмъ умертвилъ дракона, посѣялъ его зубы, и изъ нихъ выросли броненосные люди. Скоро между этими людьми возникли раздоры и битвы, въ которой они всѣ погибли, кромѣ пятерыхъ, сдѣлавшихся въ послѣдствіи предками кадмейцевъ, главами ѳиванскихъ родовъ. Въ срединѣ Беотіи Кадмъ построилъ Кадмею, крѣпость Ѳивъ. Послѣ этого дѣла, угоднаго богамъ, Зевсъ привелъ къ Кадму прекрасную Гармонію (порядокъ, законъ), дочь Ареса и Афродиты, на которой женился финикійскій герой. На свадьбѣ у Кадма были олимпійскіе гости съ богатыми подарками — Зевсъ далъ Гармоніи ожерелье, мудрая Аѳина верхнюю одежду; Аполлонъ игралъ на киѳарѣ, а прелестныя богини хариты пѣли свадебныя пѣсни. Преданіе говоритъ, что Кадмъ не только построилъ Кадмею, но изобрѣлъ мѣдное оружіе и буквы, называвшіяся кадмейскими, въ память основателя Кадмеи.

Конечно, въ этомъ преданіи не все для насъ ясно; наука не успѣла и до сихъ поръ раскрыть вполнѣ

(*) Аресъ или Марсъ — богъ войны у Грековъ, сынъ Зевса и Геры.

значеніе этого миѳа; но очевидно, что Кадмъ есть представитель финикійскихъ колоній на островахъ Ѳерѣ, Ѳазосѣ, во Ѳракіи и въ Беотіи. Этотъ миѳъ имѣетъ во многомъ большое сходство съ миѳомъ Миноса: Миносъ уничтожаетъ морскіе разбои на Эгейскомъ морѣ и вводитъ порядокъ и законность въ Критѣ и на сосѣднихъ островахъ;—Кадмъ убиваетъ дракона Ареса, представителя безпорядковъ, браней и убійствъ, и вводитъ въ Кадмею Гармонію, т. е. порядокъ, благо; Дедалъ строитъ для Миноса лабиринтъ; — Кадмъ открываетъ золотые рудники, строитъ крѣпостъ Кадмею, изобрѣтаетъ мѣдное оружіе и буквы, занятыя Греками у Финикіянъ. И въ религіозномъ отношеніи этотъ миѳъ имѣетъ тожественное значеніе съ миѳомъ Миноса: и здѣсь является Европа, т. е. сидонская Астарта, преслѣдуемая Кадмомъ, олицетворяющимъ собою Ваала-Мелькарта; но Астарта обращается въ корову, и только послѣ совершенія трудныхъ подвиговъ Кадмъ-Мелькартъ закладываетъ Кадмею, по указанію коровы, и успокоивается, соединяясь съ богиней порядка и блага.

Если Критъ, Родосъ, Кипръ и очень многіе острова Греческаго архипелага были заняты финикійскими поселеніями, если Аттика посылала дань Криту, какъ это видно изъ миѳа о Тезеѣ и Миносѣ,—то нисколько не удивительно, что въ Беотіи могла даржаться за крѣпкими стѣнами небольшая финикійская колонія и защищаться отъ туземныхъ народовъ, поддерживаемая, кромѣ собственныхъ силъ, славою Финикійцевъ, пользовавшихся въ тѣ времена большимъ значеніемъ. Время основанія финикійскихъ колоній на водахъ Эгейскаго

моря, на ѳракійскихъ берегахъ и въ Беотіи относится къ XIII столѣтію до Р. Х.

Древнѣйшія финикійскія поселенія, появившіяся на восточныхъ островахъ Средиземнаго моря, въ слѣдствіе необходимости уменьшить излишнее населеніе страны, достаточно потомъ показали Финикіянамъ, съ какою выгодою они могутъ обмѣнивать у карійцевъ, на малоазійскихъ берегахъ, и на островахъ Эгейскаго моря свои произведенія — оружіе, ткани, кубки и стеклянный товаръ, — на шерсть, кожу и рабовъ. Поселенія быстро переходили съ острова на островъ. Нѣтъ, сомнѣнія, что Финикіяне не всегда мирно занимали острова для своихъ поселеній, что они не рѣдко прибѣгали и къ помощи оружія тамъ, гдѣ это было необходимо. Сношенія съ полудикими береговыми народами и островитянами, незнакомыми съ выгодами цивилизаціи и торговли, заставляли Финикіянъ заботиться о построеніи хорошо укрѣпленныхъ мѣстъ на занимаемыхъ ими островахъ и объ удобныхъ гаваняхъ. Въ эти-то укрѣпленныя мѣста и безопасныя гавани смѣло направляли финикійскіе купцы свои корабли, надѣясь на вѣрный сбытъ своихъ товаровъ, защиту отъ бурь и отдыхъ среди своихъ соотечественниковъ послѣ трудовъ и опасностей морского пути. Здѣсь они запасались всѣмъ необходимымъ, обмѣнивали свои товары на туземныя произведенія и снова отважно пускались въ путь. Чѣмъ большія выгоды доставляли метрополіи ея колоніи, тѣмъ жизненнѣе и дѣятельнѣе были ихъ сношенія и отношенія. Съ Кипра получали Финикіяне мѣдную руду и строевой лѣсъ, Паросъ да-

валъ отличный мраморъ для постройки храмовъ и дворцовъ, ѳракійскія колоніи золото; въ замѣнъ этого, метрополія снабжала свои колоніи опытными матросами, кормчими, ремесленниками всякаго рода и строевымъ лѣсомъ — ливанскими кедрами и соснами, — необходимымъ для постройки большихъ купеческихъ кораблей.

Послѣ того какъ острова Эгейскаго моря покрылись факторіями и укрѣпленными гаванями Сидонянъ, финикійскія колоніи направляются къ западнымъ частямъ обширнаго Средиземнаго моря. Здѣсь уже появляются на первомъ планѣ Тиряне, къ которымъ переходитъ морское и политическое могущество Сидонянъ; они становятся на-долго представителями торговой, колоніальной и государственной жизни Финикіянъ. Тиряне открываютъ Сицилію, заселяютъ своими колоніями сѣверные берега Африки, доходятъ до Испаніи и переходятъ чрезъ завѣтные столбы Геркулесовы въ Атлантическій океанъ. Результатомъ этихъ счастливыхъ географическихъ открытій были неистощимыя богатства новооткрытыхъ земель, сильно оживившія торговлю всего средиземнаго побережья, и международныя сношенія богатыхъ восточныхъ странъ извѣстнаго тогда міра.

Одною изъ главнѣйшихъ причинъ частыхъ и сильныхъ переселеній изъ Тира и другихъ финикійскихъ городовъ, признававшихъ его политическое могущество, было періодически увеличивавшееся населеніе страны. Слава о богатствѣ Финикіи и ея многочисленныхъ, далекихъ колоній привлекала изъ внутренней Сиріи къ

финикійскимъ берегамъ цѣлыя массы народа, жаждавшаго пріобрѣтеній, готоваго на всѣ предпріятія, труды и опасности далекихъ морскихъ путешествій, чтобъ только достигнуть благосостоянія и избавиться отъ племенныхъ раздоровъ за первенство и постоянныхъ войнъ, свирѣпствовавшихъ между семитическими племенами со времени водворенія Евреевъ въ Ханаанѣ. Но это излишество населенія въ небольшой странѣ, богатыя, но далеко неудовлетворяемыя надежды, съ которыми появлялись въ новое отечество горные жители внутреннихъ областей Ханаана, и столкновенія интересовъ новыхъ гражданъ съ интересами коренныхъ жителей Финикіи порождали неудовольствія, борьбу партій, народныя смуты и возстанія, для усмиренія которыхъ правительства не рѣдко должны были прибѣгать къ вооруженной силѣ. Поэтому частая колонизація изъ финикійскихъ городовъ была не только возможна, но необходима и очень полезна въ интересахъ финикійскихъ государствъ. Неурожаи, дороговизна съѣстныхъ припасовъ, иногда всеобщія бѣдствія, поражавшія страну — землетрясенія и заразительныя болѣзни, — увеличивали страданія бѣднаго населенія и поощряли его къ переселеніямъ въ далекія колоніи, гдѣ представлялось больше возможности къ достиженію благосостоянія, независимости и гражданскаго полноправія, нежели въ богатой и аристократической Финикіи.

Древнѣйшія финикійскія поселенія въ западной части Средиземнаго моря принадлежали Сидонянамъ, какъ это видно изъ миѳа о смерти Миноса въ Сициліи.

«Финикіяне, говоритъ Ѳукидидъ (*), въ древнія времена заняли во всей Сициліи мысы и островки, лежащіе близъ береговъ этого острова, для торговли съ сицилійцами.» Главными мѣстами ихъ поселеній въ Сициліи были на югѣ — Русъ-Мелькартъ (древняя Миноя, названная Греками Гераклеей-Миноей), на западѣ Мотій, небольшой островъ, отдѣленный отъ берега узкимъ проливомъ, а на сѣверномъ берегу два города, Солеисъ и Маханатъ, т. е. лагерь, названный греками Панормомъ (Палермо); Маханатъ славился своими ткацкими заведеніями и красильнями. Нѣтъ сомнѣнія, что восточные берега Сициліи, южная Италія, Сардинія и богатая желѣзомъ Эльба были заняты финикійскими колоніями, до появленія въ этихъ странахъ древнѣйшихъ греческихъ поселеній: на это прямо указываютъ какъ архитектурные памятники Финикіянъ, встрѣчаемые и до сихъ поръ въ этихъ мѣстахъ, такъ и ихъ гражданское и религіозное вліяніе, отразившееся потомъ на бытѣ позднѣйшихъ обитателей этихъ странъ. Въ Мелитѣ (Мальта), бывшей посредницею въ торговыхъ сношеніяхъ между Сициліей, Африкою и метрополіей, Сидоняне соорудили своей богинѣ Астартѣ храмъ, остатки котораго сохранились и донынѣ; ихъ примѣру послѣдовали и Тиряне, выстроивши здѣсь же святилище своему богу покровителю, Ваалу Мелькарту.

(*) Ѳукидидъ, лучшій Греческій историкъ, родившійся въ Аѳинахъ въ 471 году до Р. Х. написалъ замѣчательное сочиненіе о Пелопоннезской войнѣ (431–404); онъ умеръ въ глубокой старости.

Съ особенной заботливостью Финикіяне занимались на этомъ каменистомъ островѣ земледѣліемъ, покрывая почву землей, привозимою ими изъ Сициліи, и окружая поля стѣнами, для того, чтобъ сильные дожди не смывали и не уносили плодородной земли. На небольшомъ островѣ Гавлѣ (Гоццо), къ сѣверу отъ Мальты, открыты также слѣды храма, свидѣтельствующіе о финикійскомъ поселеніи. Въ Сардиніи Тиряне основали приморскіе города, Каралисъ (Кальяри), Нору и Сульци, и завели свои поселенія даже на Балеарскихъ и Питіузскихъ островахъ.

Сѣверный берегъ Африки, отъ предѣловъ египетской пустыни до столбовъ Геркулеса, занимали безчисленные темнокожіе народы, насившіе у древнихъ общее названіе ливійскихъ племенъ; они вели различный родъ жизни, — занимались охотою, земледѣліемъ, скотоводствомъ и перекочевывали съ своими стадами изъ однихъ мѣстъ на другія. Народы эти были частью первобытными народами сѣверной Африки, частью выходцами изъ Эѳіопіи и остатками семитическихъ племенъ, господствовавшихъ нѣкогда въ Египтѣ и потомъ изгнанныхъ. Изъ соединенія этихъ племенъ съ Финикіянами, покрывавшими своими колоніями сѣвероафриканскіе берега, произошли Ливофиникіяне, занимавшіе въ исторіи финикійскихъ поселеній значительное мѣсто. Ливофиникіяне, охотнѣе посвящая свои труды земледѣлію и промышленности, нежели торговлѣ, составляли главное населеніе финикійскихъ колоній; они жили въ селахъ и небольшихъ внутреннихъ городахъ, служили военными наемниками, матросами и рабочими на фа-

брикахъ и торговыхъ заведеніяхъ въ большихъ приморскихъ городахъ, и вообще составляли весьма полезные низшіе классы городского населенія.

Береговыя страны Большого и Малаго Сирта, Цевгитаніи и Бизаціума (Триполь, Тунисъ и Алжиръ) были родиною древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ финикійскихъ колоній. Красота и роскошное плодородіе этихъ странъ славились въ древности. Кромѣ хлѣбопашества, занятіе которымъ доставляло огромныя выгоды — жатва давала сотое зерно, — здѣсь процвѣтало садоводство и огородничество. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ современные намъ путешественники встрѣчаютъ голую пустыню, обожженную тропическими вѣтрами и знойнымъ солнцемъ, изрѣдка оживленную небольшими оазами, тамъ нѣкогда процвѣтали, среди роскошной растительности, многочисленныя колоніи, славившіяся неутомимымъ населеніемъ, промышленной дѣятельностью и сильно развитой торговлей.

Къ древнѣйшимъ финикійскимъ поселеніямъ на берегахъ Большого и Малаго Сирта принадлежали Большой Лептисъ, къ востоку отъ нынѣшняго Триполя и Гиппо, близъ мыса Бона. Жители Лептиса и двухъ небольшихъ городковъ, Она и Сабрата, основали на морскомъ берегу Триполисъ, славившійся отличною гаванью. Городъ окружали крѣпкія стѣны и башни, служившія защитою всему береговому населенію отъ неожиданныхъ нападеній кочующихъ ливійскихъ племенъ. Къ сѣверу отъ Гиппо, при устьѣ Медшерда, лежала Утика (гостинница, мѣсто отдыха), бывшая средоточіемъ всей западной торговли, пока

Карѳагенъ не занялъ перваго мѣста въ этомъ отношеніи. Послѣ паденія Карѳагена въ борьбѣ съ Римомъ (146 г. до Р. Х.), Утика снова выступаетъ на первый планъ и дѣлается центромъ торговли для всѣхъ римскихъ провинцій въ Африкѣ. Къ юговостоку отъ Карѳагена важнѣйшими приморскими городами были— Тапсъ, Малый Лептисъ и Гадрументъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что весь африканскій берегъ къ западу отъ Карѳагена до Габралтарскаго пролива былъ занятъ финикійскими колоніями. Здѣсь приморскія области были еще плодороднѣе, нежели къ востоку отъ Карѳагена. Въ этихъ странахъ жатва бывала два раза, зерно давало въ посѣвѣ двѣсти сороковое зерно. Не рѣдко на незасѣянныхъ поляхъ собирали отличный хлѣбъ, явленіе, впрочемъ, извѣстное и въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ послѣ обильнаго урожая. Къ главнѣйшимъ городамъ этихъ странъ принадлежали Тингисъ (теперь Ангеръ), съ превосходною гаванью, имѣвшій огромную важность для испанскихъ колоній, и Ликсъ, у устья Зебу, съ знаменитымъ храмомъ Мелькарта, центръ торговли для жителей плодоносной страны къ югу отъ Тингиса. Финикіяне вели торговлю съ туземными жителями и вдоль западныхъ береговъ Мавританіи (Фецъ и Марокко), очень плодородныхъ и богато надѣленныхъ металлами всякаго рода, особенно серебромъ, мѣдью, желѣзомъ и свинцомъ, обиліемъ которыхъ и теперь еще славится провинція Суза.

Отъ сардинскихъ гаваней, Балеарскихъ и Питіузскихъ острововъ и самыхъ крайнихъ африканскихъ ко-

лоній недалеко было и до Испаніи. Финикіяне смѣло проплыли Гибралтарскій проливъ и пристали къ берегамъ славной въ древности Турдетаніи, орошаемой быстрыми водами Бетиса. Объ открытіи страны серебра и несмѣтныхъ богатствъ, нынѣшней провинціи Севиллы, сохранилось преданіе, приписывающее славу этого открытія Тирянамъ. Однажды, говоритъ это преданіе, оракулъ повелѣлъ Тирянамъ послать колонію къ столбамъ Геркулеса (Мелькарта). Когда моряки, посланные по этому божественному повелѣнію, доплыли до пролива при горѣ Кальпе (гдѣ лежитъ теперь англійская крѣпость Гибралтаръ), они приняли какъ этотъ утесистый мысъ, такъ и гору Абиликсъ, лежащую на противоположномъ африканскомъ берегу, за предѣлы обитаемой земли, и полагая, что цѣль ихъ путешествія достигнута, принесли, по сю сторону пролива, благодарственную жертву Мелькарту (*). Но жертва не была угодна богу; посланные не отважились заложить колонію и возвратились на родину. Во второе плаваніе они прошли проливъ, дошли до устья рѣки Тинте, гдѣ лежалъ древній иберійскій городъ Онобъ, между Гвадіаною и Гвадалквивиромъ; но и въ этотъ разъ жертва не была угодна богу, и они снова возвратились на родину, не исполнивши новелѣнія оракуна. Только въ третье путешествіе, когда Тиряне высадились на неболь-

(*) По понятіямъ древнихъ, эти мысы были границами міра, знаменитыми столбами Геркулеса, воздвигнутыми героемъ, во время его далекихъ странствованій, на предѣлахъ земли.

шой узкій островъ къ югу отъ рѣки Тартесса (Бѣтисъ древнихъ, нынѣшній Гвадалквивиръ), принесли жертву богу, и жертвоприношеніе оказалось благопріятнымъ, они соорудили на восточной сторонѣ острова храмъ Мелькарту, а на западной заложили городъ, названный ими Гадейра, т. е. твердыня, стѣна. Такъ получилъ начало извѣстный въ древности своими богатствами Гадесъ, теперешній Кадиксъ, заложенный Тирянами около 1100 года до Р. Х.

Хотя Гадесъ и лежалъ, на предѣлахъ извѣстнаго тогда къ западу міра, на узкомъ, небольшомъ островѣ, неимѣвшемъ даже прѣсной воды; но, по увѣренію Страбона, городъ этотъ былъ такъ великъ и населенъ, что по числу жителей уступалъ только одному Риму; его огромные корабли ходили въ Средиземное море и Атлантическій океанъ. Часть жителей занимала островъ, а часть жила на противоположномъ берегу материка, такъ что Гадесъ, подобно Тиру, состоялъ изъ двухъ городовъ, островного и материковаго.

Библейскія сказанія, древніе греческіе поэты и римскіе писатели единогласно говорятъ о необыкновенномъ обиліи серебра, найденнаго Финикіянами въ странѣ, орошаемой Гвадалквивиромъ. За оливковое масло и ничего нестоящія игрушки, первые поселенцы брали у туземцевъ такъ много серебра, что корабли ихъ не могли поднимать тяжести груза; и Финикіяне, чтобъ взять съ собой побольше серебра, дѣлали всѣ необходимыя для нихъ математическія вещи и якоря изъ серебра, а всѣ свои орудія, съ которыми они пріѣзжали, они оставляли въ Турдетаніи. По словамъ Діо-

дора (*), Финикіяне пріобрѣтали у туземцевъ серебро, незнавшихъ его цѣнности, за самую незначительную плату. Корыстолюбіе финикійскихъ купцовъ было такъ велико, по словамъ этого писателя, что, когда суда, нагруженныя серебромъ, не могли подымать излишней тяжести, они сбивали съ якорей свинецъ и замѣняли его серебромъ.

Страбонъ (**) утверждаетъ, что страна, орошаемая Бѣтисомъ, не можетъ сравниться ни съ какою другою страною міра въ плодородіи и во всѣхъ благахъ земли и моря. Нигдѣ не было въ такомъ изобиліи и такого хорошаго качества золота, серебра, мѣди и желѣза. Большая часть серебра добывалась въ горныхъ цѣпяхъ, тянущихся подлѣ сѣвернаго берега Бѣтиса. Золото добывалось не только въ рудникахъ, но получалось и посредствомъ промывки, ибо ручьи и рѣки Турдетаніи содержали золотой песокъ. Страна изобиловала каменной солью, домашнимъ скотомъ, тонкорунными овцами, хлѣбомъ и прекрасными масличными садами и виноградниками. Приморскіе берега были наполнены черепаховыми животными и большими пурпуровыми улитками, а море своими приливами прибивало къ берегамъ множество рыбы. Турдетанскіе рыбные заводы особенно славились ловлей скумбріи и извѣстными, высокоцѣнимыми въ древности тартесскими

(*) Римскій историкъ, жившій въ первомъ вѣкѣ до Р. Х. См. «Подснѣж.» 1860 г. № 1, стр. 60.

(**) Страбонъ, знаменитѣйшій изъ греческихъ географовъ, жилъ въ первомъ вѣкѣ до Р. Х.

сигами. Финикіяне вывозили изъ этой счастливой страны, кромѣ благородныхъ металловъ, мѣди и желѣза, воскъ, медъ, смолу, киноварь, тонкую шерсть и кожи и ввозили богатыя произведенія восточныхъ странъ и издѣлія своихъ безчисленныхъ фабрикъ.

Туземные жители южной Испаніи признавали владычество Финикіянъ, находясь къ нимъ въ данническихъ отношеніяхъ. Страна была покрыта богатыми многолюдными городами. На южномъ берегу Турдетаніи лежали приморскіе города, Картея, подлѣ нынѣшняго Гибралтара, дальше къ востоку Малака (Малага) и Абдера (Адра). Особенно славился своими богатствами внутренній городъ на Бѣтисѣ, Гиспалисъ или Сефела, т. е. низменность, теперь Севилла, занимавшій по своей торговлѣ первое мѣсто послѣ Гадеса. Большая часть городовъ древней Турдетаніи и даже южной Португаліи, какъ это показываетъ ихъ названіе, была финикійскаго происхожденія. Главнымъ и богатѣйшимъ городомъ страны, средоточіемъ всей западной торговли и оплотомъ финикійскихъ колоній былъ Гадесъ, имѣвшій для Финикіянъ, кромѣ своего политическаго и торговаго значенія, еще особенную религіозную важность по древнѣйшему въ странѣ храму Мелькарта. Это религіозное значеніе Мелькарта было такъ велико для жителей южной Испаніи, что спустя 1000 лѣтъ послѣ основанія Гадеса, въ немъ совершались еще по старымъ обычаямъ метрополіи празднества въ честь Мелькарта, защитника и покровителя торговли и всѣхъ великихъ предпріятій.

Изъ Гадеса финикійскія суда направлялись къ сѣ-

веру, по западнымъ борегамъ Испаніи и Франціи; здѣсь, у сѣверныхъ береговъ Франціи, Мидакритъ открылъ Касситериды (Оловяные острова). Жители этихъ стрововъ вели пастушескую жизнь, занимались скотоводствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они добывали на своихъ островахъ олово и свинецъ и охотно обмѣнивали Финикіянамъ эти металлы и кожи на мѣдные сосуды, соль и глиняную посуду. Оловянными островами называли древніе небольшіе Ссиллійскіе или Сорлингскіе острова, лежащіе недалеко отъ юго-западной оконечности Британіи. Съ этихъ стрововъ Финикіяне дохидили до береговъ Британіи, гдѣ они вымѣнивали на свои произведенія олово, открытое ими потомъ и въ Испаніи. Противъ Британіи, на сѣверномъ берегу Галліи (Франціи), Финикіяне вымѣнивали янтать, собиравшійся туземными жителями на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря и доходившій посредствомъ мѣновой торговли между туземцами, до Галліи. Уже въ X столѣтіи до Р. Х., Финикіяне выдѣлывали изъ янтаря дорого цѣнившіяся въ древности янтарыя ожерелья и многія галантерейныя вещи, въ то время, какъ географическія свѣдѣнія Грековъ не простирались далѣе Эгейскаго моря.

Въ одно и тоже время, Финикіяне, доходившіе на западѣ до береговъ Британіи, — на востокѣ, благодаря дружественнымъ отношеніямъ Гирама и Соломона, открыли морской путь въ Индію, вастран у зотота, благовоній и слоновой кости. Они покрыли всѣ берега и острова Средиземнаго моря своими укрѣпленными городами, колоніями и факторіями, ихъ

суда перекрещивали во всѣхъ направленіяхъ обширныя воды Средиземнаго бассейна, встрѣчая вездѣ удобныя гавани и радушный пріемъ. Относительно восточнаго образованія, ассирійско - вавилонскаго, высшаго въ отдаленныя времена древности, Финикіяне занимали первое мѣсто среди народовъ Малой Азіи и Европы. По всей вѣроятности, для Ѳракійцевъ, древнѣйшихъ Грековъ, Сицилійцевъ и ливійскихъ народовъ, населявшихъ южные берега Средиземнаго моря, Финикіяне имѣли такое же значеніе, съ какимъ явились потомъ, 2500 лѣтъ спустя, образованные Испанцы и Португальцы относительно жителей новооткрытыхъ странъ Вестъ-Индіи и Остъ-Индіи.

4. Потеря независимости и упадокъ финикійскихъ городовъ.

Борьба тирскихъ партій, побудившая значительную часть аристократіи оставить Тиръ и основать Карѳагенъ, долго свирѣпствовала въ метрополіи; этимъ ослаблялись взаимныя отношенія между Тиромъ и отдѣльными финикійскими городами, составлявшими союзъ самостоятельныхъ государствъ. Интересы партій не только въ Тирѣ, но и въ другихъ, менѣе значительныхъ городахъ становятся разрозненнѣе, враждебнѣе. Отдѣльные города, признававшіе первенство Тира, и многія богатыя тирскія колоніи стремятся къ независимой политической жизни и потрясенію могущества Тира. Хотя Тиръ еще въ теченіе цѣлаго столѣтія удерживалъ за собою политическое пер-

венство, хлагодаря своей древней славѣ, богатству испанскихъ колоній и огромному флоту, преобладавшему на водахъ Средиземнаго моря; но союзныя отношенія финикійскихъ городовъ къ Тиру были такъ слабы и ненадежны, что достаточно было малѣйшаго внѣшняго толчка для уничтоженія этихъ отношеній. Въ восьмомъ столѣтіи нинивійскіе цари разорвали союзъ финикійскихъ городовъ. Съ тѣхъ поръ богатая финикійская торговля постепенно падаетъ, а сама Финикія, потерявши свою политическую самостоятельность, поочередно подчиняется тѣмъ могущественнымъ государствамъ, которыя быстро возникали въ Малой Азіи одно за другимъ, со времени вавилонскаго владычества.

Готовясь къ борьбѣ съ Етиптянами и вмѣстѣ съ тѣмъ стремясь къ распространенію своего владычества къ западу отъ Евфрата, чтобъ обезпечить за собою обладаніе богатыми приморскими и внутренними городами сирійскихъ племенъ, ассирійскіе цари отъ Фула до Сангериба (770—720) постоянно вторгались въ Сирію съ своими боевыми конями и колесницами. Съ другой стороны, фараоны египетскіе, страшась приближенія сильнаго непріятеля, старались сдѣлать изъ Ханаана оплотъ для собственной защиты отъ Ассирійянъ—заключили для этой цѣли съ сирійскими племенами оборонительные союзы, давали имъ блестящія обѣщанія и вмѣшивались даже въ дѣла ихъ внутренней политики, стараясь уничтожать враждебныя столкновенія отдѣльныхъ государствъ. Находясь среди двухъ могущественныхъ государствъ, сирійскія племена могли держаться только тѣснымъ оборонительнымъ и на-

ступательнымъ союзомъ; но вмѣсто того, чтобъ заботиться о взаимной внѣшней безопасности, они обезсиливали себя внутренними раздорами и постоянной враждою за права политическаго первенства. Уже Тиглатъ Пелизаръ, наслѣдникъ Фула, думалъ о покореніи финикійскихъ городовъ, послѣ удачнаго похода противъ Іудеи и завоеванія Дамаска; воинственный Салманасаръ привелъ въ исполненіе планы своего отца. Съ большими силами онъ выступилъ противъ Элулая, царя тирскаго, и въ самое короткое время весь сирійскій берегъ до Асдода былъ во власти Ассиріянъ. «Напрасно Тиръ, говоритъ Захарія въ своихъ пророчествахъ, строилъ твердыни и собралъ серебра, какъ пыли, и золота, какъ уличнаго сору. Господь его посѣтитъ и низвергнетъ его могущество въ море, и огонь пожретъ его. И увидитъ то Аскалонъ и убоится, и устрашится Газа. и смутится Экронъ, увидѣвши подобное. И не будетъ больше царя въ Газѣ, и Аскалонъ останется необитаемымъ. И Асдодъ населится иноплеменниками.»

Сначала финикійскіе города сопротивлялись Ассиріянамъ, надѣясь на помощь Египтянъ; но египетскіе фараоны, какъ оказалось на дѣлѣ, умѣли только обѣщать, больше заботясь о собственной безопасности, нежели объ исполненіи договоровъ. Подчиняясь необходимости, всѣ приморскіе города, кромѣ хорошо защищеннаго Тира, сдались Салманасару (726) и заключили съ нимъ договоры. Сидонъ, Акра и многіе другіе города финикійскіе, съ давнихъ поръ враждуя противъ Тира и съ завистью глядя на неистощимыя богатства его испанскихъ колоній и морское могущество,

рады были возможности, даже среди несчастій ими самими испытанныхъ, увеличить бѣдствія осажденнаго Тира: послѣ разоренія Ассиріянами береговаго Тира, финикійскіе города охотно выставили, по повелѣнію Салманасара, для блокады Тира съ моря, шестьдесятъ хорошо вооруженныхъ кораблей; но храбрые Тиряне совершенно разбили этотъ флотъ. Пользуясь крѣпкою позиціею, почти недоступною съ сухого пути, и будучи хорошо защищенъ съ моря высокими стѣнами, башнями и скалистыми берегами острова, Тиръ въ теченіе пяти лѣтъ мужественно отстаивалъ свою независимость не только при Салманасарѣ, но и при наслѣдникѣ его, Сангерибѣ. Лишенные всякихъ сообщеній съ берегомъ и недопускаемые къ рѣкѣ и бассейнамъ Стараго Тира, Тиряне терпѣли нужду въ прѣсной водѣ, добывая ее съ большимъ трудомъ изъ колодцевъ, вырытыхъ ими во время долговременной осады, или изъ цистернъ, наполнявшихся дождями. Во время безуспѣшной осады Тира, ассирійская армія двинулась на югъ и заняла всѣ филистимлянскіе города. Теперь все сирійское побережье, кромѣ Тира, признало власть Ассиріянъ и стало въ данническія отношенія къ ассирійскимъ царямъ.

Впрочемъ ассирійское владычество не стѣсняло торговой дѣятельности Финикіянъ. Покоривши Сирію и богатые финикійскіе города, бывшіе до сихъ поръ средоточіемъ восточной и западной торговли, нинивійскіе цари кротко поступали съ Финикіянами, надѣясь при посредствѣ этого промышленнаго и торговаго народа облегчить сбытъ произведеній своихъ странъ и расши-

рить предѣлы своей торговли до береговъ Средиземнаго моря. Съ этою цѣлью въ верхней Сиріи, въ области Дамаска, и даже въ странѣ Филистимлянъ появились ассирійскія колоніи. Пользуясь временной тишиной, наступившей за покореніемъ страны, и покровительствомъ Ассиріянъ, Финикіяне возобновили торговую дѣятельность, направивши свои богатые караваны къ сѣверовостоку, по дамасскому торговому пути, въ Вавилонію, Ассирію и Арменію. Но покровительство Ассиріянъ и богатыя торговыя сношенія съ внутренними странами передней Азіи не могли вознаграждать Финикіянъ за потерю самостоятельности и свободы, съ лишеніемъ которыхъ быстро упадало и торговое ихъ значеніе. Богатыя финикійскія колоніи на водахъ Эгейскаго моря, въ южной Италіи, Сициліи и на африканскихъ берегахъ, зная о политической зависимости своихъ прежнихъ повелителей, быстро отпадали отъ метрополіи, становясь такимъ образомъ или самостоятельными или признавая власть сильныхъ сосѣднихъ народовъ. Многія африканскія колоніи вошли въ составъ карѳагенскихъ, другія, въ Италіи, Сициліи и на островахъ Эгейскаго моря, соединились съ новыми поселеніями греческими. Финикіяне теряли свое прежнее значеніе не только въ далекихъ колоніяхъ, но и въ близкихъ къ нимъ малоазійскихъ береговыхъ странахъ, гдѣ вся торговля сосредоточивалась въ немногочисленныхъ, но богатыхъ финикійскихъ поселеніяхъ и въ рукахъ тирскихъ и сидонскихъ купцовъ. Въ седьмомъ столѣтіи начинаютъ усиливаться малоазійскіе города; мало-помалу въ нихъ развивается торговая дѣятельность и

промышленность, значительно ослабляя, по крайней мѣрѣ въ Малой Азіи, всѣ торговыя дѣла Финикіянъ. Столѣтіе спустя, многіе малоазійскіе города занимаютъ уже первое мѣсто въ торговой жизни передней Азіи.

Къ концу седьмого столѣтія египетскіе фараоны, Псамметихъ и Нехо, пользуясь ослабленіемъ ассирійскаго царства, снова склоняютъ на свою сторону Финикіянъ и Іудеевъ, отчасти обѣщаніями, отчасти дѣйствительною помощью противъ Ассиріянъ, но незначительные успѣхи египетскаго оружія въ Сиріи вскорѣ замѣнились пораженіями, когда съ паденіемъ ассирійскаго царства быстро возвышается вавилонское, въ лицѣ Набонассара и его знаменитаго сына Навуходоносора. Войска фараона Нехо потерпѣли ужасное пораженіе при Кархемисѣ (605 г.). Преслѣдуя разбитыхъ Египтянъ, Новохудоносоръ подчинилъ своей власти, временно освободившихся изъ подъ владычества Ассиріянъ, Финикіянъ и Евреевъ, и для ослабленія судейскаго царства онъ увелъ съ собою въ Вавилонъ множество плѣнныхъ Евреевъ. Кажется, что это плѣненіе, наполнившее плачемъ и страданіями всю Іудею, было причиною новаго сильнаго возстанія сирійскихъ племенъ для потрясенія вавилонскаго ига. При первомъ извѣстіи объ отпаденіи царей тирскаго и іерусалимскаго, платившихъ Вавилону дань, Новуходоносоръ появился въ Сиріи съ огромною арміею, положилъ конецъ судейскому царству (588) и покорилъ города финикійскіе и филистимлянскіе. Одинъ Тиръ, дорожа своею древнею славою и пользуясь несокрушимыми укрѣпленіями, храбро отстаивалъ свою независимость.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ войска Новуходоносора держали Тиръ въ самой строгой осадѣ. Старый Тиръ былъ разрушенъ, противъ островного Тира воздвигались отяготительныя осадныя работы, такъ что у Вавилонянъ, по словамъ пророка Іезекіиля, «всякая глава была плѣшива и всякое плечо наго»; но царь Итобаалъ съ своими мужественными Тирянами крѣпко держался. Только въ 572 году Тиряне сдались на условіе, признали верховное владычество царя вавилонскаго и приняли на себя нѣкоторыя обязательства.

Не смотря на владычество Вавилонянъ въ Сиріи и Финикіи, Египтяне вмѣшивались во внутреннія дѣла финикійскихъ городовъ и вездѣ поддерживали демократическія партіи, вооружая ихъ противъ аристократіи. Вслѣдствіе этого во многихъ городахъ были народныя смуты и борьба партій, какъ на это указываетъ между прочимъ то обстоятельство, что въ Тирѣ во времена вавилонскаго владычества управляли то цари, то верховные судьи, быстро смѣняя одни другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти частыя перемѣны верховныхъ правителей зависѣли непосредственно отъ преобладанія въ дѣлахъ управленія аристократовъ или демократовъ.

Съ паденіемъ вавилонскаго царства въ борьбѣ съ Киромъ (538), вавилонское владычество надъ Сиріею и Финикіею замѣнилось персидскимъ. Финикіяне безъ всякаго сопротивленія подчинились своимъ новымъ повелителямъ, находясь къ нимъ въ такомъ же точно отношеніи, какъ и къ вавилонянамъ — платили извѣстную дань и составляли изъ своихъ кораблей, въ случаѣ необходимости, главнѣйшую часть персидскаго

флота. Какъ ни былъ силенъ Тиръ, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій бывшій представителемъ финикійскаго могущества, но долговременныя осады до того его ослабили, что во времена персидскаго владычества даже второстепенные финикійскіе города, Сидонъ и Арадъ, пріобрѣли надъ нимъ перевѣсъ. Конечно, не однѣ осады были причиною ослабленія Тира; гораздо существеннѣе въ этомъ отношеніи дѣйствовали частыя и сильныя переселенія изъ Тира во времена вавилонскаго владычества. Какъ ни кротко и покровительственно не поступали Персы съ Финикіянами, но собственные государственные интересы заставляли ихъ быть снисходительнѣе къ второстепеннымъ торговымъ городамъ, менѣе опаснымъ для спокойствія страны, нежели древній Тиръ. Съ этою цѣлью Персы постоянно поддерживали соперничество слабѣйшихъ городовъ съ Тиромъ, питали въ нихъ зависть къ его славѣ и дозволили даже Сидону первенство надъ всѣми финикійскими городами, назначивъ сидонскаго царя адмираломъ союзнаго персидскаго и финикійскаго флота.

Ко времени персидскаго владычества относится основаніе позднѣйшаго финикійскаго города, Триполиса, населеннаго жителями трехъ городовъ, Сидона, Тира и Арада. Триполисъ, теперешній Тараблъ, состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей или кварталовъ, окруженныхъ стѣнами. Въ этомъ союзномъ городѣ собирался народный совѣтъ (герусія) трехъ величайшихъ финикійскихъ городовъ, состоявшій изъ ста сенаторовъ или старѣйшихъ, которые съ общаго согласія рѣшали вопросы о мирѣ и войнѣ, составляли верховное суди-

лище и наблюдали за торговыми и государственными интересами всей страны. Нѣтъ сомнѣнія, что Финикіяне избрали одинъ нейтральный городъ для рѣшенія важнѣйшихъ общихъ государственныхъ вопросовъ, чтобъ избѣгать, при рѣшеніи этихъ вопросовъ, тѣхъ интригъ, постоянной борьбы партій и частныхъ интересовъ каждаго города, которые въ прежніе времена всегда разъединяли и ослабляли и безъ того незначительныя силы мелкихъ финикійскихъ государствъ.

Около двухсотъ лѣтъ сирійскія племена спокойно жили подъ владычествомъ Персовъ, занимаясь торговлей и внутренними дѣлами; но въ царствованіе несчастнаго Дарія III Кодомана обширная Персидская монархія въ свою очередь испытываетъ судьбы Ниневіи и Вавилона, подчиняясь горсти македонскихъ героевъ, предводимыхъ геніяльнымъ полководцемъ.

Послѣ блестящей побѣды при Иссѣ, въ октябрѣ 333 года, одержанной Александромъ надъ персидскими полчищами, Дарій бѣжалъ въ Персію, покинувъ разбитую армію, богатый лагерь и даже собственное семейство; а Александръ, овладѣвши всѣми сокровищами богатаго лагеря и захвативши въ плѣнъ семейство Дарія, направился къ югу, для занятія финикійскихъ городовъ. Чтобъ обезопасить свои дѣйствія съ тылу, Александру необходимо было покорить Финикію, имѣвшую для Персовъ огромное значеніе своими морскими силами. Финикійскіе города быстро сдавались, видя, что всякое сопротивленіе безполезно; одинъ островный Тиръ, гордясь своею древнею славою, своими грозными укрѣпленіями, выдерживавшими уже

долговременныя осады, и надѣясь на помощь сильнаго Карѳагена, хотѣлъ остаться нейтральнымъ, обѣщая Александру не открывать до окончанія войны своихъ воротъ ни Персамъ, ни Македонянамъ. Къ твердой увѣренности въ своей непобѣдимости, Тиряне присоединяли еще сладкую надежду на освобожденіе отъ персидскаго владычества и прежнюю самостоятельность, въ чемъ Дарій, по ихъ соображеніямъ, не отказалъ бы имъ, изъ благодарности за удачное сопротивленіе Александру. Не безъ основанія Тиряне надѣялись на свои испытанныя силы: въ памяти ихъ отцовъ и дѣдовъ еще свѣжи были преданья о геройской защитѣ Тира во время тринадцатилѣтей осады Навуходоносора; но они не знали неодолимаго мужества македонскихъ воиновъ и преданности ихъ своему великому полководцу, и жестоко поплатились за свою отвагу.

Новый Тиръ, отстоя отъ берега на четыре стадія (1200 шаговъ), былъ отлично укрѣпленъ съ береговой стороны крѣпкими и высоми стѣнами и боевыми башнями, а съ моря и флотомъ, и стѣнами; съ сухого пути онъ былъ недоступенъ. Но для Александра не существовало препятствій и трудностей, предъ которыми остановился бы обыкновенный завоеватель; онъ предпринялъ сооруженіе огромной плотины съ берега къ стѣнамъ Тира, и только по окончаніи этой необыкновенно трудной работы приступилъ къ осадѣ. Часто одна буря уничтожала въ нѣсколько часовъ долгіе труды и усилія Македонянъ; часто Тиряне, подъѣзжая на лодкахъ къ рабочимъ и осыпая ихъ стрѣлами, спрашивали съ насмѣшкой: «не хочетъ ли Але-

ксандръ быть сильнѣе Нептуна?» Но не смотря на всѣ препятствія, съ которыми постоянно приходилось бороться Македонянамъ при сооруженіи плотины, работы быстро подвигались впередъ. Успѣхи Александра смущали Тирянъ. Хотя они по прежнему мѣшали работамъ всѣми средствами, но, видя, что плотина приближается къ ихъ стѣнамъ, рѣшились, наконецъ, перевезти въ Карѳагенъ, для избѣжанія опасностей осады, всѣхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ; въ Тирѣ осталось только населеніе, способное защищаться до послѣдней крайности. Съ величайшими усиліями и большою потерею людей, Александру удалось одолѣть всѣ препятствія—плотина была доведена къ самымъ стѣнамъ Тира; но до побѣды было далеко даже Александру, этому новому Ахиллу позднѣйшихъ Грековъ. Тиряне рѣшились дорого продать свою свободу; они защищались съ необыкновеннымъ мужествомъ и искусствомъ. Казалось, отчаяніе и неминуемая гибель рождали у нихъ новыя силы и новыя средства защиты, заставлявшія Македонянъ неоднократно отступать отъ стѣнъ съ огромнымъ урономъ. Они осыпали осаждавшихъ, съ своихъ высокихъ стѣнъ, камнями, стрѣлами, раскаленнымъ желѣзомъ и пескомъ. Часто Тиряне дѣлали вылазки и храбро сражались съ Македонянами внѣ стѣнъ. Не разъ Александръ думалъ отказаться отъ осады, видя, что всѣ его усилія и храбрость Македонянъ не могутъ преодолѣть упорства и искусства Тирянъ; но его удерживали подлѣ Тира еще больше собственныя слава и стыдъ отступленія, нежели важность этого города въ стратегическомъ отно-

шеніи для будущихъ его завоеваній въ Египтѣ и Вавилоніи. Наконецъ на помощь македонскому флоту прибыли Кипріоты и Родосцы. Въ то время, какъ соединенный флотъ сильно дѣйствовалъ съ моря метательными машинами, Александръ, презирая всѣ опасности, первый взобрался съ плотины, съ небольшой кучкой Македонянъ, на стѣны, и его личная отвага и воодушевленіе солдатъ довершили семимѣсячные боевые труды (въ іюнѣ 333 года). Городъ былъ взятъ, занятъ; но Тиряне отчаянно защищались въ самомъ городѣ, устроивши на улицахъ баррикады. Въ этой послѣдней свалкѣ погибло до семи тысячъ Тирянъ; около тридцати тысячъ, избѣжавшихъ смерти, продано въ рабство, а знаменитыя тирскія укрѣпленія, разрушены почти до основанія.

До завоеваній Александра въ Финикіи, Тиръ былъ первымъ торговымъ городомъ на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, складочнымъ мѣстомъ богатствъ восточныхъ странъ и центромъ торговли извѣстнаго тогда міра. Послѣ взятія Тира и уничтоженія его укрѣпленій, Александру не хотѣлось, чтобы среди его новыхъ завоеваній могъ снова подняться древній Тиръ и по старому сдѣлаться центромъ богатствъ и торговли. Съ этою цѣлью, послѣ завоеванія Египта, Александръ заложилъ близъ моря, въ западномъ устьѣ Нила, новый торговый городъ, Александрію, сдѣлавшійся со временъ Александра и Птоломеевъ новымъ средоточіемъ всемірной торговли. Съ этихъ поръ Тиръ, лишенный богатой морской и караванной торговли, обратился къ промышленной дѣятельности, и долго еще

славился своими пурпуровыми красильнями, ткацкими фабриками и стеклянными заводами.

Въ 313 году до Р. Х., Тиръ переходитъ во власть Антигона, одного изъполководцевъ Александра Великаго, послѣ осады, длившейся тринадцать мѣсяцевъ. Это долгое сопротивленіе достаточно показываетъ, что Тиръ, разоренный Александромъ до основанія, скоро оправился и пріобрѣлъ важность, возбуждавшую въ наслѣдникахъ Александра желаніе обладать этимъ богатымъ городомъ.

Со временъ Птоломея I, утвердившагося въ Египтѣ, Финикія и вся Сирія подчинились ему. Въ 284 году, Селевкъ овладѣваетъ Сиріей и Финикіей и основываетъ царство Селевкидовъ, при которыхъ Финикія потеряла даже свое торговое значеніе, тревожимая безпрерывными войнами. Въ 64 году до Р. Х., Помпей подчинилъ Сирію и Финикію римскому владычеству. Съ этихъ поръ исторія Финикіи тѣсно связывается съ судьбами всѣхъ малоазійскихъ народовъ, признававшихъ римское владычество. Прослѣдимъ, по крайней мѣрѣ, судьбы Тира.

Цари сирійскіе оставили за Тиромъ его независимость; независимостью и свободой пользовался онъ и во времена римскаго владычества. До подчиненія мусульманамъ, послѣ раздѣленія Римской имперіи на восточную и западную, Тиръ и другіе финикійскіе города признавали власть константинопольскихъ императоровъ. Во времена крестовыхъ походовъ, Старый Тиръ, финикійскій (*), обратившійся давнымъ-давно въ мусульманскій, выдерживалъ осады крестоносцевъ

(*) Новый Тиръ, лежавшій на островахъ, погрузился въ III вѣкѣ по Р. Х. въ море, вслѣдствіе сильныхъ землетрясе-

и былъ даже въ ихъ власти сто шестьдесятъ семь лѣтъ (1124—1291). Еще въ XII вѣкѣ, по словамъ тирскаго архіепископа Вильгельма, Тиръ былъ окруженъ съ восточной стороны двойной стѣной и глубокимъ, широкимъ рвомъ. Небольшая область древняго Тира, хорошо орошаемая водами Наръ-эль-Казиме и частыми цистернами, была покрыта роскошною растительностью и отличными фруктовыми садами. Въ 1202 году страшное землетрясеніе потрясло всю Сирію; но съ особенною силою оно отразилось въ Финикіи, въ области Тира. По словамъ арабскаго историка XII вѣка, Абдъ-Аллатифа, потрясеніе было такъ сильно, что многія населенныя мѣста совершенно исчезли, не оставивши послѣ себя и слѣдовъ. «20 мая 1202 года, говоритъ онъ, на разсвѣтѣ почувствовали сильное землетрясеніе, ужаснувшее всѣхъ. Оно продолжалось довольно долго. Много населенныхъ мѣстъ совершенно исчезло, и послѣ нихъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ; при этомъ погибло безчисленное множество людей. Волненіе моря и колебаніе волнъ представляли ужасное и невиданное зрѣлище: воды разверзались въ разныхъ мѣстахъ и раздѣлялись на массы, подобныя горамъ.»

Частыя землетрясенія совершенно измѣнили видъ древней Финикіи; ея лучшіе приморскіе города обратились въ развалины, да и самая страна получила пустынный, безжизненный характеръ.

(*Окончаніе въ слѣдующ. №*).

ній, вмѣстѣ съ островами, на которыхъ онъ былъ расположенъ.

КВЕНТИНЪ ДОРВАРДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА.

(ВЪ СОКРАЩЕНІИ)

(окончаніе).

XXXII.

ГЕРОЛЬДЪ.

Въ залѣ немедленно очистили мѣсто, и всѣ, находившіеся въ ней изъявили любопытство увидѣть герольда котораго мятежные жители Литтиха осмѣлились послать къ такому надменному государю, какъ герцогъ бургундскій, сильно на нихъ разгнѣванный. Надобно припомнить, что въ то время посылали другъ къ другу герольдовъ только владѣтельные государи въ торжественныхъ случаяхъ; а менѣе могущественные владѣльцы отправляли только *poursuivant*, повѣренныхъ низшаго разряда. Замѣтимъ также мимоходомъ, что Людовикъ XI, всегда осмѣивавшій то, что не показывало существенной власти и прямыхъ выгодъ, особенно презиралъ герольдовъ и геральдику, — чему соперникъ его Карлъ, котораго гордость была совершенно въ другомъ родѣ, придавалъ значительную степень церемонной важности.

Герольдъ, введенный въ присутствіе государей, былъ одѣтъ въ герольдскую мантію, вышитую гербами его повелителя: въ нихъ особенно выказывалась кабанья голова. Остатокъ его костюма, вообще достаточно пестраго, былъ покрытъ необычайнымъ множествомъ кружевъ, шитья и украшеній всякаго рода; плюмажъ его былъ такъ высокъ, какъ будто онъ хотѣлъ перьями его обметать потолокъ залы. Короче,

всегдашняя мишурная пышность герольдскаго наряда была тутъ преувеличена до каррикатурности. Наружность самого герольда показывала смѣсь дерзости съ боязливостью, какъ у человѣка, взявшагося за опасное порученіе, и чувствующаго, что одна только смѣлость можетъ спасти его. Такая же смѣсь нахальства и страха видна была въ странной неловкости, съ которою онъ привѣтствовалъ государей, и которая показывала, что онъ вовсе не привыкъ быть въ присутствіи высокихъ особъ.

— Кто ты, во имя дьявола? было привѣтствіе, съ которымъ встрѣтилъ его герцогъ Карлъ.

— Я, отвѣчалъ посолъ: — Красный Вепрь, герольдъ Гильома де-ла-Марка, милостіею Божіею и избраніемъ капитула принца епископа литтихскаго.

— Что?... воскликнулъ Карлъ; но, какъ будто подавивъ свой гнѣвъ, знакомъ велѣлъ ему продолжать.

— А по правамъ его супруги, высокопочтенной графини Амелины де-Круай, и сеньера де-Брахмонъ.

Крайнее удивленіе герцога Карла при необычайной дерзости, съ которою титулы эти были возвѣщены въ его присутствіи, повидимому поразило его онѣмѣніемъ, герольдъ, заключая, вѣроятно, что онъ произвелъ впечатлѣніе возвѣщеніемъ своего званія, продолжалъ:

— *Annuncio vobis gaudium magnum* (*), сказалъ онъ: — извѣщаю васъ, герцогъ Карлъ Бургундскій и графъ Фландрскій, отъ имени моего повелителя, что, вслѣдствіе ежеминутно ожидаемаго разрѣшенія отъ свя-

(*) Возвѣщаю вамъ радость великую.

таго отца въ Римѣ, и до назначенія приличнаго преемника *ad sacra*, онъ намѣревается исполнять обязанности епископскаго сана, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать права графа де-Круай.

Герцогъ бургундскій, при этой и другихъ разстановкахъ рѣчи герольда, только отпускалъ: «а!», или подобныя этому междометія, не давая никакого отвѣта; тонъ восклицаній его показывалъ человѣка, хотя удивленнаго и разгнѣваннаго, но желающаго выслушать все до конца прежде, нежели отвѣчать. Къ величайшему удивленію всѣхъ, онъ удержался отъ обычныхъ своихъ дикихъ и отрывистыхъ жестовъ, и сидѣлъ неподвижно, прижавъ къ зубамъ ноготь своего большого пальца, что онъ всегда дѣлывалъ, когда слушалъ что нибудь со вниманіемъ; глаза его были потуплены, какъ будто онъ не хотѣлъ обнаруживать могущаго проявиться въ нихъ гнѣва.

Посолъ продолжалъ излагать свое порученіе также смѣло и нисколько не смущаясь: — А потому, отъ имени принца епископа литтихскаго и графа де-Круай, я требую отъ васъ, герцогъ Карлъ, чтобъ вы отказались отъ всѣхъ притязаній и притѣсненій касательно вольнаго имперскаго города Литтиха, на которыя вы считали себя въ правѣ вслѣдствіе потворствъ покойнаго Людовика де-Бурбона, прежняго недостойнаго епископа литтихскаго.

— Какъ?... снова воскликнулъ герцогъ.

— Чтобъ вы также возвратили знамена общины, отнятыя вами насильственно у города, числомъ тридцать шесть; исправили проломы въ его стѣнахъ, и

возстановили укрѣпленія, тираннически вами сокрушенныя, и признали моего повелителя, Гильйома де-ла-Марка, принцомъ епископомъ, законно избраннымъ отъ вольнаго каноническаго капитула, изложеніе чего вы можете здѣсь видѣть.

— Кончилъ ли ты? спросилъ герцогъ.

— Нѣтъ еще. Я долженъ требовать отъ вашей милости, со стороны сказаннаго благороднѣйшаго и преподобнѣйшаго принца, епископа и графа, чтобъ вы немедленно отозвали гарнизонъ свой изъ Бракмонскаго Замка и другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, принадлежавшихъ къ графству де-Круай, который поставленъ былъ туда или отъ вашего милостиваго имени, или отъ имени называющей себя Изабеллою де-Круай, или кого бы то ни было, пока не рѣшитъ имперскій сеймъ, должны ли сказанныя владѣнія принадлежать сестрѣ покойнаго графа, благороднѣйшей госпожѣ Амелинѣ, или дочери его.

— Однако, продолжалъ герольдъ: — благородный и преподобный принцъ и графъ намѣренъ, когда кончатся всѣ другіе споры съ Бургундіей, назначить графинѣ Изабеллѣ удѣлъ, приличный ея званію.

— Онъ великодушенъ и заботливъ, замѣтилъ герцогъ прежнимъ тономъ.

— Ну, клянусь совѣстью бѣднаго дурака, сказалъ ле-Глорье потихоньку графу де-Крэвкеру: — я бы лучше желалъ быть въ шкурѣ самой гадкой коровы, околѣвшей во время скотскаго падежа, чѣмъ въ расписномъ кафтанѣ этого молодца! Бѣднякъ идетъ впередъ очертя голову, какъ пьяницы, которые заглядываются

только на слѣдующую кружку, а не на счетъ, который хозяинъ чертитъ мѣломъ за перегородкой.

— Ты еще не кончилъ? снова спросилъ герцогъ герольда.

— Еще одно слово, отвѣчалъ Красный Вепрь: — отъ вышесказаннаго моего благороднѣйшаго и достопочтеннѣйшаго повелителя, касательно достойнаго и вѣрнаго союзника его, христіаннѣйшаго короля...

— Что еще?... воскликнулъ герцогъ, вскочивъ съ мѣста и съ большею яростью, нежели при прежнихъ своихъ возгласахъ; но онъ тотчасъ же переломилъ себя и снова приготовился слушать.

— Котораго христіаннѣйшаго короля особа, какъ носятся слухи, находится принужденно у васъ, Карлъ Бургундскій, въ противность подданству вашему французской коронѣ и чести, соблюдаемой между христіанскими государями. По каковой причинѣ, сказанный мой высокій и преосвященный повелитель, моими устами, требуетъ, чгобъ вы немедленно освободили его царственнаго и христіаннѣйшаго союзника, или приняли вызовъ, который я уполномоченъ произнести вамъ, герцогу Карлу Бургундскому.

— Кончилъ ли ты наконецъ? сказалъ герцогъ.

— Кончилъ, отвѣчалъ горольдъ: — и жду отвѣта вашей милости, увѣренный, что этотъ отвѣтъ предупредитъ пролитіе христіанской крови.

— Ну, клянусь св. Георгіемъ бургундскимъ! сказалъ герцогъ... Но прежде, нежели онъ могъ продолжать, Людовикъ всталъ и заговорилъ такимъ велича-

вымъ и повелительнымъ тономъ, что Карлъ не рѣшился прерывать его.

— Позвольте, любезный бургундскій братецъ, сказалъ король: — мы сами просимъ первенства голоса для отвѣта этому наглецу. — Слушай, герольдъ, или кто бы ты ни былъ! передай клятвопреступному злодѣю и убійцѣ, Гильйому де-ла-Марку, что французскій король будетъ скоро передъ Литтихомъ съ намѣреніемъ покарать святотатственнаго убійцу его покойного возлюбленнаго родственника, Людовика де-Бурбона, и что онъ намѣренъ повѣсить де-ла-Марка живого за дерзость, съ которою онъ осмѣливается называть себя его союзникомъ и вложить его царственное имя въ уста одного изъ своихъ низкихъ посланцевъ.

— Прибавь что хочешь съ моей стороны, сказалъ Карлъ: — что прилично сказать отъ государя простому разбойнику и убійцѣ, — и вонъ отсюда!... Однако, стой! Никогда еще герольдъ не уходилъ отъ отъ бургундскаго двора, не имѣя причины кричать: «щедрость!» Велѣть его высѣчь, пока не обнажатся у него кости!

— Но позвольте, ваша милость, воскликнули въ голосъ Крэвкеръ и д'Эмберкуръ: — онъ герольдъ и долженъ пользоваться привилегіями.

— Это вы, мессиры, возразилъ герцогъ: — такіе филины, что воображаете себѣ, будто мантія дѣлаетъ герольда. Я вижу по гербамъ этого негодяя, что онъ самозванецъ. Пусть выступитъ впередъ Туазонъ д'Оръ и поговоритъ съ нимъ въ нашемъ присутствіи.

Не-смотря на всю свою наглость, посолъ Дикаго Вепря Арденнскаго поблѣднѣлъ, хотя лицо его и было покрыто бѣлилами и румянами. Туазонъ д'Оръ, главный герольдъ герцога и герольдмейстеръ всѣхъ его владѣній, выступилъ впередъ съ важностью человѣка, чувствующаго достоинство своего сана, и спросилъ своего предполагаемаго собрата, въ какой коллегіи онъ изучалъ благородную науку? Не долго продолжался ученый разговоръ, потому что Красный Вепрь съ первыхъ же словъ обнаружилъ свое невѣжество и наконецъ, такъ запутался, что, герцогъ, выведенный изъ терпѣнія, крикнулъ:

— Эй кто нибудь! привести сюда этого негодяя. Слушай, мерзавецъ, продолжалъ онъ самымъ жестким тономъ: — понимаешь ли ты разницу между серебрянымъ и золотымъ полемъ въ чемъ нибудь другомъ, кромѣ чеканенныхъ монетъ?

— Ради жалости, ваша милость, пощадите меня! Благородный король Людовикъ, скажите за меня хоть слово!

— Говори за себя самъ, сказалъ герцогъ: — однимъ словомъ, герольдъ ты, или нѣтъ?

— Только на теперешній случай! сознался уличенный обманщикъ.

— Эй! стащить его на рыночную площадь, сѣчь бичами и ремнями, пока герольдская мантія не повиснетъ на немъ лохмотьями! На Краснаго вепря! гого! Ало-ало!

Четыре или пять огромныхъ собакъ, въ родѣ изображаемыхъ на охотничьихъ картинахъ, надъ кото-

рыми Рубенсъ и Шнейдерсъ трудились вмѣстѣ, — услышали знакомые клики, которыми заключилъ свою рѣчь герцогъ, и начали выть и лаять, какъ будто вепрь былъ только что поднятъ изъ своего логовища.

— Клянусь распятіемъ! сказалъ король Людовикъ, старавшійся уловить направленіе идей своего опаснаго родственника: — если оселъ нарядился въ шкуру вепря, я спустилъ бы на него собакъ, чтобъ онѣ содрали ее съ недостойнаго!

— Правда, правда! воскликнулъ герцогъ Карлъ, которому эта мысль пришлась какъ нельзя больше понутру: — сдѣлать это! спустить со своры собакъ! смирно, Тальботъ! смирно, Бомонтъ! Мы сейчасъ затравимъ его отъ дверей замка къ восточнымъ воротамъ.

— Надѣюсь, ваша милость поступите со мною, какъ съ краснымъ звѣремъ, и дадите мнѣ честное разстояніе? сказалъ бѣднякъ, стараясь смотрѣть на это дѣло какъ можно смѣлѣе.

— Ты только насѣкомое, сказалъ герцогъ: — и не имѣешь правъ на охотничьи законы; однако получишь шестьдесятъ шаговъ впередъ, ради твоей неслыханной наглости. Впередъ, впередъ, господа! посмотримъ на травлю! — И засѣданіе совѣта было вдругъ прервано съ шумомъ, и всѣ спѣшили, и проворнѣе всѣхъ оба государя, полюбоваться на человѣколюбивую забаву, изобрѣтенную королемъ Людовикомъ.

Красный Вепрь показалъ необычайное проворство: окрыленный страхомъ, имѣя за собою съ десятокъ свирѣпыхъ псовъ, воспитанныхъ для кабаньей травли,

поощряемый звукомъ роговъ и криками псарей, онъ летѣлъ какъ вѣтеръ: еслибъ на немъ не было герольдской мантіи (самаго неудобнаго костюма для бѣга), онъ бы, можетъ быть, и отдѣлался, потому что увертывался раза два весьма успѣшно. Никто изъ присутствовавшихъ при этомъ, не исключая даже самаго Карла, не былъ восхищенъ больше короля Людовика, который отчасти изъ политическихъ соображеній, отчасти и потому, что ему нравились человѣческія страданія, когда они являлись въ смѣшномъ видѣ, хохоталъ до того, что слезы потекли у него изъ глазъ, и схватился за горностаевую мантію герцога, какъ будто для того, чтобъ поддержать себя; а герцогъ, не менѣе его восхищенный, обхватилъ рукою плечо короля, обнаруживая такимъ образомъ довѣренное сочувствіе и короткость, совершенно противоположныя ихъ недавнему взаимному положенію.

Наконецъ, проворство самозванца-герольда не могло спасать его долѣе отъ когтей его преслѣдователей: собаки схватили его, опрокинули, и вѣроятно не замедлили бы растерзать, еслибъ герцогъ не закричалъ: — «Прочь! прочь! Отнять его у нихъ! Онъ бѣжалъ такъ хорошо, что хотя потомъ и не защищался, однако мы бы не хотѣли, чтобъ его отправили на тотъ свѣтъ.»

Нѣсколько человѣкъ поспѣшно бросились отнимать у собакъ настигнутую ими добычу; одни начали сосворивать ихъ, другіе пустились въ погоню за псами, которые разбѣжались по улицамъ и размахивали обрыв-

ками пестрой мантіи, которую несчастный лжегерольдъ надѣлъ въ злополучный для него часъ.

Въ эту минуту, пока герцогъ былъ до того занятъ происходившимъ передъ нимъ, что не могъ обращать вниманіе на дѣлавшееся у него за спиною, Оливье Лань, скользнувъ къ королю, шепнулъ ему на ухо: — «Это Цыганъ Гайраддинъ Мограбинъ; его бы не слѣдовало допускать говорить съ герцогомъ.»

— Онъ долженъ умереть, отвѣчалъ Людовикъ также тихо: — мертвые не разсказываютъ сказокъ.

Черезъ минуту послѣ того, Тристанъ Пустынникъ, которому Оливье далъ намекъ, выступилъ передъ королемъ и герцогомъ, и сказалъ грубымъ голосомъ: — Если ваше величество и ваша милость позволите, затравленный звѣрь принадлежитъ мнѣ, и я его требую: онъ обозначенъ моимъ клеймомъ — лиліи выжжены на его плечѣ, какъ всякій можетъ видѣть. Это извѣстный злодѣй, который убивалъ подданныхъ короля, грабилъ церкви, угнеталъ дѣвъ, стрѣлялъ дичь въ королевскихъ паркахъ...

— Довольно, довольно! прервалъ герцогъ Карлъ: — онъ по многимъ грамматамъ принадлежитъ моему царственному братцу. Что ваше величество располагаете съ нимъ сдѣлать?

— Если онъ предоставленъ мнѣ, такъ я хотѣлъ бы дать ему окончательный урокъ въ геральдикѣ, въ который онъ такъ мало свѣдущъ, отвѣчалъ король: — я только хочу объяснить ему практически значеніе крестообразной *potence* (висѣлицы) съ прилично привѣшенною петлею.

— Не такою, которую онъ будетъ носить, а которая понесетъ его... Пусть онъ воспользуется наставленіями вашего кума Тристана — самаго глубокомысленнаго профессора въ этихъ таинствахъ!

Сказавъ это, герцогъ расхохотался надъ своею остроумною выходкой, и Людовикъ такъ усердно ему вторилъ, что соперникъ его не могъ удержаться, взглянулъ на него ласково и сказалъ: — Ахъ, Людовикъ, Людовикъ! если бъ Богъ далъ, чтобъ ты былъ такимъ же честнымъ государемъ, какой ты веселый собесѣдникъ! Не могу не вспоминать того чуднаго времени, которое мы, бывало, проводили вмѣстѣ.

— Вы можете возвратить его, если только захотите, сказалъ Людовикъ: — я готовъ согласиться на лучшія условія, какихъ бы вы только могли отъ меня потребовать въ моемъ теперешнемъ положеніи, не боясь стыда сдѣлаться баснею христіанскаго міра; я поклянусь соблюдать ихъ надъ святыми мощами, которые всегда имѣю счастіе носить на себѣ, надъ кусочкомъ отъ истиннаго креста.

Тутъ онъ вынулъ небольшой золотой ящичекъ, висѣвшій у него на шеѣ подъ рубашкою на золотой цѣпочкѣ, и, поцаловавъ его съ благоговѣніемъ, продолжалъ:

— Никогда еще ложная клятва не произносилась надъ этимъ святымъ кусочкомъ безъ того, чтобъ она не была наказана въ продолженіе года.

— Однако, возразилъ герцогъ: — это тѣ самыя мощи, надъ которыми вы поклялись мнѣ въ дружбѣ,

выѣзжая изъ Бургундіи, и вскорѣ потомъ прислали мерзавца Рюбемпре убить или захватить меня.

— Э, любезный братецъ! зачѣмъ припоминать старинныя неудовольствія? Увѣряю васъ, вы въ этомъ дѣлѣ были обмануты. Да, кромѣ того, я въ тотъ разъ клялся не надъ *этимъ*, а надъ другимъ обломкомъ истиннаго креста, добытымъ мною отъ султана и вѣроятно потерявшимъ часть своей чудотворной силы отъ пребыванія у невѣрныхъ. Къ тому же, развѣ война для общаго благоденствія не началась въ томъ же году? развѣ бургундскія войска не были расположены лагеремъ у Сенъ-Дени, поддержанныя всѣми великими вассалами Франціи? и развѣ я не былъ вынужденъ отдать Нормандію моему брату? О, Боже оборони насъ отъ клятвопреступничества съ такимъ поручительствомъ, какъ эти обстоятельства!

— Хорошо, братецъ! отвѣчалъ герцогъ: — вѣрно, что ты получилъ урокъ, какъ впередъ держать свое слово. А теперь, разъ навсегда, безъ тонкостей и лукавства, сдержите ли вы свое обѣщаніе и пойдете ли со мною для наказанія этого убійцы де-ла-Марка и жителей Литтиха?

— Я выступлю противъ нихъ, созвавъ всѣхъ своихъ вельможъ и дворянъ, съ развернутою орифламмой.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого будетъ больше, чѣмъ нужно или полезно! Присутствіе вашей шотландской гвардіи да сотенъ двухъ избранныхъ копій покажетъ достаточно, что вы дѣйствуете по собственной волѣ. Большая армія могла бы...

— Въ самомъ дѣлѣ заставить меня дѣйствовать такимъ образомъ, хотѣли вы сказать, любезный братецъ? Хорошо; вы сами назначите число тѣхъ, которые должны слѣдовать за мною.

— А чтобъ совсѣмъ устранить причину многихъ несогласій, вы согласитесь на бракъ графини Изабеллы де-Круай съ герцогомъ Орлеанскимъ?

— Любезный братецъ, возразилъ король: — вы доводите мою сговорчивость до крайности. Герцогъ — обрученный женихъ моей дочери Жанны. Будьте великодушны, оставьте это дѣло, и поговоримъ лучше на счетъ городовъ на Соммѣ.

— О нихъ совѣтъ мой будетъ разсуждать съ вашимъ величествомъ, отвѣчалъ Карлъ: — у меня самаго не столько лежитъ на сердцѣ пріобрѣтеніе земель, какъ удовлетвореніе обидъ. Вы подговаривали моихъ вассаловъ: такъ ваше королевское соизволеніе должно и располагать рукою питомицы Бургундіи. Ваше величество отдадите ее одному изъ членовъ своей собственной королевской фамиліи, если ужь вы тутъ вмѣшивались... иначе, совѣщаніе прерывается.

— Если бъ я сказалъ, что соглашаюсь на это охотно, отвѣчалъ король: — никто мнѣ не повѣрилъ бы; и потому, любезный братецъ, судите, какъ велико мое желаніе обязать васъ, когда я скажу весьма неохотно, что если обѣ стороны будутъ согласны и можно будетъ получить разрѣшеніе отъ папы, то съ моей стороны не встрѣтится препятствій къ исполненію вашего желанія.

— Все остальное легко устроится нашими министрами, и мы еще разъ братья и друзья!

— Хвала небесамъ! воскликнулъ Людовикъ: — въ ихъ рукахъ сердца государей, они склоняютъ ихъ къ милосердію и миру, и предупреждаютъ пролитіе человѣческой крови. Оливье, прибавилъ онъ послѣ того шопотомъ своему любимцу, который безпрестанно слѣдовалъ за нимъ, какъ заговоренный духъ за чародѣемъ: — Слушай, скажи Тристану, чтобъ онъ скорѣе кончилъ съ этимъ негодяемъ цыганомъ.

XXXIII.

КАЗНЬ.

— Хвала Богу, давшему намъ силу смѣяться и смѣшить другихъ, и срамъ вялымъ псамъ, презирающимъ должностью шута! Вотъ шутка, и еще не изъ самыхъ блестящихъ (но пропустимъ это, если ею позабавились два государя), которая сдѣлала больше тысячи государственныхъ соображеній для предупрежденія войны между Франціей и Бургундіей.

Это замѣчаніе произнесъ ле-Глорье, когда, вслѣдствіе описаннаго въ предъидущей главѣ примиренія между обоими государями, бургундская стража была выведена изъ Перонискаго Замка, жилище короля перенесено изъ зловѣщей Башни Графа Эрбера, и, къ большой радости Французовъ и Бургундцевъ, покрай-

ней мѣрѣ наружный видъ добраго согласія снова возстановился между герцогомъ Карломъ и его верховнымъ властелиномъ. Однако, Людовикъ, хотя съ нимъ и обращались церемонно почтительно, очень чувствовалъ себя предметомъ подозрѣній, но благоразумно показывалъ видъ, будто не замѣчаетъ этого и повидимому казался вполнѣ непринужденнымъ.

Между тѣмъ, (какъ и часто случается) главныя дѣйствующія стороны кое какъ сладили въ своихъ несогласіяхъ, а одному изъ замѣшанныхъ въ ихъ интригахъ агентовъ низшаго разряда пришлось горько испытать истину политическаго правила, которое гласитъ, что «если великіе часто нуждаются въ низкихъ орудіяхъ, то извиняются въ этомъ передъ обществомъ, предавая бѣдняковъ на произволъ ихъ судьбы, когда въ нихъ больше нѣтъ надобности.»

Такого рода несчастливцемъ былъ Гайраддинъ Мограбинъ, котораго чиновники герцога сдали на руки королевскому уголовному профосу, а тотъ поручилъ своимъ вѣрнымъ двумъ адъютантамъ, Труазешеллю и Птитъ-Андре, чтобъ они кончили съ нимъ безъ потери времени. Оба шли по сторонамъ цыгана, въ сопровожденіи нѣсколькихъ стражей и толпы черни; одинъ разъигрывалъ *allegro*, другой *penseroso*, и оба сопутствовали ему къ ближайшему лѣсу; тамъ, чтобъ избавиться отъ дальнихъ хлопотъ и церемоній воздвиженія парадной висѣлицы, распорядители участи Гайраддина приготовились вздернуть его на первомъ удобномъ деревѣ.

Имъ стоило небольшого труда отъискать дубъ, какъ Птитъ-Андре остроумно замѣтилъ, приличный для такого жолудя. Посадивъ несчастнаго преступника на скамью подъ достаточнымъ присмотромъ, они принялись за предварительныя приготовленія къ окончательной развязкѣ. Въ это время, глядя на толпу, Гайраддинъ встрѣтился глазами съ Дорвардомъ, который, думая узнать въ уличенномъ герольдѣ лицо своего вѣроломнаго проводника, послѣдовалъ за толпою, чтобъ быть свидѣтелемъ казни и увѣриться, что онъ не ошибся въ своей догадкѣ.

Когда палачи увѣдомили Гайраддина, что все уже готово, онъ съ большимъ спокойствіемъ сказалъ имъ, что имѣетъ до нихъ одну только просьбу.

— Все, что угодно, мой сынъ, что только не противно нашему долгу, отвѣчалъ Труазешелль.

— То есть, сказалъ Гайраддинъ: — все, кромѣ моей жизни.

— Совершенно такъ и даже нѣсколько болѣе, возразилъ Труазешелль: — потому что, видя, какъ ты собираешься сдѣлать честь нашимъ таинствамъ и умереть мужественно, не дѣлая кислыхъ рожъ, — я не вижу бѣды, если окажу тебѣ минутъ на десять снисхожденія, хоть намъ и велено торопиться.

— Ты даже слишкомъ щедръ, возразилъ Гайраддинъ.

— Право, насъ могутъ пожурить за это, сказалъ Птитъ Андре: — но что жь за бѣда? Я почти готовъ отдать жизнь за такого ловкаго, плотнаго, твердаго

молодца, который располагаетъ спуститься внизъ съ пріятностью, приличною честному малому.

— Такъ что, если тебѣ нуженъ духовникъ... сказалъ Труазешель...

— Или литръ вина, сказалъ его веселый товарищъ.

— Или псаломъ, сказалъ первый.

— Или пѣсенку, сказалъ вторый.

— Ничего этого не нужно, мои добрые, любезные и расторопнѣйшіе друзья! возразилъ цыганъ. — Я только прошу позволенія поговорить нѣсколько минутъ вонъ съ тѣмъ стрѣлкомъ шотландской гвардіи.

Палачи на минуту задумались; но Труазешель вспомнилъ, что, по разнымъ обстоятельствамъ, Квентинъ Дорвардъ считался въ большой милости у короля Людовика, и они рѣшились допустить это свиданіе.

По призыву ихъ, Квентинъ Дорвардъ, подошедши къ осужденному преступнику, не могъ не быть пораженнымъ его наружностью, какъ бы справедлива ни была ожидавшая его участь. Остатки геральдической пестроты, висѣвшіе лохмотьями отъ зубовъ и когтей собакъ и отъ рукъ двуногихъ, освободившихъ его отъ ихъ ярости, чтобъ передать палачамъ, — давали ему смѣшной и жалкій видъ. Лицо его было перепачкано красками и остатками поддѣльной бороды, служившей къ его замаскированію, а щеки и губы покрыты смертельною блѣдностью; но сильное страдательное мужество, какъ и у большей части одноплеменниковъ цыгана, выражалось въ блестящихъ, блуждающихъ гла-

захъ его и въ сжатой улыбкѣ его устъ, такъ что казалось, будто онъ съ презрѣніемъ вызывалъ ожидавшую его смерть.

Квентинъ былъ пораженъ отчасти ужасомъ, отчасти состраданіемъ, приближаясь къ несчастному; чувства эти, вѣроятно, обнаружились въ его лицѣ и пріемахъ, потому что Птитъ-Андре закричалъ: — Выступайте смѣлѣе, веселый стрѣлокъ! этому господину недосугъ дожидаться васъ, если вы будете ходить по каменьямъ, какъ по яйцамъ, и бояться разбить ихъ.

— Я долженъ говорить съ нимъ наединѣ, сказалъ преступникъ и казалось, отчаяніе хрипѣло въ его горлѣ, когда онъ произносилъ эти слова.

— Это едва ли сообразно съ нашею должностью, мой веселый скакунчикъ, возразилъ Птитъ Андре: — мы давно знаемъ тебя за скользкаго угря.

— У меня руки и ноги связаны вашими ремнями, сказалъ преступникъ: — вы можете разставить вокругъ меня часовыхъ, но только поодаль; стрѣлокъ служитъ вашему же королю... и если я дамъ вамъ десять гильдеровъ...

— Если употребить эту сумму на панихиды, она принесетъ пользу его бѣдной душѣ, замѣтилъ Труазешель.

— А если употребить ее на вино или брантвейнъ, она принесетъ отраду моему бѣдному тѣлу, отозвался Птитъ Андре. — Подавай же ихъ сюда, мой миленькій дружокъ.

— Заплати дань этимъ кровожаднымъ собакамъ,

сказалъ Гайраддинъ Дорварду: — меня очистили до послѣдняго штивера, когда я попался къ нимъ въ руки... это тебѣ много послужитъ.

Квентинъ отсчиталъ палачамъ требуемую взятку, и они, какъ люди честные, удалились такъ, что не могли ничего услышать, однако не спускали глазъ съ малѣйшихъ движеній преступника. Подождавъ съ минуту, чтобъ дать несчастливцу время собраться съ мыслями, и видя, что онъ молчитъ, Квентинъ обратился наконецъ къ нему: — И вотъ какого заключенія ты наконецъ дождался?

— Да, отвѣчалъ Гайраддинъ: — не нужно было ни астролога, ни физіономиста, ни хиромантика, чтобъ предсказать мнѣ, что меня постигнетъ участь моего семейства.

— Ты дошелъ до этого ранняго конца долгимъ путемъ измѣны и преступленій!

— Нѣтъ, клянусь Альдебораномъ и его блестящими собратіями! Меня довело до этого безуміе, заставившее повѣрить, что кровожадная жестокость Франка можетъ быть остановлена даже тѣмъ, что, по ихъ словамъ, сами они считаютъ священнымъ. Монашеская ряса спасла бы меня не болѣе герольдовой мантіи, какъ бы пустосвятны ни были ваши увѣренія въ набожности и рыцарствѣ.

— Уличенный обманщикъ не имѣетъ права на преимущества присвоеннаго имъ наряда, сказалъ Дорвардъ.

— Уличенный! возразилъ цыганъ: — Моя болтовня была не хуже вздора того стараго дурака ге-

рольда; но оставимъ это. Все равно, что теперь, что послѣ.

— Ты употребляешь во зло свое время, сказалъ Квентинъ: — Если ты хочешь что нибудь сказать мнѣ, говори скорѣе и потомъ позаботься о душѣ своей.

— О душѣ? возразилъ цыганъ съ отвратительнымъ смѣхомъ: — Ты думаешь, что двадцатилѣтняя проказа можетъ вылечиться въ одно мгновеніе? Если у меня есть душа, то она такъ скиталась съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, что нуженъ бы былъ цѣлый мѣсяцъ, чтобъ припомнить всѣ мои преступленія, да потомъ другой мѣсяцъ, чтобъ разсказать ихъ на исповѣди: а еслибъ мнѣ удѣлили столько времени, то можно прозакладывать пять противъ одного, что я употребилъ бы его иначе.

— Не богохульствуй, закоснѣлый злодѣй! Говори что тебѣ нужно, и потомъ я оставлю тебя твоей участи, сказалъ Дорвардъ съ состраданіемъ, которое смѣшивалось съ ужасомъ.

— У меня есть къ тебѣ просьба, сказалъ Гайраддинъ: — но сперва я куплю ее у тебя, потому что ваше племя, не смотря на всѣ свои увѣренія въ милосердіи, даетъ ничто за ничто.

— Я могъ бы сказать, пусть дары твои гибнутъ вмѣстѣ съ тобою, но ты уже на самой закраинѣ вѣчности. Говори свою просьбу и побереги свою щедрость: она не можетъ принести мнѣ пользы; я помню достаточно твои прежнія добрыя услуги.

— Что жь? я любилъ тебя за дѣло на берегахъ

Шера и готовъ былъ доставить тебѣ богатую даму. Ты носилъ ея шарфъ, что отчасти сбило меня съ толку... дѣйствительно, я думалъ, что Амелина, съ своимъ движимымъ имуществомъ, была бы для тебя выгоднѣе, чѣмъ другая воробьиная самка съ своею старою бракмонскою насѣстью, которую Карлъ стиснулъ въ когтяхъ и вѣроятно не выпуститъ изъ нихъ.

— Не пустословь, несчастный! сказалъ Квентинъ: — вонъ тѣ чиновники уже теряютъ терпѣніе.

— Дай имъ еще десять гильдеровъ за другія десять минутъ, отвѣчалъ преступникъ, который, подобно всѣмъ находящимся въ его положеніи, примѣшивалъ смѣлость къ желанію оттянуть роковую минуту: — говорю тебѣ, что это принесетъ тебѣ большую пользу.

— Такъ употреби хорошенько купленныя такимъ образомъ минуты, сказалъ Квентинъ, и безъ труда выторговалъ еще десять минутъ у помощниковъ уголовнаго судьи.

Когда торгъ кончился, Гайраддинъ продолжалъ: — Да, увѣряю тебя, что я желалъ тебѣ добра, и Амелина оказалась бы пригодною тебѣ и спокойною женою. Вѣдь она сладила даже съ Вепремъ Арденнскимъ, хотя его ласки очень круты; и хозяйничаетъ себѣ въ его хлѣвѣ, какъ будто она всю жизнь питалась только жолудями и шелухою.

— Брось эти скотскія и неумѣстныя шутки! сказалъ Дорвардъ: — не то, еще разъ говорю тебѣ, я оставлю тебя твоей участи.

— Ты правъ, отвѣчалъ Гайраддинъ послѣ краткаго молчанія: — чего нельзя отложить, то надобно

встрѣтить! Ну, такъ знай же, что я пришелъ сюда въ этомъ проклятомъ платьѣ за большую награду отъ де-ла-Марка, и въ ожиданіи еще большей отъ короля Людовика, не только за тѣмъ, чтобъ объявить герцогу вызовъ Дикаго Вепря, о чемъ ты вѣрно слышалъ, но чтобъ передать королю важную тайну.

— Ты пускался на ужасную опасность!

— Мнѣ за то и заплатили, а опасность дѣйствительно оказалась ужасною. Передъ тѣмъ, де-ла-Маркъ хотѣлъ сообщить это Людовику черезъ Мартонъ; но она, повидимому, могла только добиться свиданія съ астрологомъ, которому разсказала всѣ обстоятельства путешествія и все, что было въ Шонвальдтѣ. Вѣроятно, ея новости достигнутъ слуха Людовика не иначе, какъ въ видѣ пророчествъ. Но выслушай мою тайну, которая важнѣе всего, что Мартонъ могла бы сообщить. Гильйомъ де-ла-Маркъ собралъ въ Литтихѣ многочисленное и сильное войско, которое ежедневно усиливаетъ помощію сокровищъ стараго епископа. Но онъ не располагаетъ отваживаться на битву съ рыцарствомъ Бургундіи, а еще менѣе намѣренъ выдерживать осаду въ разрушенномъ городѣ. Вотъ, что онъ намѣренъ сдѣлать: онъ допуститъ жаркоголоваго Карла расположиться передъ городомъ безъ сопротивленія, а ночью сдѣлаетъ вылазку и нападетъ на станъ Бургундцевъ со всѣми своими силами. Многіе будутъ у него во французскомъ вооруженіи и закричатъ: «Франція! св. Людовикъ! Дени Монжуа!» и тому подобное, какъ будто въ городѣ сильный вспомогательный отрядъ союзниковъ. Все это вмѣстѣ должно произвести крайнее

смущеніе между Бургундцами; а если король Людовикъ съ своими тѣлохранителями, приближенными и всѣми воинами, какіе у него наберутся, поможетъ его усиліямъ, то Вепрь Арденнскій нисколько не сомнѣвается въ истребленіи всей бургундской арміи. Вотъ моя тайна, — передаю ее тебѣ. Предупреди это предпріятіе... продай вѣсть королю Людовику или герцогу Карлу, мнѣ все равно... спасай, или губи кого хочешь. Что до меня, я жалѣю объ одномъ, что не могу взорвать эту мину на гибель всѣмъ имъ!

— Это дѣйствительно важная тайна, сказалъ Квентинъ, понявшій съ перваго раза, какъ легко было бы возбудить національные раздоры въ станѣ, составленномъ изъ Французовъ и изъ Бургундцевъ.

— Да, вотъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ Гайраддинъ: — а теперь, такъ какъ оно въ твоихъ рукахъ, ты бы охотно готовъ былъ уйдти, оставя меня безъ согласія на мою просьбу, за которую я заплатилъ впередъ.

— Говори, чего ты отъ меня хочешь? Все исполню, если это будетъ въ моей власти.

— Нѣтъ, просьба очень неважная... я только прошу тебя о моемъ Клепперѣ, моей бѣдной лошадкѣ, единственномъ живомъ существѣ, которое можетъ пожалѣть обо мнѣ. На добрую милю къ югу ты увидишь, что онъ пасется около заброшенной хижины угольщика; свисни ему такъ (тутъ онъ свиснулъ особеннымъ манеромъ) и назови его по имени, Клеппером, — онъ прійдетъ къ тебѣ; у меня подъ кафтаномъ есть уздечка... хорошо, что собаки не отняли

ее, потому что Клепперъ не повинуется другой уздечкѣ. Возьми его и пользуйся имъ, я не говорю, ради его прежняго хозяина, но потому, что я отдалъ на твой произволъ судьбу великой войны. Конь мой никогда не покинетъ тебя въ нуждѣ; день и ночь, гладкое поле и неровныя мѣста, ведро и ненастье, теплыя конюшни или зимнее небо, все равно Клепперу; еслибъ я выбрался за ворота Перонны и могъ добѣжать до того мѣста, гдѣ его оставилъ, — не быть бы мнѣ здѣсь... Будешь ли ты добръ къ Клепперу?

— Клянусь, что буду! отвѣчалъ Квентинъ, тронутый чертою нѣжности въ такомъ ожесточенномъ характерѣ.

— Такъ прощай! сказалъ осужденный: — Нѣтъ... стой, стой! я бы не хотѣлъ умереть неучтивымъ, забывъ исполнить порученіе дамы. Записка эта отъ весьма милостивой и докрайности безумной супруги Дикаго Вепря Арденнскаго къ ея черноокой племянницѣ; вижу по твоимъ глазамъ, что я избралъ усерднаго посланца... И еще одно слово: я забылъ сказать, что въ набивкѣ моего сѣдла ты найдешь богатый кошелекъ съ золотыми монетами, за которыя я поставилъ свою жизнь на ставку, окупившуюся мнѣ такъ дорого. Возьми ихъ и возврати себѣ сторицею гильдеры, которые ты отдалъ этимъ кровожаднымъ мерзавцамъ: я дѣлаю тебя своимъ наслѣдникомъ.

— Употреблю ихъ на добрыя дѣла и на панихиды за упокой души твоей, сказалъ Квентинъ.

— Не повторяй этого слова! возразилъ Гайрад-

динъ, и лицо его приняло страшное выраженіе: — нѣтъ, не можетъ быть, никогда не будетъ этого!... это бредни манаховъ!

— Несчастный, несчастнѣйшее существо! Подумай лучше! позволь мнѣ поспѣшить за духовникомъ: люди эти подождутъ еще нѣсколько, — я подкуплю ихъ. Чего ты можешь ожидать въ будущемъ, умирая съ такимъ понятіями и безъ покаянія?

— Разрѣшиться въ стихіяхъ, отвѣчалъ закоснѣлый безбожникъ, прижимая къ груди своей связанныя руки: — моя надежда, моя увѣренность, мои ожиданія заключаются въ томъ, что таинственный составъ человѣка раздѣлится на общую массу природы, чтобъ снова образоваться въ другія формы, которыми она ежедневно замѣняетъ то, что ежедневно исчезаетъ и возвращается въ другихъ видахъ: водяныя частицы обратятся въ дожди и потоки, земляныя обогатятъ мать свою, землю, воздушныя превратятся въ легкіе вѣтерки, а огненныя присоединятся къ сіяющему Альдеборану и его собратіямъ. Въ такой вѣрѣ я жилъ, въ ней и умру! Ступай! прочь отсюда! не смущай меня! Я уже произнесъ послѣднее слово, которому еще внимаютъ уши смертныхъ!

Глубоко пораженный ужасомъ, Квентинъ Дорвардъ однако видѣлъ, что напрасны были бы надежды возбудить въ Гайраддинѣ другія чувства. Онъ простился съ нимъ; цыганъ отвѣчалъ только сердитымъ и отрывистымъ движеніемъ головы, какъ человѣкъ, погруженный въ размышленія, прощается съ тѣми, кто нарушаетъ покой его. Дорвардъ направился въ лѣсъ

и легко нашелъ мѣсто, гдѣ пасся Клепперъ. Животное пришло по его призыву, но нѣсколько времени не позволяло поймать себя, фыркая и отскакивая, когда увидѣло, что къ нему приближался чужой человѣкъ. Наконецъ, знакомство Квентина съ лошадиными привычками, а можетъ быть нѣкоторое особенное знаніе привычекъ Клеппера, которымъ онъ часто удивлялся, когда странствовалъ вмѣстѣ съ Гайраддиномъ, — все это позволило ему исполнить послѣднее предсмертное порученіе цыгана. Задолго до возвращенія его въ Перонну, цыганъ отправилси туда, гдѣ суетность его ужасной вѣры должна была подвергнуться послѣднему испытанію, — испытанію страшному для того, кто никогда не обнаруживалъ сожалѣнія о прошломъ, ни опасенія за будущее!

XXXIV.

ПОЧЕТНАЯ НАГРАДА.

Когда Квентинъ Дорвардъ пріѣхалъ въ Перонну, тамъ засѣдалъ совѣтъ, послѣдствія котораго касались его ближе, нежѣли сколько бы онъ могъ предполагать. Хотя собраніе совѣта и состояло изъ людей такого сана, что его собственный врядъ ли бы могъ имѣть съ ними какія нибудь общія выгоды, однако оно имѣло самое необычайное вліяніе на судьбу его.

Король Людовикъ, который, послѣ междудѣйствія съ герольдомъ Гильйома де-ла-Марка, не упускалъ

удобнаго случая усилить доброе расположеніе герцога, доставленное ему этимъ обстоятельствомъ, разсуждалъ съ нимъ, или лучше сказать, принималъ его мнѣніе на счетъ числа и состава войскъ, съ которыми онъ, какъ союзникъ герцога бургундскаго, долженъ былъ сопровождать его въ экспедиціи противъ Литтиха. Людовикъ ясно видѣлъ желаніе Карла собрать въ свой станъ тѣхъ Французовъ, которые, по своей знатности и малочисленности, могли бы скорѣе считаться заложниками, нежели вспомогательнымъ отрядомъ; но, слѣдуя совѣту Крэвкера, онъ съ такою готовностью изъявилъ свое согласіе на предложеніе герцога, какъ будто оно происходило отъ собственныхъ его соображеній.

Король, однако, не забылъ вознаградить себя за свою уступчивость, изливъ всю мстительность на кардинала Балю, котораго совѣты привели его къ такой необычайной увѣренности въ благородствѣ герцога бургундскаго. Тристанъ, отправленный съ повелѣніемъ двинуть вспомогательныя войска, имѣлъ также порученіе доставить кардинала въ замокъ Лошъ и запереть его въ одну изъ желѣзныхъ клѣтокъ, которыя, какъ говорили, онъ самъ изобрѣлъ.

— Пусть онъ испытаетъ достоинство своей выдумки, сказалъ король: — онъ принадлежитъ къ святой церкви... мы не можемъ пролить кровь его; но, *Pasques-dieu*! его епископство будетъ имѣть лѣтъ на десять неодолимую границу, не смотря на свое малое пространство... Да смотри, чтобъ войска двинулись сюда немедленно.

Можетъ быть, соглашаясь съ такою поспѣшностью на желанія герцога, Людовикъ надѣялся уклониться отъ болѣе непріятнаго требованія, которымъ герцогъ заключилъ условія ихъ примиренія. Но если Людовикъ ожидалъ этого, то сильно ошибался въ характерѣ своего родственника: не было человѣка болѣе настойчиваго въ своихъ намѣреніяхъ, какъ Карлъ Бургундскій, и менѣе расположеннаго отказаться отъ требованія, сдѣланнаго имъ въ пылу негодованія, мщенія или въ вознагражденіе за обиду.

Лишь только нужные гонцы были отправлены для призыва войскъ, долженствующихъ быть вспомогательными, какъ герцогъ обратился къ своему гостю съ требованіемъ, чтобъ тотъ изъявилъ всенародно свое согласіе на бракъ герцога Орлеанскаго съ Изабеллою де-Круай. Король уступилъ его желанію съ глубокимъ вздохомъ и тотчасъ же послѣ того представилъ ему необходимость сообразоваться съ желаніемъ самого герцога.

— Объ этомъ ужь позаботились, сказалъ герцогъ бургундскій: — Крэвкеръ говорилъ съ монсеньёромъ Орлеанскимъ и находитъ его (странно сказать!) такимъ нечувствительнымъ къ чести жениться на царственной невѣстѣ, что онъ согласился на бракъ съ графинею де-Круай, какъ на самое радостное предложеніе, какого только могъ ожидать отъ родного отца.

— Тѣмъ болѣе онъ неблагороденъ, и неблагодаренъ, возразилъ Людовикъ: — но пусть все будетъ по вашему, если вы только получите согласіе обѣихъ сторонъ.

— Не бойтесь этого, возразилъ герцогъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ дѣло это было предложено, герцогъ Орлеанскій и графиня Изабелла де-Круай, сопровождаемая, какъ и прежде, графинею де-Крэвкеръ и игуменью урсулинокъ, были призваны въ присутствіе государей. Тутъ они услышали изъ устъ Карла Бургундскаго (чему не возражалъ Людовикъ, сидѣвшій въ угрюмомъ молчаніи отъ сознанія уменьшенія своей важности), что бракъ ихъ назначенъ мудростью обоихъ государей для утвержденія на будущее время нерушимаго союза между Франціей и Бургундіей.

Герцогъ Орлеанскій съ величайшимъ трудомъ удерживалъ свою радость, которую чувствовалъ, слыша такое предложеніе, но которой обнаруженіе было бы неприлично въ присутствіи Людовика; нуженъ былъ весь обычный страхъ, внушаемый ему этимъ государемъ, чтобъ обуздать восхищеніе и ограничиться отвѣтомъ, что долгъ заставляетъ его предоставить выборъ невѣсты на волю его государя.

— Любезный родственникъ Орлеанъ, сказалъ Людовикъ съ сердитою важностью: — такъ какъ я долженъ говорить по такому непріятному случаю, то считаю лишнимъ напоминать вамъ, что увѣренность въ вашихъ достоинствахъ привела меня къ намѣренію предложить вамъ невѣсту въ моемъ собственномъ семействѣ. Но если мой бургундскій братецъ надѣется вѣрнѣе всего упрочить дружество между своими владѣніями и моими, назначивъ вашу руку другой, то я до такой степени люблю и тѣ и другія, что не могу

не пожертвовать имъ моими собственными желаніями и надеждами.

Герцогъ Орлеанскій бросился на колѣни и съ искреннимъ чувствомъ цаловалъ руку, которую король протянулъ ему, отвернувъ отъ него лицо. Дѣйствительно, герцогъ Орлеанскій, какъ и всѣ тутъ бывшіе, замѣтивъ неохотное согласіе этого совершеннаго притворщика, который теперь нарочно обнаруживалъ свое нехотѣніе, видѣлъ въ немъ короля, отказывающагося отъ своего любимаго замысла и подавляющаго отеческія чувства для государственной пользы и для выгодъ своего королевства. Даже Карлъ Бургундскій былъ тронутъ, а сердце Орлеанскаго упрекало его за радость, которую онъ невольно ощущалъ, чувствуя себя освобожденнымъ отъ обязательствъ относительно принцессы Жанны. Еслибъ онъ зналъ, какъ глубоко король проклиналъ его въ душѣ и какіе планы будущаго мщенія волновали грудь Людовика, то, вѣроятно, деликатность его чувствъ не была бы такъ тронута этимъ случаемъ.

Послѣ того, Карлъ обратился къ молодой графинѣ и наотрѣзъ объявилъ ей предполагаемое супружество, какъ дѣло, недопускавшее ни сомнѣнія, ни отлагательства, присовокупивъ въ то же время, что онъ оказывалъ ей слишкомъ много снисхожденія за прежнюю ея непокорность.

— Милостивѣйшій герцогъ и государь, сказала Изабелла, собравъ всю свою твердость: — я исполняю повелѣнія вашей милости и покоряюсь имъ...

— Довольно, довольно! прервалъ ее герцогъ; —

мы устроимъ остальное. Ваше величество, продолжалъ онъ, обращаясь къ королю Людовику: — забавлялись сегодня утромъ кабаньею травлею: что вы скажете, еслибъ я предложилъ вамъ поднять волка послѣ обѣда?

Молодая графиня видѣла необходимость рѣшиться.

— Ваша милость не такъ меня поняли, сказала она хотя робко, однако такъ громко и рѣшительно, что обратила вниманіе герцога, въ которомъ онъ, можетъ быть, изъ совѣстливости, и охотно бы отказалъ ей. — Покорность моя относилась только къ тѣмъ землямъ и помѣстьямъ, которыя предки вашей милости дали моимъ, и которыя я передаю бургундскому дому, если государь мой считаетъ меня недостойною владѣть ими.

— Какъ! святой Георгій! воскликнулъ герцогъ, яростно топнувъ ногою: — развѣ эта дура не понимаетъ, въ чьемъ она присутствіи, и кому она говоритъ?

— Государь, возразила она не смущаясь: — я передъ моимъ государемъ и, надѣюсь, передъ государемъ справедливымъ. Если вы отнимете мои земли, то возьмете все, что намъ дало великодушіе вашихъ предковъ, и разрушите связывающія насъ узы. Не вы дали мнѣ это бѣдное, преслѣдуемое тѣло, а еще менѣе душу, которая его оживляетъ, и ихъ я намѣрена посвятить небу въ урсулинскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ этой святой матери игуменьи.

Трудно вообразить бѣшенство и удивленіе герцога. Представьте себѣ изумленіе сокола, противъ котораго

голубка вздумала бы дерзостно махать своими крылышками. — Развѣ святая мать пріймет васъ безъ всякаго вклада? сказалъ онъ презрительнымъ тономъ.

— Еслибъ она на первый случай рѣшилась оказать такое упущеніе выгодамъ своего монастыря, возразила графиня Изабелла: — надѣюсь, найдется достаточно состраданія между благородными друзьями моего дома, чтобъ составить какую нибудь поддержку въ пользу сироты де-Круай.

— Это ложь! сказалъ герцогъ: — это низкій предлогъ для прикрытія какой нибудь тайной и недостойной страсти. Монсеньёръ Орлеанъ! она будетъ ваша, еслибъ мнѣ пришлось даже тащить ее къ алтарю собственными руками!

Графиня де-Крэвкеръ, женщина съ возвышенными чувствами и увѣренная въ заслугахъ своего мужа и милости къ нему герцога, не могла дольше удержаться. — Государь, сказала она: — гнѣвъ заставляетъ васъ говорить языкомъ совершенно неприличнымъ... Рукою дворянки нельзя располагать насильно.

— Христіанскому государю не слѣдуетъ также прекословить желаніямъ благочестивой души, которая, будучи черезъ мѣру обременена заботами и преслѣдованіями свѣта, желаетъ сдѣлаться невѣстою неба, прибавила игуменья.

— Да и братецъ мой Орлеанскій, сказалъ Дюнуа: — не можетъ съ честью принять предложеніе, на которое эта дама такъ публично изъявила свое несогласіе.

— Еслибъ мнѣ было дано нѣсколько времени, ска-

залъ Орлеанскій, на вѣтренное сердце котораго красота Изабеллы произвела глубокое впечатлѣніе: — чтобъ попытаться изложить передъ графинею мои притязанія въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ...

— Монсеньёръ! возразила Изабелла, которой твердость была теперь вполнѣ поддержана одобреніемъ всѣхъ окружавшихъ ее: — это было бы безполезно; я уже рѣшилась отказаться отъ такого союза, хотя онъ далеко превышаетъ мои заслуги.

— Да и у меня нѣтъ времени дожидаться перемѣны этихъ причудъ съ будущею перемѣною лупы, сказалъ герцогъ бургундскій. — Монсеньёръ д'Орлеанъ! она узнаетъ въ продолженіе теперешняго же часа, что повиновеніе бываетъ необходимо.

— Только не въ мою пользу, государь, отвѣчалъ принцъ, чувствовавшій, что онъ уже никакъ не могъ воспользоваться съ честью упрямствомъ Карла: — для сына Франціи довольно того, что ему разъ было отказано открыто и положительно. Онъ не можетъ болѣе продолжать своихъ домогательствъ.

Герцогъ бургундскій бросилъ яростный взглядъ на Орлеанскаго и потомъ на короля Людовика; читая на лицѣ послѣдняго, не смотря на всѣ его усилія подавить свои чувства, выраженіе скрытнаго торжества, онъ пришелъ въ изступленіе.

— Пиши, сказалъ онъ секретарю: — нашъ приговоръ конфискаціи и заточенія противъ этой непокорной и дерзкой дѣвчонки! Она отправится въ цухтгаусъ, въ смирительный домъ, чтобъ жить тамъ вмѣстѣ съ

тѣми, которыя дурнымъ образомъ жизни сдѣлались ея соперницами въ нахальствѣ!

Раздался общій ропотъ. — Монсеньёръ герцогъ, сказалъ графъ де-Крэвкеръ, рѣшившійся говорить за всѣхъ остальныхъ: — объ этомъ надобно хорошенько подумать. Мы, ваши вѣрные вассалы, не можемъ перенести такого безчестія, наносимаго дворянству и рыцарству Бургундіи. Если графиня провинилась, пусть она будетъ наказана, но такимъ образомъ, чтобъ это было прилично ея сану и нашему, потому что мы связаны съ ея домомъ кровью и семейными союзами.

Герцогъ пріостановился на минуту и глядѣлъ на своего совѣтника во всѣ глаза, какъ быкъ, котораго пастухъ заставляетъ сворачивать съ избранной имъ дороги, и который самъ не знаетъ, что ему дѣлать — повиноваться ли ему, или броситься на погонщика и вскинуть его на воздухъ.

Благоразуміе взяло, однако, верхъ надъ бѣшенствомъ; онъ видѣлъ, что негодованіе въ его совѣтѣ общее, и побоялся выгодъ, которыя Людовикъ могъ бы извлечь, видя неудовольствіе между его вассалами; вѣроятно также потому, что онъ былъ скорѣе буйнаго и грубаго, нежели злобнаго нрава, онъ и самъ постыдился своего неблагороднаго приказанія.

— Вы правы, Крэвкеръ, сказалъ онъ: — я говорилъ слишкомъ опрометчиво. Участь ея рѣшится сообразно съ правилами рыцарства. Бѣгство ея въ Литтихъ было знакомъ къ убіенію епископа. Кто лучше всѣхъ отмститъ за это злодѣяніе и принесетъ намъ

голову Дикаго Вепря Арденнскаго, тотъ получитъ право просить ея руки у насъ; а если она откажетъ ему въ этомъ правѣ, мы можемъ по крайней мѣрѣ отдать ему ея владѣнія, предоставя на произволъ его великодушія удѣлить ей средства удалиться въ монастырь.

— Но, государь! воскликнула графиня: — вспомните, что я дочь графа Рейнольда, вѣрнаго, стараго и доблестнаго сподвижника вашего отца. Неужели вы выставите меня, какъ награду, тому, кто лучше всѣхъ владѣетъ мечомъ?

— Ваша бабушка, сказалъ герцогъ Карлъ:—была пріобрѣтена на турнирѣ; для васъ станутъ сражаться въ настоящей *mêlée*. Одно еще, для памяти графа Рейнольда: тотъ, кто выиграетъ призъ, долженъ быть дворяниномъ несомнѣнно благороднаго происхожденія и незапятнанныхъ гербовъ; но будь онъ таковъ и будь онъ самымъ бѣднымъ изъ тѣхъ, кто когда нибудь продѣвалъ ремень перевязи въ пряжку, ему по крайней мѣрѣ будетъ предложена ваша рука. Клянусь въ этомъ св. Георгіемъ, моею герцогскою короною и орденомъ, который ношу! Что, мессиры? прибавилъ онъ, обратившись къ бывшимъ тутъ вельможамъ: — это по крайней мѣрѣ сообразно съ правилами рыцарства?

Возраженія Изабеллы были заглушены общимъ, единодушнымъ изъявленіемъ согласія, надъ которымъ слышался голосъ стараго лорда Крауфорда, сожалѣвшаго, что тяжесть лѣтъ не позволяетъ ему надѣяться пріобрѣсти такую прелестную награду. Общее одобреніе весьма понравилось герцогу, и потокъ его буйнаго

нрава потекъ спокойнѣе, подобно разлившейся рѣкѣ, вступившей въ свои обыкновенные предѣлы.

— А мы, которымъ судьба уже дала дамъ, сказалъ Крэвкеръ: — развѣ мы останемся зрителями этой благородной игры? Моя честь не допускаетъ до этого, потому что я далъ обѣтъ, который долженъ исполниться на счетъ этого щетинистаго животнаго, де-ла-Марка.

— Сражайся смѣлѣе, Крэвкеръ! возразилъ герцогъ Карлъ: — выиграй ее, и такъ какъ ты самъ не можешь ею владѣть, то отдай ее кому хочешь, хоть племяннику своему, графу Стефану.

— Благодарю, государь! отвѣчалъ Крэвкеръ: — я буду сражаться сколько станетъ силъ; а если мнѣ посчастливится быть впереди прочихъ, то пусть Стефанъ испытываетъ силу своего краснорѣчія надъ матерью игуменьей.

— Надѣюсь, сказалъ Дюнуа: — что рыцарство Франціи не исключено изъ этого благороднаго состязанія?

— Оборони небо, храбрый Дюнуа! отвѣчалъ герцогъ: — еслибъ даже это было для того только, чтобъ видѣть ваши подвиги. Но, прибавилъ онъ: — хоть и нѣтъ бѣды въ томъ, что Изабелла выйдетъ замужъ за француза, однако необходимо условіе, чтобъ графъ де-Круай сдѣлался бургундскимъ подданнымъ.

— Довольно, довольно! сказалъ Дюнуа: — надъ темною полосою моего герба никогда не будетъ красоваться корона графовъ де-Круай: я намѣренъ жить и умереть Французомъ. Но все-таки, хоть мнѣ и не

прійдется получить земель, я не пожалѣю ударовъ для самой дамы.

Рубецъ не смѣлъ говорить громко въ такомъ обществѣ; онъ только пробормоталъ про себя: — Ну, Саундерсъ Соупльджау, помни свое слово! ты всегда говаривалъ, что счастіе нашего дома пріобрѣтется женитьбою, и никогда тебѣ не предстояло лучшаго случая сдержать передъ нами свое обѣщаніе.

— Никто не думаетъ обо мнѣ, сказалъ ле-Глорье: — а я увѣренъ, что отобью призъ у всѣхъ васъ.

— Разумѣется, мой мудрый другъ! сказалъ Людовикъ: — когда дѣло идетъ о женщинѣ, то величайшій дуракъ всегда имѣетъ преимущество передъ всѣми.

Пока государи и ихъ вельможи шутили такимъ образомъ надъ судьбою Изабеллы, игуменья и графиня де-Крэвкеръ тщетно старались утѣшить бѣдную молодую графиню, которая удалилась вмѣстѣ съ ними изъ залы совѣта. Первая увѣряла ее, что Святая Дѣва будетъ смотрѣть съ неудовольствіемъ на каждую попытку къ отнятію у святой Урсулы благочестивой богомолицы; а графиня де-Крэвкеръ шептала ей въ утѣшеніе болѣе мірскіе доводы, что ни одинъ истинный рыцарь, который бы успѣлъ выполнить предложенный подвигъ, не захочетъ воспользоваться, противъ ея желанія, объявленіемъ герцога, и что, можетъ быть, успѣшный боецъ будетъ и таковъ, что окажется въ глазахъ ея достойнымъ склонить ее къ повиновенію. Любовь, подобно отчаянію, готова ухватиться за соломенку: какъ ни слаба, какъ ни отдаленна была

надежда, которую внушилъ Изабеллѣ намекъ графини де-Крэвкеръ, но слезы ея были не такъ горьки, когда она остановилась на этой мысли (*).

XXXV.

ВЫЛАЗКА.

Немного дней спустя Людовикъ, съ улыбкою удовлетвореннаго мщенія, получилъ извѣстіе, что любимецъ и совѣтникъ его, кардиналъ ле-Балю, стонетъ въ желѣзной клѣткѣ, расположенной такимъ образомъ, что она не позволяетъ ему пользоваться ни малѣйшимъ отдыхомъ ни въ какомъ положеніи, кромѣ согбеннаго; въ этой клѣткѣ, будь сказано мимоходомъ, его продержали безжалостно около двѣнадцати лѣтъ. Вспомогательныя войска, потребованныя герцогомъ отъ Людовика, также не замедлили прибыть; король утѣшался тѣмъ, что числа ихъ было достаточно для защиты его особы отъ всякаго насилія, хотя ихъ было бы слиш-

---

(*) Назначеніе руки богатой наслѣдницы тому, кто больше всѣхъ отличится въ битвѣ, могло случиться въ пятнадцатомъ столѣтіи не такъ легко, какъ тогда, когда законы рыцарства были въ болѣе общемъ уваженіи. Впрочемъ, нѣтъ ничего невозможнаго, чтобъ на это рѣшился такой самовластный государь, какъ герцогъ Карлъ, въ обстоятельствахъ, подобныхъ здѣсь предполагаемымъ.

комъ мало для борьбы съ бургундскою арміей, еслибъ ему вздумалось это затѣять. Хотя французскій король чувствовалъ униженіе при видѣ того, что служитъ, вмѣстѣ съ своими первоклассными пэрами, подъ знаменами вассала и противъ народа, котораго сторону онъ прежде бралъ, но онъ не смущался отъ этихъ обстоятельствъ, надѣясь, что судьба когда нибудь вознаградитъ его, потому что случай, — говорилъ онъ своему вѣрному Оливье, — можетъ помочь выиграть одну ставку, но терпѣніе и мудрость всегда выигрываютъ игру окончательно.

Съ такими чувствами, въ одинъ прекрасный день въ концѣ осени, король сѣлъ на коня. Равнодушный къ тому, что на него могли смотрѣть скорѣе, какъ на всадника, входящаго въ составъ торжественнаго шествія побѣдителя, чѣмъ на независимаго государя, окруженнаго своими тѣлохранителями и рыцарями, король Людовикъ выступилъ изъ подъ готическихъ воротъ Перонны, чтобъ присоединиться къ бургундской арміи, начавшей въ то же время походъ противъ Литтиха.

Большая часть бывшихъ въ городѣ знатныхъ дамъ, одѣтыхъ въ самые пышные наряды, расположилась по укрѣпленіямъ и бойницамъ воротъ, чтобъ видѣть блестящій поѣздъ храбрыхъ воиновъ, отправлявшихся въ экспедицію. Графиня Крэвкеръ привела туда же Изабеллу де-Круай. Изабелла шла весьма неохотно; но Карлъ строго приказалъ, чтобъ та, которая будетъ наградою турнира, показалась рыцарямъ, готовившимся выѣхать на поприще.

Когда они толпились, выѣзжая изъ подъ сводовъ

воротъ, можно было разсмотрѣть много значковъ и щитовъ, украшенныхъ свѣжими девизами, выражавшими пылкое желаніе носившихъ ихъ состязаться для пріобрѣтенія такой прекрасной награды. Каждый рыцарь, какъ легко догадаться, заставлялъ рѣзвиться своего коня и усѣлся въ сѣдлѣ какъ можно живописнѣе, проѣзжая мимо толпы прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ, ободрявшихъ доблесть ихъ своими улыбками и махавшихъ имъ платками и покрывалами. Отрядъ шотландскихъ стрѣлковъ, составленный почти на выборъ изъ цвѣта шотландскаго дворянства, вызвалъ единодушное одобреніе блескомъ и щеголеватостью своей наружности.

Нашелся одинъ изъ этихъ чужеземцевъ, отважившійся доказать свое знакомство съ графинею Изабеллою де-Круай, на что не рѣшались самые знатные изъ французскаго дворянства. Это былъ Квентинъ Дорвардъ, который, проѣзжая въ своемъ ряду мимо дамъ, подалъ графинѣ де-Круай на концѣ копья своего письмо отъ ея тетки.

— Это письмо отъ моей несчастной тетки, сказала Изабелла, видя, что Крэвкеръ насупивъ брови: — она пишетъ въ веселомъ духѣ, хотя положеніе ея должно быть ужасно.

— Послушаемъ, послушаемъ, что говоритъ супруга Дикаго-Вепря, сказалъ графъ.

Графиня Изабелла прочла письмо, въ которомъ тетка ея повидимому рѣшилась находить лучшее въ худшемъ и утѣшиться за поспѣшность и безцеремонность своей свадьбы счастіемъ быть замужемъ за

однимъ изъ храбрѣйшихъ людей своего времени, который недавно еще пріобрѣлъ своею доблестью княжество. Она умоляла свою племянницу не судить о ея Гильйомѣ (такъ она его называла) по разсказамъ другихъ, но подождать, пока она не ознакомится съ нимъ лично. Онъ, конечно, имѣетъ свои недостатки, но эти недостатки такого рода, что вообще свойственны характерамъ, которые она всегда наиболѣе уважала. Гильйомъ былъ значительно преданъ вину, — но то же было съ ея храбрымъ дѣдомъ, сьёромъ Годфруа; онъ нѣсколько запальчиваго и буйнаго нрава, — но таковъ былъ блаженной памяти братъ ея, граффъ Рейнольдъ; онъ грубъ въ рѣчахъ, — но почти всѣ Нѣмпы таковы; нѣсколько самовластенъ и настойчивъ, — но она думаетъ, что мужчины вообще любятъ властвовать. Она очень распространялась обо всемъ этомъ; въ заключеніе же писала, что надѣется и проситъ Изабеллу — съ помощью подателя этого письма убѣжать отъ бургундскаго тирана и пріѣхать ко двору любящей ее родственницы въ Литтихъ: тамъ можно будетъ рѣшить всѣ мелкія несогласія на счетъ ихъ взаимныхъ наслѣдственныхъ правъ на владѣнія графствомъ Круай тѣмъ, что Изабелла выйдетъ замужъ за графа Эберсона, жениха, который, правда, моложе своей невѣсты, но это, судя по собственному ея (графини Амелины) опыту, такое неравенство, которое можно перенести гораздо легче, нежели Изабелла воображаетъ (*).

(*) Почти не нужно говорить, что женитьба Гильйома дела-Марка на графинѣ Амелинѣ такъ же вымышлена, какъ

Тутъ графиня Изабелла остановилась; игуменья замѣтила, что она прочитала уже достаточно касающагося мірскихъ суетъ, а графъ де-Крэвкеръ воскликнулъ: — Изъиди, лживая вѣдьма!... Ну, это письмо пахнетъ гнилью, какъ засохшій сыръ въ мышеловкѣ; срамъ, дважды срамъ старой приманной уткѣ.

Графиня Крэвкеръ съ важностью выговаривала своему мужу за его горячность: — Графиня Амелина, говорила она: — была вѣроятно обманута какимъ нибудь наружнымъ знакомъ вѣжливости со стороны дела-Марка.

— Отъ него вѣжливости! возразилъ графъ: — оправдываю его отъ всякаго обвиненія въ такомъ притворствѣ. Ты столько же можешь ожидать вѣжливости отъ настоящаго дикаго вепря, въ буквальномъ смыслѣ... съ такимъ же успѣхомъ можно попробовать покрыть листовымъ золотомъ старый заржавленный желѣзный хламъ... Нѣтъ, какъ она ни глупа, а все не такая же гусыня, чтобъ полюбить лисицу, которая ее схватила да и притащила еще въ собственную свою нору. Но вы, женщины, всѣ одинаковы: ласковыя слова дѣлаютъ все; смѣю даже сказать, что моя прелестная кузина горитъ нетерпѣніемъ присоединиться къ своей теткѣ, вступить въ ея рай глупцовъ и выйдти замужъ за поросенка вепрева.

— Я нисколько не способна на такое безумство, возразила Изабелла — и вдвойнѣ желаю мщенія убій-

---

сама графиня. Настоящая невѣста Дикаго-Вепря Арденнскаго была Жанна д'Аршель, баронесса Скунговенъ.

цамъ достойнаго епископа, потому что это освободитъ вмѣстѣ съ тѣмъ тетку мою изъ рукъ злодѣя.

— А! теперь я слышу голосъ настоящей де-Круай, воскликнулъ графъ, — и болѣе уже неговорили о письмѣ.

Но когда Изабелла читала посланіе своей тетки, надобно замѣтить, что она не сочла нужнымъ прочитать въ слухъ приписку, въ которой графиня Амелина по дамски разсказывала о своихъ занятіяхъ и увѣдомляла племянницу, что она теперь отложила въ сторону верхнюю одежду, на которой вышивала для мужа гербы де-Круай и де-ла-Марка въ супружескомъ значеніи, раздѣленныя полосою, потому что Гильйомъ ея рѣшился изъ политики нарядить въ первомъ сраженіи другихъ въ свои гербовые латы, а самъ надѣть гербы Орлеана, и именно гербъ Дюнуа. Въ другой рукѣ, молодая графиня держала также небольшой клочекъ бумаги, о которомъ она также не считала за нужное упоминать, и гдѣ были просто написаны слова: — «Если скоро не дойдетъ до васъ слухъ обо мнѣ и притомъ черезъ трубу славы, то считайте меня мертвымъ, но не считайте недостойнымъ.»

Изабелла рѣшилась, во что бы то ни стало, сообщить Дорварду письмо графини Амелины, обративъ его вниманіе на приписку, противъ которой поставила три креста. Ей удалось это сдѣлать и молодой Шотландецъ, прежде, чѣмъ окончательно выступить въ походъ, получилъ это письмо.

Дорвардъ видѣлъ необходимость дѣйствовать осторожно, касательно извѣстія, сообщеннаго ему Гайрад-

диномъ, потому что замышляемая де-ла-Маркомъ вылазка, если отъ нея тщательно не остеречься, могла подвергнуть гибели осаждающія войска: такъ трудно было въ шумныя военныя дѣйствія тѣхъ временъ поправиться при ночномъ нападеніи въ расплохъ. Обдумывая это дѣло, онъ наконецъ принялъ окончательную рѣшимость сообщить извѣстіе не иначе, какъ лично обоимъ государямъ, когда они будутъ вмѣстѣ, и хотѣлъ это сдѣлать, можетъ быть, потому, что чувствовалъ, если сообщить такой хорошо обдуманный и надежный планъ Людовику наединѣ, то планъ покажется слишкомъ искусительнымъ для шаткой честности этого государя и можетъ заставить его содѣйствовать предполагаемой вылазкѣ, вмѣсто того, чтобъ отбивать ее. Итакъ онъ рѣшился, для открытія своей тайны, дождаться случая, когда сойдутся Людовикъ и Карлъ.

Между тѣмъ, походъ продолжался, и союзники вскорѣ вступили въ литтихскія владѣнія. Здѣсь бургундскіе воины, покрайней мѣрѣ часть ихъ, составленная изъ шаекъ *écorcheurs* или живодеровъ, показала обращеніемъ своимъ съ жителями, подъ предлогомъ мщенія за смерть епископа, что она пользовалась своимъ почетнымъ прозваніемъ по заслугамъ; поведеніе воиновъ этихъ сильно вредило дѣлу Карла, потому что ожесточенные обыватели, которые иначе оставались бы смирными зрителями войны, взялись за оружіе, чтобъ защищаться, тревожили бургундское войско на ходу, отрѣзывали отдѣлившихся, и, отступая передъ главными силами Карла вплоть до города, уве-

личивали число и отчаяніе тѣхъ, которые рѣшились умереть, защищая его. Французы, не столь многочисленные и бывшіе лучшими воинами своего отечества, повинуясь повелѣніямъ короля, держались какъ можно ближе къ своимъ знаменамъ и соблюдали строжайшую дисциплину. Такая противоположность усиливала подозрѣнія Карла, который не могъ не думать, что войска короля Людовика ведутъ себя скорѣе какъ друзья Литтиха, чѣмъ какъ союзники Бургундіи.

Наконецъ, не встрѣчая никакого важнаго сопротивленія, войска прибыли въ роскошную маасскую долину, лежащую передъ обширнымъ и многолюднымъ городомъ Литтихомъ. Они нашли, что замокъ Шонвальдтъ былъ совершенно разрушенъ, и узнали, что Гильйомъ де-ла-Маркъ, котораго единственныя дарованія заключались въ знаніи военнаго дѣла, сосредоточилъ всѣ свои силы въ городѣ и рѣшился избѣгать встрѣчь съ рыцарствомъ Франціи и Бургундіи въ открытомъ полѣ. Но нападающіе не долго дожидались случая убѣдиться въ опасности наступательныхъ дѣйствій противъ большого города, какъ бы открытъ онъ ни былъ, если жители его намѣрены защищаться до послѣдней крайности.

Часть бургундскаго авангарда, заключая по разрушенному состоянію стѣнъ и по многочисленнымъ проломамъ, что можно безъ труда войдти въ Литтихъ, ворвалась въ одно изъ предмѣстій съ криками: «Бургундія! Бей, бей! все наше! помните Людовика де-Бурбона!» Но когда воины проходили въ безпорядкѣ по узкимъ улицамъ, а нѣкоторые разсѣялись для гра-

бежа, — многочисленный отрядъ жителей вдругъ показался изъ города, стремительно ударилъ на нихъ и произвелъ значительное кровопролитіе. Де-ла-Маркъ воспользовался даже проломами въ стѣнахъ, которые позволяли защитникамъ города выходить вдругъ съ разныхъ сторонъ, и, направляясь отдѣльными дорогами къ оспориваемому предмѣстью, атаковалъ нападающихъ разомъ съ фронта, въ тылъ и во фланги. Бургундцы, изумленные неожиданностью, яростью и стремительностью встрѣченнаго ими сопротивленія, едва успѣли соединиться.

Герцогъ Карлъ, получивъ донесеніе о случившемся, пришелъ въ совершенное бѣшенство, которое не слишкомъ успокоилось предложеніемъ короля Людовика послать въ предмѣстье французскихъ рыцарей на помощь бургундскому авангарду. Отказавшись отъ этого на отрѣзъ, герцогъ уже собирался скакать вмѣстѣ съ своими тѣлохранителями на выручку своихъ, пустившихся въ такую неосторожную атаку, но д'Эмберкуръ и Крэвкеръ упросили его предоставить это дѣло имъ. Направясь къ мѣсту стычки съ двухъ сторонъ, въ должномъ порядкѣ и въ готовности помогать другъ другу, знаменитые военачальники наконецъ отбили Литтихцевъ и выручили авангардъ, который, кромѣ плѣнныхъ, потерялъ около восьми сотъ человѣкъ, и изъ этого числа до ста рыцарей. Плѣнныхъ было, однако, немного, потому что большую часть ихъ выручилъ д'Эмберкуръ, продолжавшій занимать оспориваемое предмѣстіе и разставлять караулы со стороны города, отъ котораго предмѣстіе отдѣлялось откры-

тымъ мѣстомъ или эспланадою, тянувшеюся шаговъ на пятьсотъ или на шестьсотъ, и не было застроено для удобнѣйшей обороны города. Между городомъ и предмѣстьемъ не было рва, потому что въ томъ мѣстѣ почва была скалиста. Прямо противъ предмѣстія, находились городскія ворота, изъ которыхъ легко можно было дѣлать вылазки, а въ стѣнѣ были мѣстахъ въ трехъ проломы, пробитые по повелѣнію Карла послѣ сраженія при Сенъ-Тронѣ и теперь наскоро задѣланные деревянными рогатками. Д'Эмберкуръ навелъ на ворота двѣ пушки и поставилъ другія двѣ противъ главнаго пролома, чтобъ остановить вылазку изъ города, и потомъ возвратился къ бургундской арміи, которую нашелъ въ большомъ безпорядкѣ.

Дѣйствительно, центръ и аррьергардъ многочисленной арміи герцога продолжали двигаться впередъ, между тѣмъ, какъ отбитый и разстроенный авангардъ отступалъ, и они столкнулись между собою, къ большому замѣшательству тѣхъ и другихъ. Необходимое отсутствіе д'Эмберкура, исправлявшаго всѣ обязанности генералъ-квартирмейстера, увеличило безпорядокъ; для довершенія всего, ночь стемнѣла какъ волчья пасть, полился проливной дождь, а мѣсто, на которомъ армія осаждающихъ должна была расположиться, было глинисто и пересѣчено многими канавками. Едва ли возможно составить себѣ понятіе о разстройствѣ, владычествовавшемъ въ бургундской арміи, гдѣ предводители были разлучены съ своими воинами, а подчиненные растеряли свои знамена и начальниковъ. Каждый, отъ высшихъ и до низшихъ, искалъ себѣ крова и убѣ-

жища, гдѣ только была возможность найдти ихъ; усталые и раненные, участвовавшіе въ стычкѣ, напрасно просили себѣ крова и пособія, а тѣ, которые не знали ничего о неудачѣ своихъ соотечественниковъ, тѣснились впередъ, чтобъ не упустить своей доли добычи, полагая, что авангардъ весело занятъ грабежомъ предмѣстія.

Когда д'Эмберкуръ возвратился, ему предстоялъ подвигъ невѣроятно трудный, который сдѣлался для него еще болѣе горькимъ отъ упрековъ его государя, не хотѣвшаго принимать въ соображеніе необходимѣйшей обязанности, только что выполненной д'Эмберкуромъ, — такъ что наконецъ храбрый баронъ началъ терять терпѣніе отъ несправедливыхъ и неразсудительныхъ рѣчей герцога. — Я отправился отсюда, чтобъ возстановить порядокъ въ авангардѣ, сказалъ онъ Карлу: — и оставилъ центръ арміи подъ собственнымъ предводительствомъ вашей милости; а теперь, возвратясь, не могу найдти ни фронта, ни тыла, ни фланговъ нашей арміи: такъ велико ея разстройство!

— Мы больше всего похожи на боченокъ съ сельдями, возразилъ на это ле-Глорье: — и это очень натурально для фламандской арміи.

— Выходка шута разсмѣшила герцога и, можетъ быть, остановила продолженіе спора между имъ и его военачальникомъ.

Съ величайшимъ усиліемъ удалось наконецъ занять и очистить небольшой лустгаузъ, или загородный домъ какого-то богатаго Литтихца, для помѣщенія герцога и нѣсколькихъ человѣкъ изъ его свиты, наиболѣе при-

ближенныхъ. Стараніями д'Эмберкура и Крэвкера устроена была наконецъ около того мѣста стража человѣкъ изъ сорока рыцарей, которые зажгли огромный костеръ, сложенный изъ развалинъ домашнихъ служебъ, нарочно для этого сваленныхъ.

Нѣсколько влѣво отъ виллы, и между нею и предмѣстіемъ, которое, какъ мы сказали, находилось противъ городскихъ воротъ и было занято бургундскимъ авангардомъ, былъ другой загородный домъ, окруженный дворомъ и садомъ, и кромѣ того имѣвшій у себя въ тылу два или три небольшія огороженныя поля. Мѣсто это превратилось въ главную квартиру короля Людовика. Онъ не почиталъ себя великимъ воиномъ, болѣе того, сколько природное равнодушіе къ опасностямъ и большая прозорливость могли бы ему дать правъ на такое званіе; но за то онъ всегда старался ввѣрять свои войска искуснѣйшимъ полководцамъ, которыхъ и облекалъ заслуженною довѣренностью. Людовикъ расположился въ самой виллѣ съ немногими изъ своихъ приближенныхъ; часть шотландскихъ его тѣлохранителей заняла дворъ, гдѣ были хлѣва и службы, могшіе доставить убѣжище отъ непогоды; остальныхъ помѣстили въ саду. Прочихъ же французскихъ воиновъ расположили вмѣстѣ, въ тѣсномъ и добромъ порядкѣ, распредѣливъ передовые посты на случай внезапнаго нападенія.

Дюнуа и Крауфордъ, вспомоществуемые многими старыми начальниками и воинами, между которыми Рубецъ отличался своимъ усердіемъ, свалили нѣсколько стѣнъ, продѣлали отверстія въ оградахъ, завалили ка-

навки, и такимъ образомъ облегчили сообщеніе между войсками и совокупное дѣйствіе ихъ въ случаѣ надобности.

Между тѣмъ, король счелъ за нужное отправиться безъ церемоніи къ герцогу бургундскому, чтобъ узнать о дальнѣйшихъ его распоряженіяхъ и о томъ, какого рода содѣйствія онъ отъ него ожидаетъ. Прибытіе его заставило держать родъ военнаго совѣта, о которомъ, безъ того, Карлу не пришло бы и въ голову,

Тогда-то Квентинъ Дорвардъ рѣшился убѣдительно просить о допущеніи его въ присутствіе государей, говоря, что онъ имѣетъ сообщить имъ весьма важныя вѣсти. На это согласились безъ большого затрудненія, и Квентинъ, къ величайшему удивленію Людовика, разсказалъ спокойно и отчетливо о планѣ Гильйома де-ла-Марка произвести ночную вылазку на станъ осаждающихъ, въ одеждѣ и со знаменами французскихъ войскъ. Людовикъ, вѣроятно, остался бы довольнѣе, еслибъ такія важныя новости были ему сообщены наединѣ; но такъ какъ вся исторія была разсказана громогласно въ присутствіи герцога бургундскаго, то король замѣтилъ, что истинное ли это донесеніе или ложное, но оно касается ихъ весьма существенно.

— Нисколько! нисколько! возразилъ небрежно герцогъ: — Еслибъ и было что нибудь такое, о чемъ извѣстилъ насъ этотъ молодой человѣкъ, то я вѣрно услыхалъ бы о томъ не отъ шотландскаго стрѣлка.

— Какъ бы то ни было, отвѣчалъ Людовикъ: — прошу васъ, любезный братецъ, и вашихъ предводи-

телей, запомнить, что для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій ночного нападенія, если его неожиданно сдѣлаютъ, я велю своимъ воинамъ надѣть сверхъ латъ бѣлые шарфы. Дюнуа, распорядись этимъ сейчасъ же, то есть, прибавилъ онъ: — если согласится нашъ братецъ и полководецъ.

— Я не вижу къ тому никакого препятствія, возразилъ герцогъ: — если рыцарство Франціи охотно рискуетъ получить на будущее время названіе «рыцарей бѣлой юпки».

— Такой титулъ былъ бы очень кстати, другъ Карлъ, сказалъ ле-Глорье: — потому что женщина назначается въ награду храбрѣйшему.

— Умно сказано, мудрость! возразилъ Людовикъ: — покойной ночи, братецъ; я пойду надѣвать вооруженіе. Однако, мимоходомъ,—что, если я своими руками пріобрѣту графиню?

— Тогда, отвѣчалъ герцогъ измѣнившимся голосомъ: — ваше величество должны сдѣлаться настоящимъ Фламандцемъ.

— Да ужь я не могу быть Фламандцемъ больше теперешняго, сказалъ Людовикъ съ видомъ величайшаго чистосердечія: — еслибъ я только былъ въ состояніи увѣрить въ этомъ васъ, любезный братецъ...

Герцогъ отвѣчалъ на это только желаніемъ королю доброй ночи такимъ тономъ, который походилъ на фырканье пугливой лошади, отскакивающей отъ ласкъ всадника, когда онъ готовится усѣсться на нее и гладитъ ее, чтобъ она стояла смирно.

— Я бы еще извинилъ ему все его лукавство,

сказалъ герцогъ Крэвкеру: — но не могу простить, что онъ воображаетъ, будто я такъ глупъ, что готовъ вѣрить его льстивымъ рѣчамъ.

Людовикъ, возвратившись къ себѣ, говорилъ такъ же откровенно Оливье Лани: — Въ этомъ Шотландцѣ такая смѣсь сметливости съ простою, что я не придумаю, что съ нимъ дѣлать. *Pasques-dieu!* подумай о непростительной глупости разсказать планъ вылазки честнаго де-ла-Марка передъ Бургундскимъ, передъ Крэвкеромъ и всѣми, кто тутъ былъ, вмѣсто того, чтобъ сообщить объ этомъ мнѣ на ухо и оставить покрайней мѣрѣ на мой произволъ помочь ему, или нѣтъ!

— Лучше какъ оно есть, государь, возразилъ Оливье: — въ числѣ вашей теперешней свиты наберется много такихъ, которые посовѣстятся напасть на Бургундію безъ объявленія войны, или дѣйствовать за-одно съ де-ла-Маркомъ.

— Ты правъ, Оливье. На свѣтѣ есть такіе глупцы, а намъ не время преодолѣвать ихъ совѣстливость маленькимъ пріемомъ корысти. Мы должны быть честными людьми, Оливье, и добрыми союзниками Бургундіи, покрайней мѣрѣ на эту ночь; время доставитъ еще намъ случай къ лучшей игрѣ. Ступай, не вели никому снимать оружія; въ случаѣ нужды, пусть они стрѣляютъ такъ же мѣтко по тѣмъ, кто будетъ кричать *France et St. Denis*! какъ еслибъ они кричали «адъ и сатана!» Я самъ лягу въ полномъ вооруженіи. Скажи Крауфорду, чтобъ онъ поставилъ Квентина Дорварда на часы на оконечность нашей линіи часовыхъ,

поближе къ городу. Пусть онъ первый воспользуется вылазкою, которую возвѣстилъ намъ; если счастіе ему поможетъ, тѣмъ лучше для него. Но позаботься особенно о Марціусѣ Галеотти, и пусть онъ останется назади, въ самомъ безопасномъ мѣстѣ; онъ слишкомъ отваженъ, и, глупецъ! хотѣлъ бы быть и рубакой и философомъ. Поприсмотри за всѣмъ этимъ, Оливье, и доброй ночи, да благословятъ нашъ сонъ клерійская Богоматерь и монсеньеръ Мартинъ Турскій!

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ГЛАВѢ XXXV.

НАПАДЕНІЕ НА ЛИТТИХЪ.

Герцогъ бургундскій, распаленный негодованіемъ за дурное обращеніе жителей Литтиха съ епископомъ (котораго смерть, какъ было сказано выше, произошла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ) и зная, что стѣны города не поправлены послѣ пробитыхъ имъ самимъ проломовъ во время сраженія при Сенъ-Тронѣ, опрометчиво шелъ впередъ, чтобъ наказать ихъ. Полководцы герцога раздѣляли его безразсудную самоувѣренность, потому что авангардъ его арміи, подъ командою бургундскаго маршала и сеньёра д'Эмберкура, бросился въ одно изъ предмѣстій, не дожидаясь остальной части арміи, которая оставалась на семь или на восемь льё назади, подъ начальствомъ самого герцога. Наступала ночь, и такъ какъ бургундскія войска не соблюдали никакой дисциплины, то подверглись внезапному нападенію отряда гражданъ Литтиха, которые, подъ начальствомъ Жана де-Вильде, ударили на нихъ съ фронта и въ тылъ, привели въ большое разстройство и убили больше восьмисотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было около ста рыцарей.

Карлъ и французскій король, подошедши, расположились въ двухъ виллахъ, находившихся недалеко отъ городскихъ стѣнъ. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ или трехъ дней, Людовикъ отличался спокойствіемъ и осмотрительностью, съ которыми велъ осаду и приготовлялся къ оборонѣ на случай вылазокъ, тогда какъ герцогъ бургунскій, нисколько неимѣвшій недостатка въ храбрости и обнаруживавшій безпорядочность и опрометчивость, которыя его всегда характеризовали, казался сильно подозрѣвающимъ Людовика въ томъ, что онъ его покинетъ и присоединится къ Литтихцамъ.

Они осаждали городъ пять или шесть дней, и наконецъ назначили 30-е октября 1468 года для общаго приступа. Горожане, вѣроятно увѣдомленные о ихъ намѣреніи, рѣшились предупредить его отчаянною вылазкою изъ проломовъ своихъ стѣнъ. Они послали въ первый огонь около шестисотъ человѣкъ изъ Франшмона, маленькаго владѣнія, принадлежавшаго къ Литтихскому Епископству — люди эти считались храбрѣйшими изъ ихъ воиновъ. Они бросились изъ города стремительно, и напали въ расплохъ на главную квартиру герцога, прежде нежели успѣли вооружиться его тѣлохранители, которые сняли латы, чтобъ отдохнуть передъ приступомъ.

Мѣстопребываніе французскаго короля подверглось также нападенію и опасности. Настало большое смятеніе, которое увеличилось до крайности взаимною недовѣрчивостью и ненавистью Французовъ и Бургундцевъ. Литтихцы были однако не въ состояніи поддержать свое смѣлое предпріятіе. Когда рыцари короля и герцога начали приходить въ себя послѣ суматохи, граждане должны были отступить въ свои стѣны, едва не захвативъ въ плѣнъ короля Людовика и герцога бургундскаго, могущественнѣйшихъ государей своего времени. На разсвѣтѣ произошелъ приступъ, какъ сначала было предположено, и Литтихцы, потерявшіе бодрость и усталые послѣ ночной вылазки, не сдѣлали такого сопротивленія, какого слѣдовало было бы ожидать: городъ былъ взятъ и разграбленъ безъ милосердія, при чемъ не оказывалось пощады ни

полу, ни возрасту, ни священнымъ предметамъ, ни мірскимъ. Подробности объ этомъ вполнѣ разсказаны Коминомъ въ его «Запискахъ», въ книгѣ II, главахъ 11, 12, 13, и немного разнствуютъ отъ разсказа тѣхъ же событій въ нашемъ повѣствованіи.

XXXVI.

ВЫЛАЗКА.

Вскорѣ мертвое молчаніе воцарилось надъ войсками, расположившимися лагеремъ подъ Литтихомъ. Долгое время крики воиновъ, повторявшихъ свои условные знаки и старавшихся присоединиться къ своимъ знаменамъ, раздавались подобно вою одичавшихъ собакъ, отъискивающихъ своихъ хозяевъ. Наконецъ усталость одолѣла ихъ; разсѣянные Бургундцы столпились подъ кровомъ, какой они могли себѣ найдти, а тѣ, которымъ счастіе отказало въ убѣжищѣ, поникли отъ изнеможенія вдоль стѣнъ, заборовъ и у другихъ временныхъ оборонъ отъ непогоды, чтобъ дождаться утра, котораго многимъ изъ нихъ не было суждено увидѣть. Мертвый сонъ овладѣлъ почти всѣми, кромѣ тѣхъ, которые составляли слабую и истомленную стражу у жилищъ короля и герцога. Опасности и надежды утра, даже мечты о славѣ, занимавшія многихъ изъ молодыхъ дворянъ и рыцарей при мысли о великолѣпной наградѣ, предложенной герцогомъ тому, кто лучше всѣхъ отмститъ за умерщвленіе епископа литтихскаго, — все это ускользнуло изъ ихъ памяти, когда они

лежали въ оцѣпенѣніи отъ усталости и сна. Не то было съ Квентиномъ Дорвардомъ. Увѣренность, что онъ одинъ обладаетъ тайною, какъ въ схваткѣ отличить Гильйома де-ла-Марка, воспоминаніе о томъ, кому онъ обязанъ этимъ увѣдомленіемъ, и благопріятное предзнаменованіе, которое изъ этого можно было вывести, — мысль, что судьба привела его теперь къ самому гибельному и сомнительному перелому, но все-таки подававшему надежду хоть на случайность, которая могла бы помочь ему восторжествовать надъ врагомъ, — всѣ эти размышленія лишили его сна и подкрѣпили его мышцы новою силою, торжествовавшею надъ усталостью.

Поставленный, по приказанію короля, на крайней точкѣ между французскими войсками и городомъ, на значительное разстояніе вправо отъ упомянутаго нами предмѣстія, онъ напрягалъ зрѣніе, чтобъ проникнуть сквозь мракъ, и насторожилъ уши, чтобъ не упустить ни малѣйшаго шума въ осажденномъ городѣ. Но огромные колокола городскихъ башень пробили три часа пополуночи, а все было тихо и безмолвно, какъ въ могилѣ.

Наконецъ, когда Квентинъ уже началъ думать, что нападеніе будетъ отложено до разсвѣта, и весело разсуждалъ, что тогда ему будетъ легко отличить полосу поперегъ лилій герба Орлеана, ему показалось, будто онъ слышитъ въ городѣ какое-то жужжаніе, подобное жужжанію пчелъ, собирающихся защищать свои улья. Онъ сталъ прислушиваться — шумъ продолжался; но этотъ шумъ былъ такъ одно-

образенъ, что не отличался никакимъ особеннымъ звукомъ, и его можно было принять за дуновеніе вѣтра, начинающаго шелестить между вѣтвями отдаленной рощи, или за журчаніе какой нибудь рѣчки, разбухшей отъ прошедшаго дождя и катившей свои воды въ лѣнивый Маасъ съ большимъ противъ обыкновеннаго ропотомъ. Такія соображенія заставили Квентина удержаться отъ немедленнаго поднятія тревоги, что было бы большою погрѣшностью, еслибъ онъ это сдѣлалъ понапрасну.

Но когда жужжаніе начало дѣлаться слышнѣе и, казалось, приближалось къ его посту и къ предмѣстію, онъ счелъ долгомъ отступить какъ можно тише назадъ и позвать своего дядю, начальствовавшаго надъ небольшимъ отрядомъ стрѣлковъ, назначенныхъ для его поддержки. Въ одно мгновеніе всѣ они поднялись на ноги съ наименьшимъ по возможности шумомъ. Не прошло секунды, какъ лордъ Крауфордъ былъ уже съ ними и отправилъ одного стрѣлка, чтобъ поднять короля и его приближенныхъ, а самъ отвелъ свой маленькій отрядъ назадъ, на нѣкоторое разстояніе за бивачнымъ огнемъ, чтобъ при свѣтѣ не было его видно. Шорохъ, приблизившись къ нимъ еще нѣсколько, какъ будто вдругъ прекратился; но за то они могли ясно различить отдаленный тяжелый звукъ походки множества людей, приближавшихся къ предмѣстію.

— Лѣнивые Бургундцы заснули на своемъ посту, шепнулъ Крауфордъ: — ступай въ предмѣстіе, Коннингемъ, и разбуди этихъ глупыхъ быковъ.

— Держитесь къ сторонѣ аррьергарда, когда пой-

дете, замѣтилъ Дорвардъ: — если я когда нибудь слыхалъ шаги смертныхъ людей, то между нами и предмѣстіемъ сильный отрядъ.

— Хорошо сказано, Квентинъ, мой молодчикъ! замѣтилъ Крауфордъ: — ты воинъ не по лѣтамъ. Они кажется, пріостановились, чтобъ дать время подойти другимъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ они теперь!

— Я подползу туда, милордъ, отвѣчалъ Квентинъ: — и постараюсь извѣстить васъ объ этомъ.

— Ступай, дитя мое! у тебя и глаза и уши востры, и есть добрая воля; но берегись, я бы не хотѣлъ потерять тебя за два съ *плекомъ* (*).

Квентинъ, съ пищалью на готовѣ, началъ красться впередъ, по мѣсту, которое онъ тщательно осмотрѣлъ при сумеркахъ прошлаго вечера. Онъ вскорѣ увѣрился, что неподалеку отъ него было не только весьма многочисленное сборище вооруженныхъ людей, остановившихся между предмѣстіемъ и главною квартирою короля, но также, что весьма близко къ нему находился отдѣлившійся отъ прочихъ небольшой передовой отрядъ. Люди, составлявшіе этотъ отрядъ, повидимому шептались между собою, какъ будто не зная, на что рѣшиться. Наконецъ, шаги двухъ или трехъ человѣкъ, отдѣлившихся отъ малаго отряда, приблизились къ Дорварду на разстояніе длины двухъ копій. Видя

(*) For two and a plack — простонародное шотландское выраженіе для означенія, что васъ цѣнятъ. Plack — мелкая мѣдная шотландская монета.

невозможность отступить незамѣченнымъ, Квентинъ закричалъ громко: — *Qui vive?* Ему отвѣчали: — *Li... Li... ége, c'est-à-dire* (прибавилъ говорившій поправляясь): — *Vive la France!* Квентинъ тотчасъ же выстрѣлилъ изъ пищали, кто-то застоналъ и рухнулся на землю; а самъ онъ, подъ немедленно вспыхнувшимъ огнемъ множества выстрѣловъ, пущенныхъ на удачу и въ безпорядкѣ вдоль фронта колонны и показывавшихъ ее весьма многочисленною, поспѣшилъ назадъ къ своимъ.

— Чудесно сдѣлано, мое доброе дитя! сказалъ Крауфордъ: — Теперь, друзья, отступайте на дворъ; ихъ такъ много, что намъ нельзя возиться съ ними въ открытомъ полѣ.

Стрѣлки тотчасъ же отступили на дворъ и въ садъ, гдѣ все было въ совершенномъ порядкѣ, и гдѣ король готовился сѣсть на коня.

— Куда, государь? спросилъ Крауфордъ: — вамъ здѣсь будетъ безопаснѣе между своими.

— Не въ томъ дѣло, возразилъ Людовикъ: — я долженъ сейчасъ же отправиться къ герцогу. Надобно увѣрить его въ нашей честности въ такую критическую минуту; иначе и Литтихцы и Бургундцы поднимутся противъ насъ разомъ. — И, вскочивъ на коня, онъ приказалъ Дюнуа начальствовать надъ французскими воинами, которые были внѣ дома, а Крауфорду съ шотландскими стрѣлками и другими находившимися въ домѣ войсками защищать загородный домъ и его окрестность. Онъ велѣлъ также привезти двѣ пушки и столько же фальконетовъ (полевыя орудія), кото-

рые были оставлены въ аррьергардѣ, на разстояніи около полумили; вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился, чтобъ его войска отстаивали свои мѣста, но никакъ не подвигались впередъ, какъ бы успѣшны ни были ихъ дѣйствія. Сдѣлавъ эти распоряженія, король ускакалъ съ весьма немногими изъ своихъ воиновъ въ главную квартиру герцога.

Промедленіе, позволившее исполнить приказанія короля, имѣло причиною то, что Квентинъ, къ счастію, застрѣлилъ хозяина виллы, дѣйствовавшаго въ качествѣ проводника колонны, которая должна была атаковать ее, и еслибъ нападеніе было сдѣлано тотчасъ же, то оно безъ сомнѣнія имѣло бы успѣхъ.

Дорвардъ, по приказанію короля, сопровождалъ его къ герцогу. Они нашли Карла въ состояніи бѣшенаго изступленія, почти непозволявшаго ему исполнять обязанностей полководца, что тогда было особенно необходимо, ибо кромѣ шума яростной рукопашной битвы, завязавшейся въ предмѣстіи около лѣваго крыла осаждающихъ, кромѣ нападенія на главную квартиру короля, которую упорно отстаивали въ центрѣ, третья колонна Литтихцевъ, въ еще превосходнѣйшемъ числѣ, выступила изъ одного болѣе отдаленнаго пролома и, переходя черезъ переулки, виноградники и аллеи, знакомые только туземцамъ, ударила на правый флангъ бургундской арміи, который, устрашась ея криковъ: *Vive la France!* — *Denis Montjoie!* перемѣшанныхъ съ *Liège! Rouge Sanglier!* и отъ родившейся вслѣдствіе того мысли объ измѣнѣ своихъ французскихъ союзниковъ, оказывалъ только слабое и непостоянное сопро-

тивленіе. Между тѣмъ, герцогъ, съ пѣною у рта, проклиналъ, ругалъ своего верховнаго властелина и все, что къ нему принадлежало, и ревѣлъ, чтобъ стрѣляли изъ луковъ, пушекъ и пищалей по всему французскому, бѣлому или черному, упоминая объ отличительныхъ признакахъ Французовъ, которыми Людовикъ велѣлъ своимъ воинамъ обвязаться изъ предосторожности.

Прибытіе короля, сопровождаемаго только Рубцомъ, Квентиномъ и десяткомъ стрѣлковъ, возстановило довѣренность герцога къ французскому монарху. Д'Эмберкуръ, Крэвкеръ и другіе бургундскіе предводители, которыхъ имена гремѣли тогда военною славой, стремительно бросились въ битву; одни военачальники поспѣшили ввести въ дѣло болѣе отдаленныя войска, на которыхъ не успѣлъ подѣйствовать паническій страхъ; другіе бросились въ середину суматохи, оживляя инстинктъ дисциплины и порядка; самъ герцогъ трудился впереди всѣхъ, крича, рубя на обѣ стороны, сражаясь, подобно простому воину, такъ что наконецъ Бургундцы мало-по-малу пришли въ порядокъ и смутили нападающихъ дѣйствіемъ своей артиллеріи. Съ другой стороны, Людовикъ велъ себя, какъ хладнокровный, разсудительный, прозорливый полководецъ, который не ищетъ и не избѣгаетъ опасностей, и показалъ столько присутствія духа и проницательности, что бургундскіе военачальники охотно повиновались его приказаніямъ.

Сцена сдѣлалась теперь въ высшей степени оживленною и ужасною. Влѣвѣ, предмѣстье, послѣ упорной сѣчи, было зажжено, и страшный пожаръ не по-

мѣшалъ сражающимся оспоривать другъ у друга пылающія развалины. Въ центрѣ, французскія войска, хотя тѣснимыя огромнымъ неравенствомъ силъ, поддерживали такой ровный и непрерывный огонь, что маленькій загородный домъ сіялъ отъ безпрестанныхъ вспышекъ огнестрѣльнаго оружія, какъ будто окруженный пламеннымъ вѣнцомъ мученика. Вправѣ масса сражающихся колебалась взадъ и впередъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, смотря потому, подоспѣвали ли свѣжія войска изъ города, или подходили подкрѣпленія съ тыла бургундской арміи; жаркая битва продолжалась цѣлые три часа, въ продолженіе которыхъ насталъ разсвѣтъ, столь желанный для осаждающихъ. Въ это время, непріятель повидимому ослабилъ свои усилія противъ праваго крыла и центра, и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ раздалось изъ лустгауза. — Отправляйтесь! сказалъ король Рубцу и Квентину, лишь только звуки эти долетѣли до его слуха: — они привезли орудія и фальконеты; загородный домъ спасенъ, хвала святой Дѣвѣ! Скажите Дюнуа, чтобъ онъ направился сюда; но лучше пусть онъ держится ближе къ стѣнамъ Литтиха со всѣми нашими воинами, кромѣ тѣхъ, кого онъ оставитъ для защиты дома, и пусть врѣзывается между этими тупоголовыми Литтихцами на правомъ крылѣ и городомъ, откуда къ нимъ подходятъ вспомогательные отряды.

Дядя и племянникъ поскакали къ Дюнуа и Крауфорду, которые, наскучивъ оборонительными дѣйствіями, обрадовались такому повелѣнію и выступили съ благородною дружиной человѣкъ двухсотъ фран-

цузскихъ дворянъ, кромѣ оруженосцевъ, и большею частію шотландскихъ стрѣлковъ съ ихъ свитами. Они направились черезъ поле, стаптывая раненыхъ, пока не добрались до фланга Литтихцевъ, которые такъ яростно нажимали на правое крыло Бургундцевъ. Усиливавшійся дневной свѣтъ показалъ, что число непріятелей продолжаетъ увеличиваться подкрѣпленіями изъ города, высыпаемыми съ тѣмъ, чтобъ продолжать битву на этомъ пунктѣ, или чтобъ выручить войска, которыя тамъ дѣйствовали.

— Клянусь небомъ! сказалъ старый Крауфордъ, обратясь къ Дюнуа: — еслибъ я не былъ увѣренъ, что ты ѣдешь подлѣ меня, то сказалъ бы, что видѣлъ тебя тамъ между разбойниками и горожанами, которыхъ ты приводилъ въ порядокъ и направлялъ ихъ своею палицей; только если это ты, такъ ты ростомъ больше, нежели имѣешь привычку быть. Увѣренъ ли ты, что тотъ вооруженный предводитель не двойникъ твой, какъ говорятъ эти Фламандцы?

— Мой двойникъ! отвѣчалъ Дюнуа: — я васъ не понимаю. Но тамъ есть одна собака съ моими гербами на щитѣ и нашлемникѣ, которую я сейчасъ накажу за такую дерзость.

— Ради всего, что есть благороднаго, монсеньёръ, предоставьте это мщеніе мнѣ! вскричалъ Квентинъ.

— Тебѣ? будто бы, молодой человѣкъ? возразилъ Дюнуа: — скромная просьба! Нѣтъ, эти вещи не допускаютъ замѣны. Потомъ, обернувшись въ сѣдлѣ, онъ закричалъ окружающимъ его: — Господа французскіе дворяне, стройтесь! копья на перевѣсъ!

Пусть восходящее солнце свѣтитъ своими лучами сквозь толпу этихъ литтихскихъ свиней и арденскихъ бороновъ, которые щеголяютъ въ нашихъ старинныхъ гербахъ!

Воины отвѣчали громкими восклицаніями: — Дюнуа! Дюнуа! Да здравствуетъ храбрый Дюнуа! Орлеанъ на выручку! — И, окружая своего предводителя, они атаковали непріятеля на всемъ скаку. Но Французы встрѣтили неробкихъ враговъ. Большая масса, на которую они устремились, состояла (кромѣ нѣсколькихъ главныхъ начальниковъ) исключительно изъ пѣхоты, которая, упершись древкомъ копья противъ ноги, съ первымъ рядомъ, ставшимъ на колѣни, со вторымъ нагнувшимся, а третьимъ, выставившимъ свои копья надъ головами двухъ остальныхъ, представляла такое сопротивленіе пылкой атакѣ рыцарей, какимъ ёжъ обороняется противъ своего непріятеля. Немногіе могли пробиться сквозь такую желѣзную стѣну; но въ числѣ этихъ немногихъ былъ Дюнуа: давъ шпоры своему коню, онъ заставилъ благородное животное сдѣлать прыжокъ футовъ на двѣнадцать съ одного размаха, ворвался въ середину фаланги и пробивался къ предмету своего негодованія. Но каково было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ подлѣ себя Квентина, сражающагося съ нимъ рядомъ! Юность, отчаянная храбрость и рѣшимость дѣйствовать или умереть, дали ему силы не отставать отъ перваго рыцаря въ Европѣ (въ то время Дюнуа пользовался по справедливости такою славою).

Копья обоихъ были вскорѣ переломлены; но ланц-

кнехты не могли устоять противъ ударовъ ихъ длинныхъ и тяжкихъ мечей, тогда какъ кони и всадники совершенно покрытые сталью, мало терпѣли отъ ихъ оружія. Между тѣмъ, оба они наперерывъ прорывались къ тому мѣсту, гдѣ тотъ, кто украсился гербовыми принадлежностями знаменитаго французскаго рыцаря, исполнялъ долгъ хорошаго и доблестнаго предводителя. Вдругъ Дюнуа, замѣтивъ кабанью голову и клыки, всегдашній гербъ Гильйома де-ла-Марка въ другомъ мѣстѣ битвы, закричалъ Квентину: — Ты достоинъ отмстить за гербы Орлеана! Оставляю этотъ подвигъ тебѣ. *Balafré*, поддерживай своего племянника! но чтобъ никто не смѣлъ мѣшать кабаньей травлѣ Дюнуа!

Что Квентинъ Дорвардъ съ радостью согласился на такое раздѣленіе работъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; каждый рвался впередъ къ своему избранному противнику, поддерживаемый съ тыла тѣми воинами, которые успѣвали за ними слѣдовать.

Но въ это время колонна, которую де-ла-Маркъ хотѣлъ подкрѣпить, когда собственный путь его былъ остановленъ атакою Дюнуа, потеряла всѣ выгоды, пріобрѣтенныя ею въ продолженіе ночи; и Бургундцы съ наступающимъ днемъ начали показывать имъ всѣ преимущества превосходной воинской дисциплины. Многочисленная масса Литтихцевъ была принуждена отступить и наконецъ обратилась въ бѣгство; наталкиваясь на тѣхъ, которые сражались съ французскими воинами, они вскорѣ превратили все въ смѣшанный потокъ бьющихся, бѣглецовъ и преслѣдователей, который ка-

тился къ городскимъ стѣнамъ и наконецъ ввалилъ въ пространный и беззащитный проломъ, откуда Литтихцы сдѣлали свою вылазку.

Квентинъ прилагалъ усилія свыше человѣческихъ, чтобъ настичь главный предметъ своего преслѣдованія, который все былъ у него въ виду и голосомъ и примѣромъ старался онъ возобновить битву, поддерживаемый храброю, отборною толпою ланцкнехтовъ. Рубецъ и нѣкоторые изъ его товарищей пристали къ Квентину, удивляясь необычайной храбрости, обнаруженной такимъ молодымъ воиномъ. На самой закраинѣ пролома, де-ла-Маркъ, — потому что это былъ онъ, — успѣлъ пріостановить на мгновеніе бѣгущихъ и отбить нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выбравшихся впередъ преслѣдователей. Въ рукѣ его была желѣзная палица, передъ которою повидимому склонялось все, и онъ до того былъ покрытъ кровью, что̀ почти невозможно было разобрать гербовъ, которые такъ разгнѣвали Дюнуа.

Квентинъ высмотрѣлъ его для себя безъ большого затрудненія: возвышенное мѣсто, на которомъ онъ остановился, и розмахи его ужасной палицы, заставили осаждающихъ искать себѣ для нападенія болѣе безопасныхъ пунктовъ, нежели тотъ, гдѣ имъ представлялся такой страшный защитникъ. Но Квентинъ, знавшій, какую важность должна имѣть для него побѣда надъ этимъ грознымъ противникомъ, соскочилъ съ коня у самаго пролома, и бросивъ на произволъ судьбы благородное животное, подаренное ему герцогомъ Орлеанскимъ, взлѣзъ по развалинамъ наверхъ,

чтобъ помѣряться на мечахъ съ Вепремъ Арденскимъ. Послѣдній, какъ будто понявъ его намѣреніе, обратился на Дорварда съ поднятою палицей; они уже готовы были сойдтись, какъ вдругъ ужасные крики торжества, безпорядка и отчаянія, возвѣстили, что осаждающіе входятъ въ городъ съ другой стороны и съ тыла защищавшихъ проломъ. Де-ла-Маркъ, услышавъ этотъ шумъ, покинулъ проломъ и, собравъ вокругъ себя голосомъ и звукомъ рога отчаянныхъ сподвижниковъ, пытался отступить въ ту часть города, откуда бы могъ переправиться на противоположный берегъ Мааса. Ближайшіе изъ его свиты составляли дружину хорошо обученныхъ воиновъ, которые, никогда и никому не давая пощады, рѣшились и теперь не просить ея; въ этотъ отчаянный часъ они составили такой непроницаемый строй, что фронтъ ихъ занималъ всю ширину улицы; они медленно отступали, подвигаясь по временамъ впередъ и отбивая преслѣдователей, изъ которыхъ многіе нашли, что безопаснѣе оставить ихъ въ покоѣ, и пустились грабить домы жителей. Поэтому, вѣроятно де-ла-Марку можно бы еще было спастись, тѣмъ болѣе, что ложный костюмъ спасалъ его отъ тѣхъ, которые цѣною его головы рѣшились пріобрѣсти себѣ знатность и славу, — еслибъ не упорное преслѣдованіе Квентина, Рубца и нѣсколькихъ его товарищей. При всякой остановкѣ ланцкнехтовъ, завязывалась яростная битва между ими и стрѣлками, и въ каждой схваткѣ Квентинъ искалъ де-ла-Марка; но послѣдній, котораго главною цѣлью было отступленіе, повидимому уклонялся отъ единоборства, же-

лаемаго молодымъ Шотландцемъ. Смятеніе было общее по всѣмъ направленіямъ; плачъ и крики женщинъ, вопль несчастныхъ жителей, подверженныхъ всѣмъ крайностямъ военнаго буйства, — все это раздавалось съ ужасающею звонкостью среди криковъ битвы, какъ будто голосъ отчаянія и страданія спорилъ съ восклицаніями ярости и насилія о томъ, кто изъ нихъ будетъ слышенъ дальше и громче.

Въ это время, де-ла-Маркъ, отступая среди такой адской сцены, прошелъ дверь маленькой часовни, знаменитой по своей святынѣ; крики: «Франція! Франція! Бургундія! Бургундія!» извѣстили его, что часть осаждающихъ входитъ съ другого, болѣе тѣснаго конца улицы, и что отступленіе ему отрѣзано. — Конрадъ! сказалъ онъ: — возьми съ собою всѣхъ людей, ударь на этихъ негодяевъ хорошенько и пробейся, если можешь: со мною все кончено. У меня еще станетъ мужества, чтобъ теперь, въ послѣдней крайности, отправить въ адъ передовыми нѣсколькихъ изъ этихъ шотландскихъ бродягъ.

Помощникъ его повиновался и бросился со всѣми уцѣлѣвшими ланцкнехтами въ тотъ конецъ улицы, съ котораго приближались Бургундцы, чтобъ прорваться сквозь нихъ и уйдти. Человѣкъ шесть лучшихъ изъ сподвижниковъ де-ла-Марка рѣшились погибнуть вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ и смѣло встрѣтили стрѣлковъ, которые немного превышали ихъ числомъ. — *Sanglier! Sanglier!* Господа шотландскіе дворяне! говорилъ злодѣй и вмѣстѣ неустрашимый военачальникъ, размахивая своей палицей: — кто желаетъ пріобрѣсти

графскую корону? кто ударитъ на Вепря Арденнскаго? Ты, молодой человѣкъ, имѣешь къ ней, кажется, призваніе; но ты долженъ напередъ добыть ее!

Квентинъ едва разслышалъ эти слова, которыя отчасти сливались въ пустотѣ шлема, но не ошибся въ значеніи дѣйствія, ихъ сопровождавшаго. Закричавъ своему дядѣ и товарищамъ, чтобъ они раздались, и заклиная ихъ именемъ благородныхъ людей, онъ увидѣлъ, что де-ла-Маркъ прянулъ на него какъ тигръ, готовясь нанести ударъ палицею и соразмѣряя свой прыжокъ такимъ образомъ, чтобъ нога и рука опустились въ то же мгновеніе, и чтобъ скачкомъ усилить могучій размахъ оружія; но Квентинъ Дорвардъ, быстроокій и легкій на ногахъ, отлетѣлъ въ сторону и увернулся отъ удара, который былъ бы для него пагубнымъ.

Тогда они схватились, какъ волкъ и песъ волчьей породы. Товарищи съ каждой стороны оставались бездѣйственными зрителями, ибо Рубецъ ревѣлъ, чтобъ дали имъ честную игру, прибавя, что пустилъ бы своего племянника на противника, еслибъ тотъ былъ также дюжъ, какъ самъ Валласъ.

Увѣренность опытнаго воина оказалась справедливою. Хотя удары отчаяннаго разбойника сыпались какъ удары молота по наковальнѣ, но быстрота движеній и ловкость молодого Шотландца помогали ему или избѣгать, или отражать, или вознаграждать ихъ остріемъ конца своего менѣе шумнаго, но болѣе опаснаго оружія; стрѣлокъ дѣйствовалъ такъ искусно и такъ успѣшно, что огромная сила его противника на-

чала ослабѣвать отъ усталости, а мѣсто, на которомъ они бились, превратилось въ кровавую лужу. Но храбрость и ярость Дикаго Вепря не ослабѣвали, и онъ сражался по прежнему ожесточенно, такъ что побѣда Квентина казалась все еще сомнительною и отдаленною, какъ вдругъ позади его раздался женскій голосъ, звавшій его по имени и восклицавшій: — Спасите! спасите, ради самой пречистой Дѣвы!

Онъ обернулся и съ перваго взгляда узналъ Гертруду Павильйонъ, съ которой мантилья была сорвана и которую насильно тащилъ одинъ французскій воинъ изъ числа ворвавшихся въ часовню и захватившихъ, въ видѣ добычи, испуганныхъ женщинъ, искавшихъ себѣ тамъ убѣжища. — Подожди меня только минуту! воскликнулъ Квентинъ де-ла-Марку и бросился освобождать свою благодѣтельницу изъ опасности, которую вполнѣ понималъ.

— Я не жду ничьего досуга, отвѣчалъ Дикій Вепрь, размахивая палицею и начиная отступать, довольный, можетъ быть, что отдѣлался отъ такого жаркаго противника.

— Однако ты подождешь моего, если угодно, сказалъ Рубецъ: — я не хочу, чтобъ племянника моего обманывали. Сказавъ это, онъ бросился на де-ла-Марка съ своимъ двоеручнымъ мечомъ.

Квентинъ, между тѣмъ, увидѣлъ, что освобожденіе Гертруды было труднѣе, чѣмъ онъ воображалъ. Захватившій ее поддерживаемъ былъ товарищами и отказался покинуть добычу; пока Дорвардъ, при помощи двухъ человѣкъ изъ своихъ земляковъ, старался

принудить его къ этому, онъ увидѣлъ, что случай, доставленный ему Фортуною для пріобрѣтенія счастія, ускользаетъ изъ его рукъ, такъ что, когда онъ очутился среди улицы со спасенною Гертрудой, то замѣтилъ, что около нихъ никого уже не было. Забывъ совершенно беззащитное положеніе своей спутницы, онъ хотѣлъ броситься снова въ погоню за Вепремъ Арденнскимъ, подобно тому, какъ гончая выслѣживаетъ звѣря, но Трудхенъ, прижимаясь къ нему въ отчаяніи, умоляла: — Ради чести вашей матери, не покидайте меня здѣсь! Если вы благородный человѣкъ, проводите меня до дома моего отца, въ которомъ вы нѣкогда нашли убѣжище вмѣстѣ съ графиней Изабеллой. Ради *ея* имени не оставляйте меня!

Квентинъ не могъ противиться ея мучительной безнадежности: съ невыразимымъ огорченіемъ простившись мысленно со всѣми блестящими надеждами, которыми подкрѣплялись его усилія въ этотъ кровавый день и которыя ужь приближались было къ исполненію, онъ, какъ духъ, повинующійся непреоборимому заклинанію, проводилъ Гертруду къ дому Павильйона и поспѣлъ во время, чтобъ защитить домъ и самого синдика противъ бѣшенства необузданныхъ грабителей.

Между тѣмъ, король и герцогъ бургундскій въѣзжали въ городъ верхомъ, въ одинъ изъ проломовъ. Оба были въ полномъ вооруженіи: герцогъ, забрызганный кровью отъ перьевъ шлема до шпоръ, бѣшено взлетѣлъ съ конемъ своимъ на проломъ, куда Людовикъ поднялся величавымъ шагомъ человѣка, ведущаго торжественное шествіе. Они тотчасъ же разо-

слали повелѣнія остановить грабежъ, который уже начался, и собрать разсыпавшіяся по городу войска. Сами государи направились къ соборной церкви, какъ для того, чтобъ защитить укрывшихся въ ней многихъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ, такъ и за тѣмъ, чтобъ держать тамъ родъ военнаго совѣта, отслушавъ напередъ благодарственный молебенъ.

Лордъ Крауфордъ, подобно другимъ военачальникамъ, хлопотавшій, чтобъ собрать своихъ подчиненныхъ, увидѣлъ на поворотѣ одной улицы, по направленію къ Маасу, Рубца, который спокойно шелъ къ рѣкѣ, держа за окровавленные волосы человѣческую голову съ такимъ равнодушіемъ, съ какимъ птицеловъ несетъ на продажу дичъ.

— Что ты, Людовикъ? воскликнулъ его начальникъ: — что ты дѣлаешь съ этой мертвечиной?

— Тутъ все, что осталось отъ одной работы, которую обдѣлывалъ мой племянникъ и почти кончилъ, и къ которой я окончательно приложилъ руку, отвѣчалъ Рубецъ: — это одинъ пріятель, котораго я довершилъ тамъ и который просилъ меня бросить голову его въ Маасъ. У людей странныя причуды, когда ихъ подхватываетъ узкоспинный (*); а ему прійдется когда нибудь плясать со всѣми нами въ свое время.

— И ты отправляешься, чтобъ бросить эту голову въ рѣку? сказалъ Крауфордъ, глядя съ особеннымъ вниманіемъ на страшное доказательство побѣды.

(*) *Small Back* — простонародное шотландское названіе смерти, которую вообще воображаютъ въ видѣ скелета.

— Разумѣется, милордъ. Если отказать умирающему въ послѣдней просьбѣ, такъ духъ его послѣ не дастъ покоя, а я люблю спать по ночамъ.

— Ну, такъ тебѣ прійдется возиться съ духомъ, пріятель, возразилъ Крауфордъ: — клянусь душою, на этой мертвой рожѣ лежитъ больше, чѣмъ ты воображаешь. Ступай со мною!... Ни слова; пойдемъ.

— Ну, что до этого, я не давалъ ему обѣщанія, сказалъ Рубецъ: — по правдѣ сказать, я отхватилъ ему голову прежде, чѣмъ языкъ у него совершенно пересталъ болтаться. А если я не боялся его живого, то, клянусь св. Мартиномъ Турскимъ, не больше побоюсь и мертваго. Да кромѣ того, куманекъ мой, веселый монахъ св. Мартина, дастъ мнѣ на случай кружку святой воды.

Когда кончился благодарственный молебенъ въ соборной церкви Литтиха, и злополучный городъ былъ приведенъ въ порядокъ, Людовикъ и Карлъ, окруженные своими пэрами, рѣшились выслушать притязанія тѣхъ, которые заслужили себѣ особенныя права на отличіе во время битвы. Прежде всего приступлено было къ разбору тѣхъ притязаній, которыя касались графства Круай и его прекрасной обладательницы: къ отчаянію многихъ искателей, считавшихъ себя заслужившими такую богатую награду, оказалось, что сомнѣніе и неизвѣстность покрывали ихъ требованія. Крэвкеръ показалъ кабанью шкуру, какую обыкновенно носилъ де-ла-Маркъ; Дюнуа представилъ разрубленный щитъ съ его гербами, и нѣсколько человѣкъ другихъ, присвоивавшихъ себѣ честь отправле-

нія на тотъ свѣтъ убійцы епископа, доказывали свои подвиги такими же признаками: награда за голову де-ла-Марка призвала смерть на всѣхъ, нарядившихся въ подражаніе ему.

Много шума и несогласій было между спорившими состязателями. Карлъ, внутренно сожалѣя о томъ, что такъ опрометчиво обѣщалъ руку и богатство своей прекрасной вассалки, надѣялся какъ нибудь уклониться отъ всѣхъ этихъ сомнительныхъ притязаній, какъ вдругъ втѣснился туда Крауфордъ, тащившій за руку Рубца, который слѣдовалъ за нимъ неохотно, смущенный и неловкій, подобно мелелянской собакѣ, которую влекутъ на сворѣ. — Прочь съ вашими шкурами, копытами и раскрашеннымъ желѣзомъ! воскликнулъ старый лордъ: — никто, кромѣ того, кто убилъ Вепря, не можетъ показать его клыковъ!

Съ этими словами онъ бросилъ на землю окровавленную голову, которую легко признали за принадлежавшую де-ла-Марку по странному образованію челюстей, дѣйствительно походившихъ нѣсколько на челюсти животнаго, котораго имя онъ носилъ, и это тотчасъ же разсмотрѣли всѣ, кому только случалось его знать (*).

(*) Мы уже упомянули объ анахронизмѣ касательно преступленій этого свирѣпаго барона; едва ли нужно повторять, что если онъ дѣйствительно умертвилъ епископа литтихскаго въ 1482, то графъ де-ла-Маркъ не могъ быть убитъ при защитѣ Литтиха четырьмя годами ранѣе. Дѣйствительно Дикій Вепрь Арденнскій, какъ его обыкновенно называли, былъ высокаго рода, будучи третьимъ сыномъ Іоанна I, графа де-

— Крауфордъ! сказалъ Людовикъ, между тѣмъ, какъ герцогъ бургундскій молчалъ въ мрачномъ и недовольномъ удивленіи: — надѣюсь, что одинъ изъ моихъ вѣрныхъ Шотландцевъ добылъ этотъ призъ?

— Людовикъ Лесли, государь, котораго мы называемъ Рубцомъ, отвѣчалъ старый лордъ.

— Но дворянинъ ли онъ? сказалъ герцогъ: благородной ли крови? иначе онъ не воспользуется нашимъ обѣщаніемъ.

— Онъ таки довольно уродливый чурбанъ, возразилъ Крауфордъ, глядя на высокую, неловкую, сконфуженную фигуру стрѣлка: — но, не смотря на то, ручаюсь вамъ, что это вѣтвь дерева Ротесовъ, а они такъ же знатны, какъ любой домъ во Франціи или Бургундіи, съ тѣхъ поръ, какъ говорится о ихъ родоначальникѣ, что

Between the *less-lee* and the mair,
He slew the Knight, and left him there (*).

ла-Марка и Аремберга и предка отрасли фамиліи бароновъ де-Люменъ (de-Lumain) Онъ неизбѣжалъ наказанія за свою жестокость, хотя это случилось и не въ то время и не такимъ образомъ, какъ разсказано въ нашемъ повѣствованіи. Максиміліанъ, императоръ германскій, велѣлъ задержать его въ Утрехтѣ, гдѣ онъ былъ обезглавенъ въ 1485, три года спустя послѣ смерти епископа литтихскаго.

(*) «Между прибережьемъ и моремъ онъ убилъ рыцаря и оставилъ его тамъ.» Старинная пѣсня, которою фамилія Лесли доказываетъ свое происхожденіе отъ древняго рыцаря, убившаго, какъ говорятъ, въ единоборствѣ исполинскаго венгерскаго бойца, и составившаго себѣ имя изъ игры словъ, доставленной ему названіемъ мѣста побоища.

— Въ такомъ случаѣ, нечѣмъ пособить горю, сказалъ герцогъ Карлъ: — прекраснѣйшая и богатѣйшая наслѣдница въ цѣлой Бургундіи должна быть женою грубаго воина, или умереть въ монастырѣ, — а она единственное дитя нашего доблестнаго Регинальда де-Круай. Я былъ слишкомъ опрометчивъ...

Чело герцога омрачилось къ удивленію всѣхъ его вельможъ, которые рѣдко видали, чтобъ онъ изъявлялъ малѣйшее сожалѣніе о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ своихъ скорыхъ рѣшеній.

— Позвольте на минуту, сказалъ Крауфордъ: — дѣло, можетъ быть, лучше, чѣмъ ваша милость предполагаете. Выслушайте только, что скажетъ этотъ рыцарь. Говори, чтобъ зараза тебя побрала! прибавилъ онъ вполголоса Рубцу.

Но хотя грубый воинъ и находилъ возможность выражаться довольно понятно, когда говорилъ съ королемъ Людовикомъ, къ короткости котораго привыкъ, однако почувствовалъ себя неспособнымъ высказать свою рѣшимость передъ такимъ блестящимъ собраніемъ, какое видѣлъ передъ собою. Повернувшись плечомъ къ государямъ, онъ хрипло усмѣхнулся вмѣсто предисловія, скорчилъ лицо нѣсколькими страшными гримасами и только могъ произнести слова: «Сундерсъ Соупльджау...» и послѣ того умолкъ.

— Если ваше величество и ваша милость позволите, сказалъ лордъ Крауфордъ: — я долженъ говорить за своего земляка и стараго товарища. Дѣло въ томъ, что ему напророчилъ одинъ вѣщунъ на родинѣ, что счастье его дома должно составиться посредствомъ

женитьбы; но такъ какъ онъ, подобно мнѣ, — и тѣмъ хуже для насъ обоихъ... любитъ винный погребъ больше, чѣмъ дамскую лѣтнюю гостиную, и, короче, имѣетъ нѣкоторые казарменные вкусы и привычки, которые сдѣлали бы для него величіе помѣхою, то онъ дѣйствуетъ по моему совѣту и отказывается отъ своихъ притязаній на награду за голову Гильйома дела-Марка въ пользу того, кѣмъ Дикій Вепрь былъ дѣйствительно доведенъ до послѣдней крайности, — именно, въ пользу своего племянника.

— Я готовъ поручиться за заслуги этого юноши и за его благоразуміе, сказалъ король Людовикъ, весьма довольный тѣмъ, что награда переходитъ къ человѣку, на котораго онъ имѣлъ, нѣкоторое вліяніе. — Безъ его бдительности и разсудительности, мы погибли бы: онъ извѣстилъ насъ о ночной вылазкѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я обязанъ ему нѣкоторымъ вознагражденіемъ за то, что сомнѣвался въ его правдивости, сказалъ Карлъ.

— А я могу засвидѣтельствовать его воинскую доблесть, сказалъ Дюнуа.

— Однако, прервалъ Крэвкеръ: — хотя дядя его и шотландскій *gentillatre*, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ племянникъ былъ тѣмъ же.

— Онъ изъ дома Дорвардовъ, возразилъ лордъ Крауфордъ: — происходитъ отъ того самаго Оллена Дорварда, который былъ великимъ гофмейстеромъ Шотландіи.

— Ну, если это молодой Дорвардъ, сказалъ Крэвкеръ: — такъ мнѣ нечего и говорить. Фортуна такъ

рѣшительно объявила себя въ его пользу, что я не могу отважиться спорить съ причудами этой своенравной дамы. Странно, однако, какъ удивительно эти Шотландцы, начиная съ лорда до конюха, стоятъ другъ за друга...

— Горцы! плечомъ къ плечу! отвѣчалъ лордъ Крауфордъ, смѣясь неудовольствію надменнаго Бургундца.

— Нужно еще узнать, сказалъ задумчиво Карлъ: — каковы чувства этой красавицы относительно счастливаго авантюриста.

— Клянусь обѣдней! отвѣчалъ Крэвкеръ: — я имѣю слишкомъ много причинъ полагать, что ваша милость найдете ее теперь болѣе покорною верховной власти, чѣмъ въ прежнихъ случаяхъ. Но за чѣмъ мнѣ ворчать на этого юношу за оказанное ему предпочтеніе? Какъ бы то ни было, ему разсудокъ, твердость и храбрость доставили обладеніе *богатствомъ, знатностью* и *красотою*!

КОНЕЦЪ.